Ирина
ГЛЕБОВА

Хроники
семьи Волковых

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Хроники семьи Волковых. Роман-быль. Что есть знаменитая книга Маргарет Митчел «Унесённые ветром»? Просто история жизни и любви молодой девушки, припавшая на годы социальных потрясений в стране… Разве не в такие годы проходила молодость наших бабушек и дедушек, отцов и матерей? Ведь весь минувший век был временем сплошных социальных потрясений для нашей страны. Тридцатые-сороковые — вот когда довелось взрослеть, любить, многому учиться молодой героине романа писательницы Ирины Глебовой…

- Ирина Глебова (Полякова)
  - Воспоминания
  - Детство на Довгой улице
  - Праздники детства
  - Сельский исполнитель
  - Наводнение
  - Сёстры. Дарья
  - Сёстры. Галя
  - Сёстры. Мария
  - Учёба
  - Без дома
  - Выбор пути
  - Братья. Денис
  - Братья. Фёдор
  - Лето перед Залужным
  - Молодая учительница
  - Василий Кочуков
  - Предвоенные Лиски
  - Война. Путешествие из Лисок в Бутурлиновку
  - Саша Лунёв
  - Война. В родном доме
  - Война. Бомбёжки
  - Замужество
  - Харьков. Лунёвы
  - Работа. «Туберкулёзница»
  - Развод
  - Одна
  - Николай
  - Поляковы
  - Николай. Война
  - Начало новой жизни

- ○ Семья
- ○ Запомнить на всю жизнь

Ирина Глебова (Полякова)
Хроники семьи Волковых
Роман-быль

Воспоминания

Далеко не всем людям удаётся сохранить такую память, которая воспроизводит картинки прожитой жизни с кинематографической точностью. У Анны Александровны до самых преклонных лет память была ясной, как родниковое озерцо: стоило лишь склониться, чуть вглядеться — и вот они, минувшие годы, родные лица, события…

Песня «И ты, с седыми прядками, над нашими тетрадками, учительница первая моя» — это про неё, Анну Александровну. Она учила ребят с первого по четвёртый класс, была строга и требовательна, но ученики любили её беззаветно, продолжали ходить к ней и став взрослыми, а в трудные годы помогали…

Классическая учительница: полноватая, но с прекрасной прямой осанкой, в строгом платье с белоснежным воротничком, седыми, красиво завитыми и уложенными волосами, тёмными блестящими глазами под чёрными, изогнутыми, словно нарисованными бровями. Многие думали, что она брови выщипывает и подводит. Но никогда она этого не делала — такое получила наследство. Так же, как и густые волосы, которые к старости сильно поседели, но не поредели. Так же, как и зубы: никогда в жизни она не испытала зубной боли, не пошла к стоматологу, все зубы были целы. Так же, как и память. В последние годы жизни она часто и ярко вспоминала детство, юность, молодость. Припали они на 20-е, 30-е, 40-е годы минувшего уже, двадцатого века. Годы, самые сложные для страны, превращавшейся из Государства Российского в Советский Союз. Всё тогда или ломалось, или строилось — и в общественном укладе, и в судьбах людей. Беды переплетались с радостью, семьи или рушились, или сплачивались, преодолевая несчастья и возрождаясь. Дети росли. Они лучше старших адаптировались в новой жизни, находили свою дорогу. Так было и в семье Анны Александровны, семье Волковых.

Они жили в небольшом городке. Рядом, километрах в двухстах, крупный город Воронеж, с другой стороны, почти на таком же расстоянии, большая река Дон. А здесь, на маленькой речке Осередь их маленькая Бутурлиновка. Когда-то, в начале 18-го века, на землях генерал-фельдмаршала Бутурлина возникла слобода. Первыми осели здесь переселенцы с Украины. Так и повелось в Бутурлиновке — русский язык здесь органично сплетался с украинским. Волковы были русскими, но, как и многие их соседи, говорили по-украински — а, вернее, на таком своеобразном суржике.

Как ни мала Бутурлиновка, но в конце 19, начале 20 века её называли «знаменитой слободой», что означало — одно из самых многолюдных сельских поселений России. Жило там тогда более 20 тысяч человек — почти столько же, сколько и сейчас. Работали заводы кирпичные, салотопенные, винокурные, но более всего — целых двадцать — было кожевенных заводов. Потому и из ремёсел наиболее процветали здесь выделка кож и сапожное дело. Сапоги, сработанные в Бутурлиновке, славились по всей России. Волковым это было хорошо известно.

В 1917 году, за год до рождения Анны Александровны, Бутурлиновка стала именоваться городом.

Детство на Довгой улице

Дом, в котором Аня Волкова родилась в 1918 году, стоял на длинной улице. У неё, конечно, было официальное название, но Аня его не запомнила. Ведь все называли улицу просто «Довгая». На украинском языке это и значило «Длинная». Считалось даже, что это не город, а сельский район.

Дом достался им от семьи старших Волковых. Отец Ани, Александр Степанович Волков, был у своих родителей единственный сын. Вообще из всей родни у него имелся один двоюродный брат. Часто, когда отец выпивал, он плакал пьяными слезами и жалел себя: «Сирота я, никого у меня нет!»… Его родителей, своих дедушку и бабушку, Аня помнила смутно. Дед Степан летом «чумаковал» — возил на продажу соль, а зимой шил сапоги. Бабушка Ольга очень хорошо пела и передала этот свой дар по наследству не только единственному сыну, но и почти всем своим внукам… После смерти родителей дом остался Александру и его семье.

Первые детские воспоминания… Когда Ане было четыре года, вышла замуж её самая старшая сестра Дарья. Аня помнит свадьбу: молодые сели в расписной красивый возок, запряжённый в тройку, и укатили в церковь венчаться. А потом, в доме, они стояли в углу, и гости парами подходили поздравлять. По бокам молодых стояли шафера с подносами: на один поднос клали подарки, с другого брали по рюмке. Выпивали, кланялись молодым, отходили. Подходили следующие… Когда пары закончились, кто-то из гостей обратил внимание на четырёхлетних Аню и Юню (Ефима Котлярова, двоюродного брата Ани по матери). Дети сидели рядышком на большом, зелёном, узорчатом, оббитым медью сундуке с Дашиным приданым. Пошутил:

— А эта парочка чего же не поздравляет?

Их сняли с сундука, поставили рядом, и они пошли к молодым под смех и шуточки. Там им сунули какие-то сладости в ладошки, и они вернулись к сундуку. А залезть на него не могут! Животами ложатся, руками тянутся — нет, не получается, высок сундук! И опять кто-то со смехом их подхватил на руки, посадил.

Потом ещё некоторое время Аня всё ходила к дому, куда переехала жить Даша, благо дом её был напротив — прямо через улицу, окна в окна, — и звала:

— Дашо, идём до дому!

Ведь именно старшая сестра возилась с ней с самого рождения, была первой нянькой самой младшей Ани.

Отец, Александр Волков, — высокий, красивый мужчина с серыми глазами, густой шевелюрой, которая и до смерти не была сильно седой, с русой бородкой и усами. Он был очень силён. В Бутурлиновке, как и во многих городках того времени, периодически вспыхивали кулачные бои — улица на улицу. И если появлялся среди бойцов Александр Волк (так его прозывали), то противники сразу ложились на землю — лежачего не бьют! Вот такая в нём была силища и так его боялись. Боялась его и Феклуша, ещё когда была девушкой и Александр только поглядывал на неё. Когда он пришёл к ней свататься, отказывалась, говорила родителям: «Он будет меня бить!» И что же? Не он, а она его лупцевала, когда муж напивался. Отец же ни разу пальцем не тронул ни жену, ни детей…

Работал отец сапожником. Но не тем, который чинит обувь. Он шил сапоги. Правда, в первые годы, как Аня себя помнит, отец шил только «головки» сапог — нижнюю часть без голенища. Это была очень выгодная работа: в пору, когда отец шил «головки», семья жила очень хорошо, в полном достатке. Неделю работал, потом вместе с женой возил свою продукцию на базар. Там эти «головки» другие артельщики уже ждали и вмиг разметали. Позже, когда Александр Степанович стал шить сапоги полностью, жить стали Волковы поскромнее. Но чёрного хлеба — символа скудности, — в дому не бывало, только белый! Сапоги Александра Волкова тоже всегда продавались без остатка — у него была стойкая слава отличного мастера.

Был отец грамотным, а это в ту пору, среди его одногодков, встречалось не часто. Мать, например, ни читать, ни писать не умела. Он же очень любил читать, и книги в доме всегда водились. Бывало, работает, работает, отложит молоток и шило, возьмёт книгу и сидит подолгу. То удивление на лице, то улыбка… Особенно любил Гоголя и Толстого. А то ещё — начинает ходить по комнате и петь церковные песни. Голос у него был великолепный — баритон. Пел он воскресные и праздничные службы, и не в хоре, а солистом, со священниками, по церковной книге. Слушать его сходилась половина Бутурлиновки, как на артиста. Аня, и маленькая, и уже подросшая, не раз слышала, как люди спрашивали друг друга:

— Кто поёт в воскресенье? Александр Волков? Обязательно пойдём!

Работал отец в главной комнате дома, в горнице. На длинной широкой скамейке раскладывались кожа, инструменты. Рядом стояла табуретка вся в дырках от гвоздей — на ней он шил, прибивал. Сам сидел на специальном крутящемся стуле. Кожи отец покупал полуфабрикатные, и дома их разминали —

«катали», — делая мягкими, эластичными, смазывая при этом специальными растворами и маслами. «Катанием» занимались взрослые и дети, кроме маленькой Ани и убогой Гали — одной из старших сестёр. Особенно не любил эту процедуру брат Денис. Как увидит разложенные на широкой лавке новые кожи, так и начинает ругаться:

— Опять эти кожи катать!

Отец любил выпить и выпивал крепко. Как повезёт на базар сапоги продавать, так с базара обязательно — в шинок. Это если дело было зимой. Летом же — на кладбище, которое тоже располагалось рядом с базаром. И даже если мать ездила с ним, никак не могла увести его сразу домой. Возвращалась одна и ждала. Если долго не приходил, шла за ним, отлично зная у какой могилки с какими дружками он пьёт. Или посылала сына Дениса. Приходилось Денису ходить за отцом и после воскресных служб: Александр пил с попами и дьяконами в домике при церкви. Мать ругала его:

— Сына позоришь! Он уже парубок, девчата на него заглядываются, а он ведёт по городу пьяного отца! Стыдно!

Сколько раз отец давал слово бросить пить, но сдержать его не мог. Однако от его пьянства материального урона семье никогда не бывало: отец не пропивал вырученные деньги, ничего не выносил из дому. Наоборот: отрезвев, работал так старательно, стараясь искупить вину. И пьяным он был не злой, не буйный — весёлый, добрый. Дети так даже любили его выпившего: он раздавал деньги, позволял к себе в карманы залезать, пел, ласкал их. Вот только спать уложить его было невозможно. Бывало, всё ходит по дому, на мебель натыкается, чашку разобьёт, ведро опрокинет, а никак не угомонится. Уже и сядет на лавку, и голова на руки падает. А стоит жене подойти:

— Пидемо, я тебе уже постелила, ложись спать…

Тут же вскакивает:

— Нет, я зараз ще поработаю!

Тянется к кожам, ножам. Сейчас или себя поранит, или что-то порежет. Тогда мать прибегает к последнему, верному средству. Кивает детям — те уже знают, — стоят наготове:

— Кладить батька спать!

Да, только детям удавалось уговорить отца. Обступят его — Маня, Денис, Галя, Нюра, Федя, — поднимут под руки, уложат на кровать, сапоги стаскивают. Он улыбается, бормочет:

— Детки, детки…

Засыпает…

Но однажды — один только раз так случилось! — привезли его дружки на телеге мертвецки пьяного, без признаков жизни.

Даже дыхания, казалось, не было. Положили на пол, сказали: «Не трогайте его, пусть тут лежит и спит». Но это и на сон не было похоже! Страшную ночь пережила семья: думали, отец не очнётся… Потом он стоял на коленях перед иконами, клятву давал, что не будет пить. Но… пил. Аня хорошо помнит своего отца таким: идёт по улице весёлый, слегка пошатывается, и поёт своим красивым баритоном любимую частушку:

— Опорки мои,
Крути-головашки!
Хочу — дома заночую,
Хочу — у милашки!

Мать — Фёкла Денисовна, — в девичестве Котлярова. Своего деда Дениса Котлярова Аня немного помнит… Вошёл в комнату, стал у печки: в полушубке, шапка лохматая, с бородой большой. А она, маленькая, смотрит во все глаза. Он улыбнулся ей, заговорил, взял на руки. Она сразу прижалась к нему… Дед Денис и в самом деле был добрым человеком. Летом он крестьянствовал, а зимой подрабатывал извозчиком. У него был красивый расписной возок, так он в нём охотно катал детвору со всей улицы. Именно на этом возке и ездили в церковь венчаться сестра Дарья с мужем.

Помнит Аня и похороны деда. Стояла весна, снег таял, слякоть. Отец понёс её, малышку четырёх лет, в дом деда на руках. Укутал тепло, а на ногах только сандалики…

Бабушка, София Котлярова, намного пережила мужа. Она часто бывала в доме Волковых, очень любила именно этих своих внуков. Так же, как и муж, была доброй, приветливой, спокойной…

Фёкла Волкова была одногодка со своим мужем. Высокая, в теле, но не полная. Наоборот: ловкая, гибкая, без намёка на живот. Смуглая, чернобровая, с большими карими глазами… Конечно, она не ходила никуда на работу — вела домашнее хозяйство. А было оно таковым. Дом двухкомнатный с широкими и очень длинными сенями. Такими они строились неспроста: в них хранилось топливо для печки — сложенные в пирамиды сухие лепёшки из навоза, и дрова. Лежало это всё аккуратно, за занавесочкой. Между прочим — такого аккуратного и ухоженного дома, какой был у Волковых, ещё нужно было поискать!

Эти лёпешки лепили и взрослые, и дети, тщательно меся навоз ногами. Во дворе была специально отведённая полянка, на которой и складывали их для просушки — в штабеля, как пирамидки из кубиков. Летом таких пирамидок стояло много, и

дети очень любили там, среди них, играть в прятки. Очень удобно: тебя не видно, а ты сам всех видишь! Потом, уже сухие, лепёшки заносились в сени.

Дрова хранились ещё и в сарае, но часто тоже заносились в сени, чтоб зимой каждый раз за ними не выбегать. Сараев было два. Один большой, длинный: для топлива, сена, всякой утвари. Оставалось ещё довольно места для детских игр. Детвора соорудила там себе качели: толстые верёвки привязали к балкам, приделали доску. К Ане прибегали подружки и сразу просили:

— Нюра, бежим до качелей!

И качались часами.

Во втором сарае жила корова с телушкой. Имелись во дворе два добротных погреба. Сам двор перед домом был отлично утрамбован, словно заасфальтирован. И подметать это пространство каждый день было делом Ани. Другими домашними делами она, младшая, не обременялась.

А ещё двор украшали несколько клумб с цветами. Их любовно разводили старшие сёстры Маня и Галя. Цветы сажали самые разные, но Аня помнит, что обязательно были чернобривцы.

Несколько деревьев, стоящих вокруг дома, садом даже не называли. Деревья были старые, плодоносили плохо, поэтому фрукты покупали. А вот с огорода кормились. Ещё принадлежал семье участок земли вне дома, около леса. Родители рассказывали, что раньше там они сеяли пшеницу и просо. Но на Аниной памяти — только подсолнухи. А из семечек давили масло… Запомнился Ане один случай.

Вся семья отправилась в поле на подсолнухи, а её оставили дома: следить, чтобы куры не поклевали только что высаженную капустную рассаду. Девочка — а было Ане лет восемь, — некоторое время следила, отгоняла кур. Но потом куры ушли клевать в другое место, и ей стало нечего делать. День хоть и весенний, но очень тёплый был, Аню разморило. Она пошла домой, заперла сени, заперла комнату и легла спать… Проснулась вдруг от шума в комнате, испуганно села на кровати. За окнами было уже темно, в комнате горел свет, вся семья сидела за столом, ужинала. И все смеялись, глядя на неё. Оказывается, вернулись все с поля, крючок в сенях сумели открыть железкой, а в комнаты никак не войдут. Тарабанили в двери изо всех сил, кричали — нет никакого ответа. Тогда Денис расшатал окно, шпингалет упал, он влез, впустил всех. Все переоделись, умылись, ужин приготовили, а она спит, как убитая! Только и проснулась, когда за стол сели… Все смеются, Денис стишок весёлый сочинил, а Аня сидит на постели и горько

плачет: с спросонья ли, от стыда ли, от обиды за смех — сама не знает…

Кроме этих кур, которых так неудачно «пасла» маленькая Аня, были в доме, конечно, собака, кошка. Но главное — корова и телушка. Однако после одного трагического случая телушку Волковы продали. А произошло вот что.

Корова, общая любимица, отвечала хозяевам да и вообще всем людям такой же добротой, приветливостью. Телушка же с самого рождения почему-то оказалась злого нрава — в папашу-быка, что ли? Подпускала к себе только хозяйку, даже хозяина не признавала, а уж о детях и говорить не приходилось. Да родители и сами детям к ней не позволяли подходить. Если шли убирать в сарае, то мать обязательно отводила телушку в сторону, крепко держала её. А отец, Денис или Мария убирали.

Но вот однажды летом, когда Ане было восемь лет, а брату Денису — двенадцать, родители в воскресный день собрались на базар, продавать сапоги. С ними ушла Маня, а Галя где-то с подругами гуляла. В то время в семье уже родился самый младший сын, и его, трёхлетнего Федю, мать с отцом забрали с собой. Аня хорошо помнит, как мать наказывала Денису убрать в коровнике. Кто знает, может она посчитала, что телушка уже привыкла к Денису, или что он большой, справится с ней…

Но только слышит Аня страшный крик брата! Выскочила она на крыльцо из комнаты, на верхний приступок, видит — бежит от сарая через весь двор Денис, кричит, а за ним разъярённая телушка гонится. Схватила Аня какую-то подвернувшуюся палку, стала стучать по стене и тоже кричать… Чуть-чуть не добежал Денис к дому, у самого крыльца споткнулся и упал. И телушка раз его поддела рогами в бок, два… Девочка бьётся в плаче на крыльце, вжимается в стену: не смотреть или убежать сил нет, а броситься на помощь брату страшно, да и ноги онемели…

Что было бы, неизвестно. Да только услышал детские крики сосед — 25-летний здоровый парень Петро. В один взмах перескочил он через два плетня — свой и Волковых, — ухватил телушку за рога, оттащил, загнал снова в сарай и закрыл. Стонущего, всего в крови Дениса занёс в комнату, стал обмывать, перевязывать.

Аня побежала, позвала ещё кого-то из соседей, а сама всё бегала к воротам смотреть — не идут ли отец с матерью. Наконец увидела в конце улицы, помчалась навстречу:

— Мамо, тато, скорее идите, Дениса телушка побила!

Да, парнишка был сильно изранен — телушка уже ведь хорошо выросла, почти догоняла корову. Однако к врачам семья не обращалась. Лечили сами, прикладывая к ранам кислую гущу

из под кваса. Вообще, сколько помнит Аня, к докторам никогда не обращались, хотя дети и болели. Только вот Галя с покалеченной ногой лежала в больнице, да когда Аня болела тифом, врач приходил к ним. А так — обходились сами своими народными средствами…

А телушку буквально на следующий день свезли и продали — так её все сразу возненавидели. И с тех пор была у Волковых одна корова.

Праздники детства

Аня не помнит, чтобы в её детские годы отмечались советские праздники. Во всяком случае — в её семье. Дни рождения тоже не отмечались. Самые светлые и радостные воспоминания связаны с церковными праздниками. А главным было, конечно, Рождество Христово.

Рано по утру в дом стучали посевальщики. Они первыми поздравляли хозяев с праздником и бросали по избе горсти овса, приговаривая: «На полу — теляток, под лавкой — ягняток, на лавке — ребяток!» Или ещё: «На живущих, на плодущих, третье — на здоровье!»

Дети ходили колядовать по домам своих родственников, соседей, близких друзей. С мисочкой кутьи, завёрнутой в платок, стучали в двери, входили, кланялись, говорили:

— Тато и мамо прислали вам кутью, поздравляют с Рождеством Христовым!

Хозяева брали ложечкой немного кутьи, ели, благодарили и давали детям подарки — разноцветные пряники в виде разных зверей, которые сами пекли к этому дню. Давали и деньги. А дети потом хвастались друг перед другом, у кого чего больше.

Ходили дети Волковых даже в другой, дальний конец города к одной дальней родственнице. На большие деревянные сани сели Аня и Федя, укутанные в огромный отцовский тулуп, а Денис повёз их…

Деньги, в основном, давали крёстные родители. У Ани крёстная мама была вдова умершего материнского брата. Она всегда давала Ане только пятачок. Девочка жаловалась матери:

— Плохая у меня крёстная!

А мама объясняла:

— Ты, Нюрочка, не обижайся. У неё много детей, мужа нет, живут бедно. Хорошо, что хоть пятачок даёт.

Зато щедрым был крёстный отец, давал много, даже и рубль иногда. Это был муж сестры матери, семья которого жила зажиточно.

А ещё так весело было, когда, в навечерье Рождества, на улицах жгли костры — с полуночи до самого утра. И детям разрешали не спать, вместе со взрослыми гулять-праздновать у этих костров…

По-своему хороша была и Пасха. Ей предшествовал пост, во время которого в семье не ели ничего животного: ни яиц, ни мяса, ни молока… Но вот в день Святой Пасхи отец приносил из церкви освящённую еду, разворачивал на столе платок — а там и мясо

варёное, и куличи, и яйца, и сало! Нарезали мясо и сало красивыми розовыми ломтями, все садились за стол.

— Ну, — говорила мама, — давайте разговляться!

Еда пахла так вкусно! Это был настоящий праздник для детей, которым уже так надоела постная пища — каша да овощи.

К слову, семья Волковых завтракала, обедала и ужинала вся разом. Взрослые и дети садились за большой стол, посередине которого ставился чугунок с едой. Ели деревянными ложками. Каждый тянулся к чугунку, набирал, подставлял под ложку кусок хлеба и нёс ко рту. Ритм еды соблюдался строго и справедливо. Если кто-то начинал торопиться, отец молча облизывал свою ложку и так же молча сильно стукал виновного по лбу: выловил свой кусок мяса — дай и другим это сделать! Молитв, садясь к столу, не читали, но отец и мать крестились до и после еды. Детей же этого делать не заставляли — как сами хотели…

Особенно много на Пасху ели яиц: во время поста к ним не притрагивались, а куры-то неслись. Яйца собирались, а после поста варились и делились на всех. Иногда по 20–30 штук на человека приходилось. И так — в каждом дворе. Потому у детей в ходу была специальная игра в яйца: стукали ими друг о друга — кто чьё разобьет, тот и забирает…

На Пасху детям покупались обновы: туфельки, платья, рубашки. Аня как никто этого ждала! Наденет новое платьице, крутится, стараясь увидеть себя со всех сторон, разглаживает. Просит:

— Мамо, поправьте бантик, и поясок развязался!

Мать смеётся:

— Ты, Нюра, большая барышня, чем твои сёстры.

И правда: Даша, Маруся, Галя, когда были в Анином возрасте, радовались обновкам сдержано. Аня же просто ликовала. И обязательно тут же выходила в новом платьице погулять. Идёт по улице медленно, у каждой калитки задерживается — специально, чтобы соседи поглядели. А они знают и тоже специально обращают внимание, восхищаются, хвалят. А девочка счастлива!

Но самое главное, отчего Аня с детства любила именно Пасху — это колокольный перезвон. Как зазвонят колокола на всех шести церквях по всему городу — застынет она на месте, замрёт, забудет и о новом платье! Звонят колокола, и такая радость переполняет сердце девочки, такое светлое чувство, которое и сравнить не с чем… Гораздо позже, вспоминая эти минуты, Аня думала: в мелодии колоколов открывался ей, ребёнку, необъяснимый даже сейчас смысл жизни, торжественное единение земного и вечного…

Ещё, помнится Ане, были престольные праздники: разных

святых, которым были посвящены разные церкви. В городе служили службы в нескольких храмах, и у каждого — свой святой, у святого — свой праздник. Прихожане той церкви, которая праздновала, приглашали родственников и друзей. А потом те приглашали в свою очередь их на праздник своего святого.

А ещё у Ани в раннем детстве был свой «праздник» — уголок в палисаднике. Палисадник этот располагался перед домом, за невысоким заборчиком. Это было место Аниных игр. Там она себе сделала из глины и песка комнатку — стульчики, диванчик, столик. Украсила всё «цяцьками». «Цяцьки» — так девочки называли осколки битой посуды. Они собирали их, хвастались друг перед дружкой — у кого красивее. У Ани были очень красивые осколочки, вот ими она и украсила свои изделия. Это была её гордость, она сама всегда любовалась на блестящую, разноцветную свою «мебель».

Однажды утром девочка вышла в палисад и ахнула: глиняная мебель стоит как голая! Все «цяцьки» выковыряны, украдены! Кто-то из подружек позавидовал и тайком это сделал. Какая это была обида для детского сердца, передать невозможно! Аня так рыдала, что даже мать испугалась. А когда поняла, в чём дело, всплеснула руками:

— Вот беда! Хоть бей чашки ей на «цяцьки»!

И таки разбила кое-что — тарелку, чашку, — делая вид, что случайно. Но Аню варварское разграбление её комнатки так потрясло, что она больше там не играла.

Сельский исполнитель

Как уже упоминалось, «Довгая» улица, на которой жили Волковы, была окраинной и относилась к сельскому району и к Березовскому сельсовету. В 20-е годы существовала такая практика привлечения людей к общественным работам: жители района по очереди дежурили в сельсовете. Каждый двор каждой улицы выделял одного человека, и он в течение месяца ежедневно ходил в сельсовет, как на работу. Был, что называется, на подхвате: послать с бумагой, с поручением, собрать жителей на собрание… Называлось это «сельский исполнитель». Чаще всего дежурили дети, подростки и старики. Отдежурят месяц, а следующая очередь приходит года через полтора-два.

Когда Ане исполнилось десять лет и подошла очередь дежурить Волковым, мать сказала:

— Пусть Денис теперь по дому работает, а исполнителем пойдёт Нюра — уже большая.

Так Аня стала сельским исполнителем. Это было прекрасной время! Лето, жаркий день. У входа в сельсовет несколько ребятишек — четыре девчонки и один мальчишка, — играют в камушки. Надоест — рассказывают то страшные, то смешные истории. Мальчик почему-то оказывается всё время возле Ани, разговаривает в основном с ней. Время от времени из окна здания окликают кого-нибудь, посылают с поручением. Вот и Анина очередь подошла — её отправляют на свою же «Довгую» улицу. Мальчик говорит:

— Я пойду с тобой!

Другие девочки отговаривают:

— Ты что, Петро! А если тебя покличут?

Он машет рукой:

— Ничего, мы быстро!

Вот они бегут вместе, им как-то необыкновенно весело и приятно. На ходу Аня вспоминает-рассказывает мальчику, как с ребятами она лазила в известный в городе глубокий овраг за растущим там на крутом склоне боярышником.

— Ох и вкусная ягода!

На другой день Петро припозднился на дежурство, прибежал весь исцарапанный, с полным картузом сладких ягод боярышника. Как билось счастливо Анино сердечко, когда он протянул ей ягоды!

Было этому мальчику, как и ей, десять лет, звали его Петро Середа. Он пришёл «сельским исполнителем» от другой улицы, и до этого Аня его не знала. Целый месяц — с утра до вечера, —

они проводили дни вместе, почти всегда вместе бегали по поручениям, и были счастливы. Петро рассказал, что он четвёртый, младший сын в семье вдовы — отец у него умер. Старшие братья уже работают.

Думая о нём, Аня пыталась представить себе его мать, братьев. Ей хотелось жить с ними рядом, в их доме, быть там дочерью, сестрой, и Петру сестрой — она их всех любила!.. Такая нежность к этому мальчику переполняла её, что потом, за всю свою долгую жизнь, больше такого сильного чувства к парню, мужчине ей испытать не довелось. Видимо пережила она в десять лет свою самую большую любовь…

Но месяц прошёл, и сельские исполнители разошлись по домам, сдав своё дежурство другим. Шли дни, недели, миновало и лето, и осень, но Аня всё время думала о своём друге, по-настоящему тосковала о нём. Пользуясь любым случаем, она старалась оказаться поблизости от места, где жил Петро. Иногда даже, с сильно бьющимся сердцем, пылающими щеками, пробегала по самой улице. Но ни разу у неё на глазах из его дома никто не вышел. А остановиться напротив и ждать, а уж тем более самой постучать в калитку — нет, это ей даже в голову не приходило, это было стыдно…

Она всё считала месяцы — когда же снова придёт её время дежурить! Девочка была уверена: им обязательно вновь выпадет дежурить вместе. Всё спрашивала, какой двор сейчас дежурит? Ой, ещё не скоро!..

В тот же год, когда Аня стала сельским исполнителем, увидела она себя впервые в большом зеркале — во весь рост. Дело было так. Послали её отнести бумаги в город, в Городской Совет, рассказали как пройти, в какой кабинет, и кому отдать. Она пошла. Дорога лежала через поле… Ни лес, ни река так не волновали девочку, как поле! Высокое небо, простор, трава, бегущая волнами под ветром… Она не шла, а словно летела. И чувства были такие светлые, парящие, радостные, как на Пасху, при звоне колоколов!

И дом Городского Совета такой оказался красивый — с тяжёлой дверью, широкой лестницей вверх. Аня пошла по лестнице, вертя головой, рассматривая светильники, перила, людей. Уже наверху навстречу ей вышла девочка, сразу удивившая Аню. У девочки были такие же тёмные волосы, большие тёмные глаза. И стрижка точно как у неё: в кружок, когда волосы красиво ложатся на щёки и шею, с длинной чёлкой, прихваченной на лбу заколкой. И туфельки такие же были на той! Ой, и платье такое же!..

Аня остановилась в шаге от девочки, не желавшей уступать

дорогу. И в то мгновение, когда она сама почти всё поняла, какой-то идущий мимо мужчина сказал с улыбкой:

— Что, не узнала себя?

А ведь и вправду не узнала! Видела не раз своё лицо в маленькое зеркальце, да и только. А тут — от стены до стены, от пола до потолка — зеркальная гладь! Побежала Аня, отдала бумаги, и вниз спускалась медленно, разглядывая себя в огромное зеркало…

Наводнение

Особенностью улицы «Довгой» была не только её большая длинна, а и своеобразная конфигурация. Дома, теснящиеся по обе её стороны, стояли на пригорках, а сама улица тянулась между ними в небольшой низинке. Весной, когда разливалась река, её затапливало так, что ходить становилось невозможно. Жители в такое время передвигались по дворам соседей, а переходили на другую сторону по мосткам.

Недалеко от дома Волковых тоже был мостик, и по нему ходили за питьевой водой к колодцу. Два колодца с грязной, технической водой имелись в самом дворе, но питьевую приходилось носить с другой стороны улицы. Брёвна мостка скользкие, Аня боялась по нему ходить. Да её за водой и не посылали. А вот сидеть на этих брёвнах, свесив ноги в воду или ловить с мостика головастиков — это очень нравилось. Лягушек, как другие дети, особенно мальчишки, она не ловила, боялась. А головастиков с удовольствием хватала ладошкой прямо в воде… Как чудесно жилось на этой «Довгой» улице — нигде больше Ане так радостно не жилось потом!

Когда к середине лета улица подсыхала, в самой её нижней части всё равно оставалась грязь — прекрасное место для игр детей. По ней можно было шлёпать ногами, вымазывать ноги до колен в красивые чёрные чулки, лепить куличи и даже строить целые замки! Осенью, когда дождило, улица вновь наполнялась водой. А с морозами — замерзала, превращалась в длинный сплошной каток. Поутру, спеша в школу, детвора катилась со смехом с одного, верхнего её конца, в нижний.

Сестра Даша, жившая с мужем в доме напротив родительского, бывало кричала от самой калитки:

— Мамо, чи нет у вас сахару? У меня кончился!

И мать, тоже со своего двора, отвечала:

— Сейчас Денис даст.

Денис выходил за ворота и с криком: «Держи!» — запускал на противоположную сторону по льду большую белую головку сахара. Даша ловила.

Весной по улице начинался настоящий ледоход. С треском шли льдины, Довгая была безлюдна, и только в распахнутом окне дома Ивана Рябченко — мужа Даши, — стоял граммофон, крутилась пластинка и шаляпинский бас гремел на всю округу, так органично вплетаясь в грохот стихии!

Во время таких ледоходов некоторые дома, стоящие пониже, затапливало, но не сильно. И когда вода спадала, жизнь

продолжала идти своим чередом. Но вот весной 1928 года случилось небывалое наводнение, изменившее жизнь всей улицы. Ане тогда было десять лет, она всё отчётливо запомнила.

Вода поднялась так высоко, что дошла до дома Волковых — дело небывалое. Двор уже залило, но в доме воды пока не было, хотя многие дома уже сильно подмыло. Некоторые соседи спасались даже на крышах. Предчувствуя небывалый разлив реки, Волковы к нему готовились. Корова в это время содержалась не в сарае, а привязывалась на самом верху огромной навозной кучи. Вся семья сидела дома. И вот слышат они — страшно мычит корова! Открыли двери и видят, что кучу подмыло, она поднялась, поплыла, и корова плывёт на ней! Причём, течение несёт туда, где вырыт один из колодцев. Все испугались, что корову затянет в колодец, но выйти во двор невозможно. Мать стала кричать, звать корову по имени. Та услышала голос матери, узнала, стала выгребать к дому… Долго это продолжалось, все очень переживали, но корова всё-таки добралась к крыльцу. Тут ей помогли: за ноги, рога, голову втащили в сени. И до конца наводнения она находилась там.

На другой день после этого происшествия одна льдина пробила угол дома, и вода хлынула вовнутрь — в сени и немного в комнату. Детвора — Аня и Федя, — отсиживались на печи, а остальные вычёрпывали воду. Хорошо, что вода вообще на улице начала спадать, так что и в доме её скоро не стало.

После этого наводнения все жители улицы пошли в сельсовет просить о переселении. И сельсовет этой просьбе внял. Всем желающим переехать — а таких оказалось большинство, лишь несколько домов осталось на «Довгой», — выделили землю недалеко от железнодорожного вокзала. И уже летом началось переселение.

Переезжали и Волковы. Для разборки, переноса и сборки дома они наняли артель из семи рабочих. Жили вместе с ними в сарае, вместе раскатывали дом по брёвнам, перевозили, собирали на новом месте. Аня очень ярко запомнила, как по ночам громко храпели эти здоровые мужики, воняли луком и чесноком, вовсю пускали газы. Но вот чтобы ругаться матерными словами — нет, этого не было. Вообще не было — ни в семье, ни на улице…

Сестра Мария к этому времени уже была замужем, ходила беременная, и когда дом возводили на новом месте, мать не разрешала ей делать трудную работу или забираться высоко. Но Аня тогда ещё не понимала, почему это мама говорит:

— Ты, Маня, не лезь к потолку, я там сама побелю. Ты у притулочки бели.

Аня удивлялась: ведь сестра молодая, а мать старая — лучше

бы наоборот…

Сёстры. Дарья

В семье Волковых, как и у многих в то время, было много детей. Несколько ребятишек умерли совсем маленькими. Тех, кто выжил, вырос, стал взрослым — шестеро. Четыре сестры и два брата.

Дарья — старшая сестра и вообще первая из детей Волковых. Разница между ней и Аней — 18 лет. Понятно, что именно ей в основном приходилось нянчить малышку. Зато и сама Аня, когда немного подросла, стала первой нянькой Дарьиных детей.

Девушкой Аня Дашу не помнит — ей было всего четыре года, когда та вышла замуж за Ивана Ивановича Рябченко. Да, в семье Дашиного мужа так всегда и называли — Иван Иванович. И не потому, что он был намного старше Даши — всего на три года. Не потому, что особенно уважали. Наоборот, его недолюбливали, и, называя по отчеству, словно отстраняли от себя. Ведь другой зять — муж Марии Павел Нежельский, — был для семьи всегда «Паша», «Павлик»… Просто Волковы хорошо и давно знали семью Рябченков: дома то вот, напротив друг друга, через вечно непросыхающую Довгую улицу. И разве от соседей скроешь что-либо! Знали, что у Ивана была близкая связь с одной женщиной. И когда он стал ухаживать за Дашей, мать его на порог не пускала, гнала! Развратник такой! Женись на той, с которой живёшь, а не морочь голову порядочной девушке!

Но Иван Рябченко был влюблён в Дашу и потому упорен. Да и Даша его любила. Парень он был красивый: ростом невелик, но ладен, ловок, светлоглаз, волосы волнистые светлые. Умён. Работал бухгалтером в каком-то учреждении. А по тем временам бухгалтер был человеком уважаемым — специальность редкая, для людей образованных.

Так что просватали Дашу и ушла она жить к мужу и его родителям. Мать у Ивана была доброй, маленькой, полной старушкой. А отец — угрюмый, нелюдимый, вечно сердитый. Он Дашу не любил, и она его тоже…

Первая дочь молодых Рябченко — Нина, — родилась в 23-м году, тогда же, когда у Волковых родился последний сын Федя. Потом один за другим родились Гриша, Люба, Толя. Любу Аня уже нянчила, и Иван давал ей за это по 15–20 копеек. Очень большие деньги для ребёнка! Ведь её одногодкам, тоже ходившим в няньках, больше пятака не платили. Зажиточно жили Рябченко, хотя работал один Иван. Даша, как и принято было — с детьми да по хозяйству. И родители Ивана тоже так: отец работал, мать нет.

Когда-то раньше у отца Ивана была своя мелочная лавка:

гвозди, булавки, иголки, карамель… Собственно, это был просто лоток, стоящий тут же, во дворе дома. Давал ли он доход? Сомнительно, поскольку его хозяин ещё где-то работал. К тому времени, как Иван с Дашей поженились, эта лавка уже давно не существовала: использовалась, как сарай под огородный инвентарь. Но всё же именно она и послужила причиной несчастий этой семьи. Но об этом — чуть позже.

Аня нянчила свою маленькую племянницу Любу. Малышка была красивая, упитанная, краснощёкая. Восьмилетняя худенькая Аня носила её, тягала, пока руки не начинали «отваливаться». А ребёнок — нет, чтоб голосок подать! Такой на редкость спокойный! Тогда Аня тихонько щипала её за попку, и та начинала хныкать. Девочка бежала на огород или в дом к Даше:

— На вот, плачет! Есть наверное хочет. Накорми!

…Люба выросла, окончила медицинский техникум и по распределению уехала работать в небольшой городок где-то в Средней Азии. Прислала оттуда фотографию — сидит верхом на верблюде, весёлая. Писала, что живёт хорошо, квартирует в доме у очень хорошей женщины… У этой женщины был сын, курсант военного училища, он приезжал домой в отпуск. Молодой военный, молодая квартирантка… Случилось то, что случилось — Люба забеременела. Почему она не сказала об этом хозяйке, не написала уже уехавшему курсанту — кто знает? Ведь, как потом писала эта женщина, её сын хотел жениться на Любе, она её тоже полюбила. Если бы узнала о беременности, была бы рада, поддержала бы девушку… Но Люба никому не сказала — были, видимо, причины, может и не всё так гладко там складывалось. Но она решила избавиться от ребёнка. А так как была медсестрой, думала, что сумеет сама себе сделать аборт, никто никогда не узнает. И убила сама себя… Хозяйка и похоронила её, а родители о смерти Любы узнали лишь из пришедшего через много дней письма. Поехать в такую даль не смогли — уже шла война…

Но это было не первое несчастье в семье Рябченко. В 32 году их раскулачили. Раскулачили подчистую: дом, имущество, скот, двор — всё забрали! Основание — частные собственники, владеют мелочной лавкой. То есть — сараем под огородный инвентарь! А так как и молодые, и старые Рябченко жили вместе, раскулачили — оставили без крова, — всех. Старики ушли жить к замужней дочери Шуре. Аня дружила с дочерью этой Шуры Дуней, своей ровесницей, часто прибегала к ним. И бабушка Дунина, Дашина свекровь, всегда ласково встречала её, угощала чем-нибудь. А старик уже тогда был болен, лежал не вставая, только зыркал глазами. Аня его боялась.

Иван Рябченко, не дожидаясь высылки по этапу, уехал из

Бутурлиновки сам, в недалёкий городок Новохопёрск. Снял там квартиру, устроился работать. Голова у него была светлая, умная, и скоро он уже вновь был бухгалтером, стал хорошо зарабатывать, вызвал к себе семью.

Всё то время, пока муж устраивался, Даша с детьми жила в родительском доме. Был один человек, выбившийся в начальники местного масштаба из самого низкого сословия — из семьи нищих попрошаек. Все называли его Шарапкой. Прозвище смешное, но сам Шарапка — злой и корыстный. А Волковых почему-то невзлюбил особенно. Впрочем, не на тех напал. Попробовал он пострашать Александра Волкова: «Не принимай раскулаченных!» На что отец ответил:

— Ещё чего! Чтоб я родную дочь и внуков на улице оставил? Не дождёшься!

В 34-м году, зимой, умер старый Рябченко, отец Ивана. Иван на похороны не поехал, было опасно. А Дарья приехала: красиво одетая в полушубок с меховой оторочкой, расписной шерстяной платок, шикарные сапожки. Сказала своим:

— Назло тем, кто нас отсюда выгнал! Пусть видят, что я всё равно живу лучше их, не нищенствую!

И по той же причине заказала на похороны нелюбимому свёкру музыку — по тем временам редкую роскошь. Такой характер!

В Новохопёрске Рябченко прожили год и переехали в Борисоглебск, более крупный город. Там они уже купили свой собственный дом. Казалось бы, жизнь налаживается, дети растут… Но не тут-то было — шёл 38-й год! Случилась небольшая авария на леспромхозе, где Иван Иванович работал бухгалтером. Начальника и его, бухгалтера, арестовали и после очень быстрого суда сослали на Север, в лагеря, сроком на десять лет.

Дарья стала искать работу, но никто не хотел брать жену осуждённого «врага народа». Она бралась за всё — трудно, грязно, — не обращала внимание. Стирала, убирала, готовила… Детей-то четверо, их надо кормить, поднимать. Был ещё пятый, младший мальчик, но умер в эти тяжкие годы.

Во время войны с работой стало легче — людей не хватало, потому в анкеты не особенно смотрели. Да тут горе — умерла Люба в далёкой Средней Азии. Гриша учился в школе фабрично-заводского обучения, связался с плохой компанией, стал выпивать. Даша подозревала, что ребята эти подворовывают и втягивают её сына. Она написала об этом Ивану в лагерь — переписка с ним была позволена. Он оттуда писал сыну письма, отговаривал от плохих дел. Даже прислал деньги, первый и последний раз, лично для сына: «Купи себе гитару. Я помню, ты

хотел научиться играть, вот и учись». Гриша в самом деле очень увлекался гитарой, купил. Это ли увлечение, доходчивые ли слова отца — но парень отошёл от блатных дружков. А вскоре поступил в военное училище. Для того, чтоб это случилось, Дарья постаралась выправить анкету сыну. По ней получалось, что Иван Иванович был не отцом Григорию, а братом. По законам того времени вина брата на брата не распространялась, а вот отца на сына — да…

Между тем, Иван Рябченко в заключении жил не так уж плохо. Не сразу, конечно, но попозже, когда и там стал бухгалтером в конторе. У него даже была постоянная женщина: об этом Даше написал, якобы из добрых чувств, бывший директор леспромхоза, осуждённый вместе с Иваном и отбывавший срок в том же лагере. Да, Дарья всё знала. Но ещё до возвращения Ивана решила не попрекать мужа этой связью. Десять лет разлуки, да ещё такой — это не шутки… Однако, всё вышло по другому.

В первую же ночь, когда они, так отвыкшие друг от друга и так истосковавшиеся, легли вместе, Иван вдруг сказал:

— От тебя воняет.

Страшная обида захлестнула сердце Даши.

— Да, — ответила она. — Мы живём, не имея куска мыла, не на что купить. Теми обмылками, что остаются от чужих постирушек, я стираю одежду детям, и то не хватает. А ты хотя бы раз нам деньги прислал!

И всё-таки не сдержалась, да и не хотела уже сдерживаться, добавила:

— Своей любовнице, наверное, духи там покупал!

И — всё! Больше Дарья никогда не легла рядом с мужем, ни разу не подпустила к себе — до конца жизни. Но и гулять на стороне ему тоже не давала. Был такой случай: Ивана пригласили к соседу на свадьбу. Сидел он там за столом рядом с одной молодицей, разговаривали, смеялись. Возникла взаимная симпатия. Она была женщина свободная, и дело у них шло на лад, причём всем это было заметно. Но тут кто-то из доброжелательных соседок заглянул к Дарье и поведал, что происходит на свадьбе. Дарья помчалась туда, влетела в комнату, как вихрь, вцепилась в волосы той женщине!.. Шум был знатный. Ивана увела домой и сказала:

— Гулять, живя дома, позоря меня, не будешь! Хочешь уйти — уходи совсем. Хоть прямо сейчас к этой женщине уходи. Но знай: ни детей, ни дома у тебя больше никогда не будет!

И Иван никуда не ушёл. Не живя с женой, он и на стороне не имел никого — после этого случая не делал даже попыток. Так Дарья отомстила ему — жестоко, — за презрительное слово,

сказанное, скорее всего, не со злым чувством, а просто неосторожно, необдуманно. Однако, слово — это сила. Уже на старости лет, признавшись во всём этом младшей сестре Анне, Дарья объяснила:

— После тех слов он стал мне противен, я просто не могла с ним быть в близости.

Однако и от себя не отпускала. Такой характер!

Разговор этот произошёл между сёстрами, когда Анна Александровна, в первый год выйдя на пенсию, приехала в Борисоглебск к Дарье. Встретились, обнимаются на крыльце, а из сарая выходит Иван — красивый старик с усами, бородой.

— Кто это? — спрашивает.

— Да Нюра, сестричка!

— Вот какой интересной женщиной стала! — удивился.

— Наконец-то ты меня заметил, — сказала ему на это Аня.

И верно, он никогда её не замечал — ни девчонку, ни подростка. Проходил, как мимо пустого места. Она даже обижалась и жаловалась родителям. А те отвечали: «Не обращай внимание. Такой он человек». И вот, на старости лет, наконец разглядел.

Когда Анна уезжала и Дарья с Иваном её провожали, у поезда Иван вдруг заплакал. Стоял безмолвно, и слёзы текли по щекам. Может, глядя на пожилую женщину, вспомнил маленькую девочку, нянчившую его детей, и думал о том, что жизнь прошла? А она и вправду прошла. Больше Аня Ивана Рябченко не видела — через два года он умер.

Дети Рябченко выросли. Нина стала учительницей математики в Борисоглебске. Гриша вышел в отставку полковником, жил в Ташкенте. Анатолий много лет был главным механиком большого завода в Керчи.

Сёстры. Галя

Галя — третий ребёнок Волковых. На год старше её — сестра Мария. Но о Марии речь всё-таки пойдёт дальше — так диктует логика воспоминаний.

Полное её имя тоже было Анна. Так назвали и одну, и вторую девочек в церкви, во время крестин. Потому и оказалось в семье две Анны. Но одну называли Галею, а другую — Нюрой.

Две старшие дочери, Дарья и Мария, были похожи на мать: смуглые, черноглазые, темноволосые. Двое средних — Денис и Аня, — середина-наполовину, но тоже темноглазые и темноволосые. Младший Федя вообще взял всё самое лучшее у родителей и был просто красавец — и тоже смугл. А вот Галя оказалась одна единственная в отца: русые волосы, серые глаза, нежная белая кожа и чудесный яркий румянец на щеках. Этот румянец не раз доводил её до слёз, потому что постоянно вызывал подозрение в том, что она красится. И девчонкой, и девушкой она, бывало, заставляла подружек тереть себе щёки водой и мочалкой, чтобы убедить их в природном происхождении своего румянца. Вообщем, была Галя хороша. Но она была калека.

Лет десяти девочка первый раз упала и сломала ногу между коленом и щиколоткой, ближе к щиколотке. Может быть, всё и обошлось бы, но вскоре после того, как гипс сняли, она упала второй раз. Лазила по приставной лестнице из сенцев на чердак и, уже спускаясь, почти внизу, оступилась, упала. И той же ногой, тем же самым местом попала на камень.

Положили Галю в больницу. Нога срасталась плохо, несколько раз её оперировали. Аня помнит, что Гале в больницу носили шоколадки и конфетки, а ей, маленькой, приносили от неё красивые обёртки. И она завидовала старшей сестре, тоже хотела лежать в больнице.

В больнице Галю все любили. Она была ласковая, послушная девочка, ни с кем никогда не ссорилась и всем готова была помочь. Доктора и медсёстры говорили ей и родителям, что девочке надо учиться на врача. Нога у неё здоровой вряд ли останется, а руки у неё ловкие, работящие, к людям она добра и сострадательна… Но куда там! И тогда, и позже Галя об учёбе и не помышляла. Окончила начальные классы — и всё.

Когда она вышла из больницы, ей нужно было разрабатывать ногу. Врачи говорили: при ходьбе обязательно ступать на полную ступню. Но это оказалось очень больно и трудно. А значит затрудняло, делало медленным хождение. Галя же очень любила гулять с подружками и не хотела отставать от них. Да к тому же в

том детском возрасте она и не понимала, как вредит себе.

Было лето, но она ходила в валенках — другая обувь поначалу на больную ногу не надевалась. Вот она и бегала за подружками, ставя больную ногу только на носочек. В валенках это легко делать незаметно! Когда же родители наконец догадались, в чём дело, было поздно: нога срослась неправильно и на всю жизнь осталась сильно искривлённой. Отец всегда винил себя за этот недогляд. Стоило ему лишь немного выпить — падал головой на сложенные руки, плакал и приговаривал: «Ох, Галя, Галя!» Очень он её жалел. Потому она и росла, ничего по дому особенно не делая.

Сама же Галя из-за своей хромоты комплексами не страдала. И, став девушкой, от своих подруг, как и в детстве, не отставала. С палочкой никогда не ходила. Подложит под искривлённое место ваты, натянет на ногу чулок — и на танцы! Она всегда была лёгкого, необидчивого нрава, на жизнь смотрела весело, просто. Ну и к тому же — собой хороша. Потому вскоре и появился у неё постоянный парень — «жених». Звали его Павел Олейников. Парень из себя видный: высокий, мощный, по профессии — сапожник.

Три года встречалась Галя с Павлом. В это время семья уже жила в Новохопёрске, в Бутурлиновке оставалась лишь Мария. Галя жила в семье старшей сестры. Работала она от маслозавода на товарной станции: разливала вместе с другими женщинами по бидонам постное масло, привозимое с завода цистернами. Аня, приезжавшая в родной город на лето, помнит, как носила Гале обед на станцию в бидончике, а сестра наливала ей потом в уже опустевший бидон масло…

Время шло, а «жених» так и оставался женихом. Может, он бы уже и женился на Гале, но его мать и сёстры были настроены против хромой девушки. Они пренебрежительно называли её «крива». И тогда Галя вместе с Павлом решили дело ускорить. Короче говоря, Галя забеременела.

Родителям в Новохопёрск об этом написала Мария. Отец с матерью засобирались в Бутурлиновку — «Галю замуж отдавать». И хотя Ане было уже шестнадцать лет, от неё, а тем более от Феди все обстоятельства скрывали. Но она слышала родительский шёпот, недомолвки, и кое о чём догадывалась.

Впервые родители уезжали надолго — дней на пять. Они и раньше выезжали в соседние городки продавать партии сапог, но больше суток никогда не отсутствовали.

— Как же мы будем без вас? — растерянно спросила Аня.

— А так же, как и с нами, — ответила мать.

Им наварили еду, купили большой круг халвы и квадрат

пастилы. Эту пастилу, такую густую, что надо было резать ножом, дети очень любили. А теперь её оказалось так много, что все дни отсутствия родителей они только пастилу и ели.

Родители вернулись довольные. Галю замуж выдали. Свадьбы как таковой не было — переехала она жить в дом Павла, да и всё. Вскоре родила дочку Нину, но та умерла в младенчестве.

Аня бывала в новом доме сестры и поражалась бедноте этого дома. В комнате — всего одной, — практически не было мебели. Стол, вместо стульев лавки, в углу — рабочий верстак Павла… Как ли они жили у родителей, в своём доме!

Через некоторое время Галя вновь родила девочку и снова назвала её Ниной. А вскоре они с Павлом засобирались в далёкий город Геническ к Азовскому морю, где, как говорили, и белый хлеб даже есть!

Родители этого зятя, так же, как и Ивана Рябченко, недолюбливали. Был он драчливый, крикливый, суетливый, не стеснялся ругаться матом. А у Волковых это не было принято. Наверное, из-за такого характера Павла Олейникова, и переселение в Геническ прошло не так, как должно было быть. Позвал его туда друг, уже какое-то время живший там. Но этот друг сначала поехал в Геническ сам, всё разведал, нашёл жильё, устроился на работу, а потом уже вызвал семью. Павел же заявил:

— Едем все сразу!

И зимой, в морозы, они поехали с ещё маленьким, годовалым ребёнком.

В Лисках была пересадка, поезда на вокзале ждали больше суток, в холоде меняли на ребёнке мокрые штанишки. Застудили.

В Геническе друг Павла с трудом уговорил каких-то соседей взять их пожить немного. Дали им комнату без мебели, спали на рогожах на полу. От двери сильно дуло, простужены были все. А девочка, не успев выздороветь, ещё сильнее занемогла и вскоре умерла.

Потом Галя с Павлом построили землянку у Сивашей, разбили огород — зажили. Павел всё же был неплохой сапожник, стал зарабатывать. Родился сын Виктор. Но когда ему ещё не исполнилось и года, случились с ним младенческие судороги. Галя полола грядки в огороде, а дома с малышом была соседка. Вдруг соседка бежит к ней, кричит, лицо перепуганное! Побежала Галя в дом сама не своя… Потом она долго носила Виктора по врачам — выжить-то мальчик выжил, а вот нога и рука левые у него стали сухие и скрюченные. Врачи ничего не могли сделать. И только одна бабка руку мальчику вылечила, а ногу не смогла. «Слишком поздно пришли ко мне», — сказала. Так и остался Виктор калекою с короткой сухой ногой.

Павел выпивал, становился буйным, Галю сильно ревновал. Стоило ей ненадолго уйти к соседке — бил, допытываясь, где была, не верил. Такой скандальный характер и подвёл его однажды. Как-то раз он шёл по улице пьяный, толкнул незнакомую женщину, и на её замечание выругался матом. А поблизости оказался милиционер. Женщина позвала его, тот Павла и задержал. За хулиганство и ругань на улице его посадили на два года в тюрьму.

В 40-м году родился у Олейниковых второй сын Володя. Этот был здоровым, красивым и крепким мальчишкой. Но вспыльчивый и задиристый, как отец. Правда, это проявилось позже.

…Мой двоюродный брат Володя Олейников в шестидесятые годы славился на весь Геническ статью, красотой и крепкими кулаками. Работал шофёром. Он был предводителем компании рисковых парней — не банды, нет, криминалом они не занимались, но постоять за себя могли. Их и уважали, и боялись. Мне было шестнадцать лет, когда я впервые сама приехала летом в Геническ, к тёте Гале. С одной соседской девочкой-ровесницей пошла на местную танцплощадку. Ко мне подвалил полупьяненький щёголь в брюках-клёш, пригласил танцевать и тут же предложил:

— Пойдём отсюда, весело проведём время!

Я отказалась: мол, я здесь в гостях у брата, а он не велел.

— А кто же твой брат? — спросил мой кавалер.

— Володя Олейников.

Парнишка протрезвел мгновенно. Чинно проводил меня на место, и скоро уже вся танцплощадка знала, что я сестра «Шипы» — такая была кличка у моего братца.

Через несколько дней, на пляже, наглый парень сорвал с моего лица тёмные очки — был у местных тогда такой «бизнес», — и спокойно пошёл дальше. Я вслед ему крикнула:

— Расскажу Шипе!

Он замер на месте, медленно вернулся ко мне.

— Откуда его знаешь? — спросил.

— Это мой брат.

— Извини, не знал…

И с поклоном очки мне были возвращены…

Но тогда, когда началась война, Володя Олейников был ещё младенец.

Когда фашисты подходили к Геническу, Олейниковы эвакуировались в село. Там Павел сапожничал, а в войну это ремесло очень ценилось. Жили они там, по воспоминаниям самой Гали, очень хорошо, в достатке. Выгнали немцев из города — они

вернулись в свой дом-землянку. И тут Павла призвали в армию. Ушёл он, а вскоре написал письмо: он с другими геничанами пока ещё рядом, на пересыльном пункте, на учёбе. Несколько женщин, в том числе и Галя, решили добраться к своим мужьям. Собрали им вещей, еды, поехали. Очень Павел обрадовался, увидев её. Подхватил на руки, закружил… Это было их последнее свидание. Сгинул Павел Олейников на войне, даже неизвестно где могила…

Сёстры. Мария

Мария — на год старше Гали, на восемь лет — Ани. С детства была очень самостоятельная, своенравная, неуступчивая. Постоянно ссорилась и дралась с братом Денисом, который был моложе её на три года. У обоих характеры лидерские, упрямые. Денис не любил подчиняться, а Маруся считала: раз она старше — должен слушаться! Отец с материю — на базар, а у этих двоих почти сразу же стычка. Младшие дети когда пожалуются родителям, а когда и промолчат.

Все Волковы были хороши собой, но Маруся считалась самой красивой: черноглазая, чернобровая, густые волосы, стройная, гордая… Правда, кое-кто, глядя на подрастающую Нюрочку, говаривал: «А вот эта будет ещё лучше!» Но тогда Аня была ещё мала.

В 18 лет Маруся уже встречалась — гуляла с Павлом Нежельским. Но нравилась она не одному ему. Аня помнит, как приезжал к ним свататься другой жених — из купцов. Лихая тройка красиво подкатила к дому, сбежались соседи, вышли сваты и жених — высокий, с усиками, красивый. Но Маруся презрительно сказала:

— Нужен мне той жених, як прошлогодний снег!

И тройка укатила ни с чем. Ане было очень жаль: и лошадки, и жених казались такими красивыми!

Жаль было и родителям: купеческая семья была очень зажиточной. Представлялось, что их дочь попала бы в хороший дом, что жила бы богато, беззаботно… Не знали ещё люди в том, 28-м году: скоро все «зажиточные» или пойдут по этапу в далёкие места, или останутся нищими. Не миновала б эта доля и Марию. Но судьба, в лице восемнадцатилетней девушки, распорядилась иначе. Мать, после неудачного сватовства, в сердцах бросила ей:

— Богатый жених тебе не нужен, а за нищего Пашку пойдёшь!

— Да, за Павла пойду! — ответила дочь.

Так и случилось.

Нежельские жили на соседней улице, были бедны. Ветхий одноэтажный домишко, одна мать, две уже замужние дочери, два сына — Павло и Степан, — оба сапожничали. Павел был всем хорош — и собой, и характером, и душевными качествами. Редкий человек: добр, совестлив, всем готов помочь. Когда он посватался к Марии, отказа ему не было. Хоть и жаль отцу с матерью было богатого жениха, они не отговаривали дочь, не препятствовали. В семье Волковых никогда деспотия родителей не процветала.

Сватовство Павла Аня помнит хорошо. Их, детвору — её, Дениса и Федю, — загнали на печь: дело было зимой, печь топилась. В соседней комнате шёл сговор. Когда сговорились и сваты с родителями стали пить водку, Павел и Мария вышли в первую комнату. Детвора затихла, затаилась: что-то сейчас они увидят?.. И услышали, как Маруся говорит Павлу:

— Давай деньги — на свадьбу, на платье, всё что есть давай!

И он отдал — легко, охотно, как потом отдавал всегда.

Да, была Мария сурова, прагматична и скуповата. Это ещё отец отмечал, говаривал:

— Из всех моих детей одна Маруся скаредная.

Свадьбу Аня тоже, конечно, помнит хорошо — ей ведь было уже десять лет. Дом Павла маленький, в одну комнату, а гостей собралось много. Особенно со стороны Волковых, так как отца многие знали, уважали. Потому гуляли в доме, стоящем рядом — у родственников жениха. У Нежельских только раздевались, а потом через двор шли к соседям. Стояли морозы, но идти-то было недалеко.

Аня тоже разделась и в новом беленьком платье, в туфельках побежала туда, где шла свадьба. А там народу! На окнах висят гроздьями, заглядывают, на крыльце в двери пробка! Она не может пройти. Но тут кто-то из знакомых её увидел, закричал: «Пропустите сестричку невесты!» Люди расступились, и она прошла.

Плясали на свадьбе под гармонь. Павел и сам был отличным гармонистом. Холостякуя, часто ходил по свадьбам и праздникам, играл. Но, женившись, стал это делать редко, а потом и совсем перестал, гармонь продали.

Стал Павел у Волковых любимым зятем. И было за что. Он ведь сразу влился в семью, как родной: во всём, что здесь происходило, обязательно принимал участие.

Скоро Павел оставил сапожничество и пошёл работать на железную дорогу. Сначала весовщиком-кладовщиком: принимал и оформлял грузы. Начальство его любило и ценило — исключительной частности человеком был Павел Нежельский. Вскоре послали его учиться на курсы машинистов паровоза. В те времена, когда начиналась индустриализация страны, эта была очень престижная профессия.

Скоро молодая семья начала строить свой дом. Взяли участок недалеко от Волковых. Улица была другая — параллельная, — но дома стояли так, что огороды Волковых и Нежельских соединялись. Дом у Марии и Павла строился скромный, не идущий ни в какое сравнение с домом Волковых.

Через год родился у них первый сын Серёжа. Потом — его

погодок Володя. Мальчики росли совершенно разные по характерам. Сергей — осторожный, осмотрительный, робкий. Володя — бесшабашный и решительный. От этого он казался старше, а Сергей младше. Но это и погубило мальчика. Несчастье случилось летом, когда братьям было семь и шесть лет. По улице ехал трактор, и Володя, указывая на торчащий сзади машины крюк, воскликнул:

— Побежали, прицепимся и прокатимся!

Серёжа отказался и стал отговаривать брата. Но тот как всегда не послушал, махнул рукой, догнал трактор, прицепился и скрылся за поворотом… А через полчаса к дому Нежельских прибежали мальчишки:

— Вашего Володьку трактор раздавил!

В это время у Марии и Павла уже подрастали маленькие Валя и Ваня.

…Дальнейшая жизнь семьи Волковых и молодых Нежельских в Аниных воспоминаниях течёт неразрывно. Они и в самом деле тесно связаны и переплетены общими событиями. Но чтобы идти дальше по времени — с середины тридцатых годов, — нужно вернуться немного назад, в более раннее Анино детство — ещё счастливое и беззаботное…

Учёба

Первая книга, которую Аня помнит с детства — «Конёк-горбунок» Ершова. Она ещё в школу не ходила, когда Денис, забираясь на печку, читал ей. Да и старшие сёстры с удовольствием слушали. То-то чудо было!

Ей сразу понравилась школа, она стала старательной ученицей, и всё ей хорошо давалось, особенно математика. По математике Аня всегда была лучшей в классе. А вот с чтением поначалу произошёл настоящий казус.

Весь первый класс Аня не умела читать и довольно успешно это скрывала. Знала все буквы, складывала слоги, а вот как соединить эти слоги в слова — не понимала! И учитель Дмитрий Васильевич Падалко видимо просмотрел этот момент, упустил.

У Ани всегда была отличная память. Когда читали другие дети, она запоминала текст почти дословно, и если её вызывали — повторяла. Иногда попадала впросак, но всё же подозрений в том, что девочка вообще читать не умеет — не было. Слова с доски в тетрадку списывала старательно, правильно. Но сама от своего неумения мучилась, переживала. Вот и Полина, и Зина, и другие ребята — все читают, а она нет!..

Первой о её тайне догадалась мать. Однажды она сказала Денису:

— Что-то Нюра всё время читает «Жучку» да «Жучку». Ну-ка проверь её, может она совсем не умеет читать.

А Аня и в самом деле: каждый вечер открывала книжку на одном и том же рассказе «Жучка», — и «читала», то есть, рассказывала наизусть, глядя в книгу.

Денис подсел к ней, сказал:

— Почитай.

Она «почитала» ему «Жучку». Он похвалил:

— Молодец.

Нашёл другой рассказ:

— А ну этот почитай.

Вот тут всё и открылось. Все посмеялись и оставили девочку в покое. Как есть, так и есть — невелика беда. А на летних каникулах как-то раз незаметно, сами собой сложились слоги в слово — открылся Ане секрет чтения! Всё оказалось просто и легко — видно, пришло её время. И с тех пор на всю жизнь полюбила она читать. И пришла во второй класс, читая не хуже, а то и лучше других.

В четвёртый класс Аня пошла уже из нового дома. Если и из старого ходить было далековато, то отсюда, от железнодорожного

вокзала, — пять километров! И большей частью — по длинному, наезженному и в основном пустынному тракту. Редко кто-нибудь на телеге подвезёт одиноко идущую девочку. Обычно, всю дорогу — пешком. Но осенью и весной ничего, даже интересно. На одном и том же отрезке пути она часто встречала женщин, несущих на базар в крынках молоко, сметану. И всегда им помогала, чаще всего одной и той же бабушке.

— А сегодня, Нюрочка, твоей бабушки нету, — говорили иногда женщины.

— Тогда давайте я вам помогу, — отвечала она.

И несла крынку до базара: ей самой идти было дальше.

Зимой идти было труднее, страшнее. Та первая зима выпала особенно морозной. Аня выходила затемно, приходила в школу, когда никого из ребят ещё не было — первой. (Кстати, всю жизнь она оставалась такой — не дай Бог опоздать!). Только школьная сторожиха растапливала печки в классах, обогревала помещения, готовя их к приходу детей. Она помогала девочке раскутать платок, снять с задубевших рук и ног варежки и валенки, причитала, жалея её, усаживала отогреваться у печки. Аня очень любила эти минуты в пустынной утренней школе, у тёплой печки, с доброй сторожихой…

Окончила Аня четвёртый класс и должна была перейти не просто в пятый, а и в другую школу — из начальной в среднюю… Подходили к концу школьные каникулы. Так не хотелось идти в школу вообще, а в новую, незнакомую тем более! Аня и её подруга Зина так и решили: не пойдём! Дома Аня сказала об этом отцу, и он махнул рукой:

— Та и не ходи.

Дело-то было привычное: старшие сёстры кто один год в школу бегал, кто два. И ничего, выросли. Две уже и замужем. Девке учиться не обязательно. Денису — другое дело, а она, Нюра, и так учёнее всех, начальную школу кончила!..

Так Аня прогуляла год. Именно прогуляла. По дому делать её ничего особенного не заставляли, и так рабочих рук хватало. Правда, была одна обязанность — лично её. Чистка самовара — большого, медного, пятивёдерного. Денис бил и толок красный кирпич, и этим битым кирпичом Аня натирала самовар. Трёт, трёт, зовёт мать:

— Мамо, хватит уже?

Мать поглядит, укажет несколько мест:

— Ну вот здесь и здесь ещё потри.

Тем же битым кирпичом Аня натирала и медные лампадки, цепочки от них. Она же чистила картошку на всю семью. Семья-то большая, картошки нужно много. Чистит, бросает в котёл, зовёт

мать:

— Мамо, хватит уже?

Вот и все её обязанности. Потому всё больше бегала, гуляла. Ходила к сестре Даше, помогала ей присматривать за детьми. Она любила своих племянников — шустрых мальчишек Гришу и Толика, малышку Любу, которую сама ещё недавно нянчила. Но особенно — старшую девочку Нину. Той было уже пять лет, Аня часто брала её за ручку, гуляла с ней, рассказывала сказки и разные истории. У Нины в детстве часто болели уши, потому она иногда даже в летние тёплые дни ходила в вязанной шапочке. Однажды Аня пришла к племянникам с подругой Зиной — та ведь тоже не ходила в школу. А Зина стала смеяться над маленькой девочкой в шапочке:

— Ты что, совсем глупая? Жара такая! Снимай шапку!

И сдёрнула шапочку с Нины. Малышка заплакала. Страшный, неуправляемый гнев бросил Ане кровь в лицо. Перед глазами поплыли радужные круги, кулаки сами сжались. Звериным прыжком она бросилась на Зину, вмиг повалила лицом вниз. И стала раз за разом крепко прижимать голову той к земле, приговаривая:

— У неё ушки болят! У неё ушки болят!

Когда Зина вырвалась, её щеки, лоб и нос были поцарапаны, рот и волосы полны песка.

— Ты дикая! Ты волчица! — плача кричала она, убегая.

Аня стояла, тяжело дыша. Злость проходила, стало жаль Зину. Нет, она правильно сделала, что наказала подругу — не обижай маленькую, даже если не знаешь о болезни! Но зачем так сильно, лицом в песок… Она ведь раньше никогда так не злилась…

Перед Зиной Аня повинилась, девочки помирились. И снова вместе гуляли, свободные от учёбы. Поначалу хорошо было, весело. А потом Аня стала скучать. Ровесники-то все в школе, играть не с кем. Зина далеко живёт, да и надоело всё с ней одной…

Однажды по весне пошла Аня в центр города, шла мимо школы. А тут как раз уроки кончились, ребята побежали с портфелями. И странная догадка кольнула девочку в сердце: вот мимо-то жизнь бежит!.. Конечно, такими словами она подумать не могла, а подумала: «Почему я не с ними? Я что, хуже других!»

Дома сказала родителям:

— Пойду в школу.

Мать похвалила:

— Правильно надумала, молодец!

Отец сказал:

— Хочешь, так иди.

Но самой идти неловко, стыдно было. Решила Аня уговорить Зину. Пошла к подружке, сказала ей, а та тоже рада. И мать Зинина похвалила:

— Умница, правильно решила! Все учатся, что же вы одни неучами будете…

А отец Зинин ничего не сказал, зыркнул молча в их сторону. Аня боялась его — вечно угрюмого, сурового. Как оказалось потом, не зря боялась. Когда Зине было 18 лет, она забеременела. От кого — никому не призналась. И так боялась отца своего, что повесилась в сарае…

Но это произойдёт через много лет. А в ту весну девочки пошли к своему бывшему учителю, повинились. Он, конечно, пожурил их, взял документы и вместе с девочками пошёл в среднюю школу — устраивать. В сентябре Аня и Зина пошли в пятый класс.

Там они проучились год. И снова пришлось переходить, менять школу. Всех детей, кто жил в сельском районе Бутурлиновки перевели из городской школы в сельскую. Сделано это было без ума: городская школа была русская, а сельская — украинская. И хотя в доме у Ани говорили по-украински, ни писать, ни читать на этом языке она не умела. Так и проучилась: оценки хорошие (требования в сельской школе были не велики), а знания плохие.

Зато, когда Аня вошла первый раз в новый класс украинской сельской школы — в шестой, — её ждала неожиданная радость. За одной из парт она увидела Петра Середу — «сельского исполнителя». Сердце сильно забилось, но виду она не подала. Он — тоже, хотя узнал её, конечно…

Шестой и седьмой класс учились вместе и сохраняли нежные чувства друг к другу. Хотя и не дружили в том смысле, в каком это трактуется нынче. Как будто и не заметно было, что они выделяют друг друга из всех. И всё же — было!

В этом возрасте, 14–15 лет, мальчишки уже начинали приставать к девочкам. Во время игр и беготни на переменах толкали друг друга на девчонок, а самые нахальные норовили и юбку приподнять, и рукой провести по кофточке. Однажды один такой «ухажер» лапнул на грудь Аню. Она резко оттолкнула мальчишку и бросила на него исподлобья такой взгляд… Тёмные большие глаза её, казалось, прожгли насквозь. Парень пошатнулся — от толчка или от взгляда, — сам не понял. И сказал, то ли испуганно, то ли удивлённо:

— Ну ты и волчица!..

Второй раз услыхала Аня о себе такое. Да, её фамилия

Волкова, но ведь не только потому так говорили…

Больше Аню никто ни разу не тронул. Она думала, что сама себя защитила, но позже узнала, что Петро Середа тоже к этому причастен. Он сказал ребятам:

— Тронете Нюру Волкову — со мной дело иметь будете!

А его уважали и побаивались: крепкий парнишка был да и братьев старших имел.

…Когда Ане было двадцать лет и она уже учительствовала, приехала как-то в гости к сестре Марии в Бутурлиновку, пошла с подругой на концерт — в железнодорожный парк. Сидели на скамейке перед открытой сценой, ожидали начала. А на ряду впереди два парня и две девушки разговаривали. Ане показался знакомый голос. Глянула — парень чуть приобернулся, — да это же Петро Середа! Окликнула его, он тоже узнал, обрадовался. Разговорились — кто, что, где?

— А, так ты учительница! Интеллигентка! А я что — грузчик на заводе…

Потом начался концерт. После концерта встали, чтобы выходить, и тут Аня увидела: Пётр ниже её на полголовы. Все остатки былых чувств улетучились в тот же миг! Она уже привыкла кружить головы молодым людям. А когда на тебя заглядываются высокие, интересные, под стать тебе — детская влюблённость кажется смешной. Особенно если тот, кто так нравился, ростом не вышел… И даже если сердце ещё хранит тепло благодарности, отголосок волнения, ещё способно на миг дрогнуть от воспоминаний, взгляд становится ироничным, таким — с высока. Что поделаешь, молодая девушка — не десятилетняя девочка. Для неё, высокой да ещё любящей ходить на высоких каблучках, рост парня имел немаловажное значение…

Больше Аня никогда не видела Петра Середу, что с ним стало — не знает.

Без дома

Тридцатые годы оказались для Волковых тяжкими. В 32–33 годах пережили они голод, охвативший большую территорию России, Украины.

Дети переносили голод легче всех. А вот у отца пухли ноги. Бабушка София Котлярова ходила по городу и окрестным сёлам, побиралась — просила милостыню Христа ради. Тогда многие старые люди так делали. Бабушка жила не с ними, а в семье своего сына, погибшего в гражданскую войну — с его вдовой и многочисленными детьми. Однако, насобирав подаяния, несла эти куски в семью дочери, Волковым. Раздавала их детям и говорила:

— На ту ораву всё равно по крошке достанется.

Она очень любила этих своих внуков, от дочери. А, к тому же, не ладила с невесткой.

Тогда же отец снял с сарая железную крышу. Железо очень ценилось. Он выгодно продал эти листы железа, на эти деньги купил отрубей. Вот радость была!

А ещё радость, когда матери удавалось добыть хлеб. Случалось такое редко, но случалось. У неё была родственница, работавшая проводницей. Мать ходила на вокзал к прибывавшему из других городов поезду и иногда покупала у проводницы две-три буханки хлеба. Дома они разрезались на мелкие кусочки, часть оставляли себе, детям, остальное продавали на базаре…

После этих двух голодных лет стали создавать в их местности колхоз и всех в него записывать. Волковы жили уже в новом доме и живности в то время не имели. А другие люди и коров, и лошадей сдавали в общее хозяйство. Отец перестал шить большие партии сапог и устроился колхозным сторожем — то на конюшне, то на бахче, то в поле. Мать в колхозе не работала, так же хозяйничала по дому. А Мария, Галя и, на каникулах, Аня ходили с другими женщинами в поле. Правда, Галю вскоре из-за хромоты определили нянькой в детский сад-ясли.

Самые чудесные воспоминания остались у Ани о колхозных полях и урожаях. На огромных территориях выращивали помидоры, капусту, баклажаны, сладкий перец… Эти две последние культуры были для бутурлиновцев незнакомые, новые. Когда их решили выращивать, пригласили из Болгарии двух специалистов. Оба болгарина стали бригадирами и учили остальных. Между полями рылись оросительные каналы, подача воды регулировалась специальными перегородками. А ещё два верблюда возили по полям поливочное колесо. Вёдра,

подвешенные на колёсиках, наполнялись водой из реки…

Людям, работающим на полях, разрешалось во время работы есть овощи. Бригадиры так и говорили: «Пока на поле — ешьте что хотите и сколько хотите. Но уносить с поля домой нельзя ни единого помидора или перчины». И никто не уносил. Зато, когда распределяли продукты на трудодни, получали всего помногу. И не только те, кто трудился в поле: и отец-сторож, и Галя — детсадовская нянька. В доме целая комната была завалена мешками с овощами и зерном, и проходило довольно много времени, пока это всё засаливалось, мариновалось, распределялось по погребам…

Как радовались все в семье: после голодных лет — такое счастье! Да, первые колхозные годы на Воронежской земле были изобильными. И Волковы ни за что не оставили бы колхоз. Но пришла к ним настоящая беда — потеря родного крова. Такое время шло: не успевали люди начать радоваться жизни, как обрушивались на них новые несчастья…

Аня тогда училась в седьмом классе. Шёл 1934-й год. Только-только кончился голод, но проводились большие компании по раскулачиванию, взиманию налогов. Отца уже дважды обкладывали непосильными налогами. И хотя в это время он сапожничал понемногу, всё равно считался — учитывая прежнюю биографию, — частником. А по социальному происхождению — середняком. Раскулачиванию вроде бы не подлежал, а вот налог — плати!

Волковы и первый-то налог не сумели самостоятельно выплатить, потому им описали имущество. Пришёл однажды тот же местный начальник Шарапка с судебными исполнителями, и описал мебель. Стулья с резными спинками, горку (шкаф для посуды), другую мебель, в том числе и два больших, зелёных, окованных медью сундука — приданое дочерей Гали и Ани. Таких сундуков отец заранее заготовил четыре штуки, но два уже забрали замужние Даша и Маня… Всю мебель вывезли, и люди потом рассказывали — видели, как продавали её на базаре с молотка.

А через год — второй раз обложили налогом, дали небольшой срок для уплаты. Ясно было: уплатить Волковы не смогут, а описывать уже нечего. И отец сразу понял: бьют под дом!

— Шарапка нас оставит без стен и крыши, — сказал он.

Да, к ним уже доходили слухи, что Шарапке очень нравится дом Волковых — большой, добротно сделанный, один из лучших в округе.

— Ну, нет! — решил отец. — Раз наша улица Хитровка, мы

его перехитрим!

«Хитровка» — это тоже не название, а прозвище улицы. Так назвал её Иван Рябченко. Когда они переехали с «Довгой», он сказал:

— Мы всех перехитрили. Наша улица Хитровка.

И вот отец решил перехитрить местную власть. Дело в том, что молодые Нежельские — Мария и Павел, — строили себе дом недалеко от родительского. У них уже родился сынишка Серёжа и они уже жили в этом своём недостроенном доме. Но был он маленький, скромный и в сравнение не шёл с домом Волковых. Отец и надумал продать свой дом своему же зятю и дочери! Павел Нежельский был железнодорожник, машинист. Не только не облагался налогами, а имел всяческие льготы. Ему такой дом держать было безопасно, никто не отберёт.

Отец сказал Марии и Павлу:

— Продавайте свой дом и покупайте мой. Побыстрее: за сколько свой продадите, за столько и у меня купите.

Так и сделали. Получилось, что Марии дом отдали почти за так: плата-то была скорее символической. Настоящий подарок! Отец только одну просьбу имел к Нежельским:

— Если придётся на старости лет вернуться в свой дом — примите нас с матерью. Кто знает, как жизнь повернётся…

Так и оказалось впоследствии: во время войны вернулись родители в свой дом, и умерли там, в нём…

А пока собрали оставшиеся вещи — мебели-то уже не было, — в мешки и поехали в город Новохопёрск, недалеко, в своей же Воронежской области. Там у отца жил давний приятель, звал его, обещал возможность неплохо зарабатывать.

Так остались отец и мать без родного крова. Уехал с ними Федя, младший сын, ещё школьник. Поселились они у той же самой хозяйки, где, за год до них, жили их старшая дочь Дарья и её муж Иван. Они, Рябченко, и порекомендовали родителям эту душевную, хорошую женщину.

Пить на новом месте, в Новохопёрске, отец почти перестал — сбылась наконец мечта матери! То ли оторванность от бутурлиновских дружков-собутыльников сказалась, то ли все перенесённые испытания и страх за судьбу семьи. А, может быть, боялся опозорить себя в чужих глазах — ведь не у себя дома жили. Но, скорее, всё вместе взятое. Мать даже иногда по воскресеньям, после базара, сама ему покупала бутылку, из которой он дома выпивал немного.

И всё же отец перехитрил Шарапку! Остался тот ни с чем: под Павла Нежельского, чистого пролетария, да ещё передовика, подкопаться было невозможно!

Поселилась семья Марии в отцовском доме. Аня осталась жить у них, пока не окончит седьмой класс — был в разгаре учебный год.

Выбор пути

По окончании седьмого класса все ребята — одноклассники Ани, — решили дружно поступать в сельскохозяйственный техникум. Он находился недалеко, в местности между Бутурлиновкой и большой станцией Таловая, при опытном колхозном поле.

В один летний день все вместе ребята поехали сдавать экзамены. И все дружно провалились. Приняли только одну девочку, и то потому, что она была круглая отличница. Вот тогда Аня поняла, что хоть и хорошие у неё в аттестате отметки — хорошо и отлично, — а знания слабые. Особенно по русскому языку. Ведь училась она в сельской украинской школе, а экзамены нужно было сдавать на русском, и диктант писать. Впрочем, украинского языка выпускники тоже толком не знали.

Но ребята своим провалом огорчены не были. Взятые с собой скудные деньги они потратили в городке, не осталось даже на обратный проезд. Возвращались пешком через поля, луга, лес — весёлые, с песнями, смехом. Пришли в Бутурлиновку затемно, голодные.

После этой неудачной попытки поступления, Аня засобиралась в Новохопёрск, к родителям. Мария снарядила её, дала скромный по тем временам гостинец: мешочек фасоли да десяток початков кукурузы. Аня вышла из поезда на перрон, поставила сумку, а она упала и початки покатились под горку. Девочка — за ними. Шёл мимо железнодорожник, посмеялся:

— До чего глупа! Вещи бросила — и за кукурузой гонится!

Но Аня початки все собрала…

Идёт по городку и не знает — куда ей? Адрес-то известен, да где это? И спросить не у кого, никто не попадается навстречу. Стала в растерянности на пригорке: вниз сбегает тропка, там — река, улица начинается, дома… туда идти или в другую сторону?.. и вдруг крик:

— Нюра!

По тропке к ней наверх парнишка бежит лет десяти. Да это же братишка, Федя! Подскочил, чемодан из рук взял:

— Пошли скорее! Тато с мамой уже ждут тебя.

Идёт впереди, ловко чемодан тащит. Аня смотрит ему в спину, думает: «Какой большой стал, сильный…»

В Новохопёрске она отнесла документы в местную школу, попросила записать её в седьмой класс. Секретарша, принимавшая документы, посмотрела на хорошие оценки в аттестате и решила, что девочка ошиблась.

— Ты хотела сказать — в восьмой? — поправила она.

Но Аня, не объясняя причины, настаивала:

— Нет, в седьмой!

Та пожала плечами и записала.

На первом же занятии русского языка Аня сама всё рассказала учителю — пожилому интеллигентному человеку с прекрасной литературной речью. Он ей сразу очень понравился. Девочка подошла к нему после урока.

— А, новенькая? Волкова, кажется? — улыбнулся учитель. — У тебя ведь аттестат за седьмой класс, и хороший.

— Я хотела вам об этом рассказать… Это так, оценки. А знания у меня плохие. Мне сказали, что я совсем безграмотная. Вот, хочу исправить, потому и записалась опять в седьмой.

Учитель с уважением посмотрел на девочку.

— Это хорошо, что ты сама перед собой честна. И учиться хочешь по-настоящему. Не каждый человек в твоём возрасте, — да и взрослые тоже, — вот так откровенно признаются…

Он взял личное шефство над Аней, много помогал ей. И она подтянулась. Хотя, всё же, от лучших учеников по этому предмету отставала. Но зато по математике была самой сильной в школе.

Когда она окончила второй раз седьмой класс и вновь наступило лето, Ане исполнилось уже 17 лет. Можно было учиться дальше, в восьмом классе, но она не хотела. Семилетка считалась тогда средней школой, давала возможность поступать в техникумы. Аня мечтала учиться в текстильном техникуме. Об этой профессии тогда много писали газеты, показывали кинохроники. Недаром через несколько лет, в 40-м году, вышел художественный фильм «Светлый путь» с Любовью Орловой. Там героиня как раз работала на текстильной фабрике… Когда Аня увидела этот фильм, у неё уже была другая профессия. Но ностальгически заныло сердце, ведь она, в свои 17 лет, тоже представляла: вот идёт она по светлому цеховому проходу фабрики, а слева и справа крутятся бабины с разноцветными нитками, сплетаются в радужное полотно… Но такой техникум был далеко, в Воронеже. Отец сказал:

— Федю буду учить, а тебя нет. Выйдешь замуж — вся учёба и все затраты на неё пойдут прахом. Или здесь учись, или работай.

А здесь, в Новохопёрске, имелся только педагогический техникум. Но в начале лета Аня и не думала об учёбе. Все мысли о Бутурлиновке. Так она соскучилась по родным местам, так хотела поехать туда — мочи нет! И сёстры там, Маруся с Галей, и подруги. Всё приставала к отцу — отпусти. А он не разрешал. Но в один день, когда немного выпил и был добрый, сказал:

— Ладно, поезжай, дам денег.

Радостная, Аня побежала к подруге Зое, которая была в курсе её переживаний. Та — на реке. Аня — бегом к Хопру, кричит с берега плавающей Зое:

— Еду в Бутурлиновку!

Прибежала домой, собираться, а её шатает. Сначала решила, что от радости и волнений. Но вечером уже лежала почти в бреду. Тиф…

Долгое время Аня находилась в полубессознательном состоянии, ничего не помнит. Болела месяца два. Понемногу начала приходить в себя, садиться в постели. Первый раз через много дней рискнула выйти во двор, в туалет. Туда дошла, а обратно — ослепла. Полная темнота! Испугалась, но кричать не стала — по забору добралась к дому. Пришёл доктор, успокоил: зрение вернётся. Так и случилось через время. Сильно лезли волосы, потому Аню коротко постригли. Почти налысо, только впереди, на лбу оставили чёлочку.

Как раз в это время пришли её навестить подружки Зина и Шура — они вместе учились, вместе собирались поступать в техникум. Они уже подали заявления — в педагогический. Стали уговаривать и Аню. Но она ещё была очень слаба, ходила шатаясь. Тогда девочки сами взяли её документы, отнесли в приёмную комиссию.

Сдавали экзамены: математику и русский диктант. Математику Аня сдала, как всегда, лучше всех, на пятёрку. А вот диктант, как ни старалась, написала плохо. Но учителя всё же решили принять её — математика выручила. Да и учли то, что девушка — после тяжёлой болезни.

Вот так Анна Волкова очутилась в педагогическом техникуме и избрала себе профессию — да и судьбу, — учителя. Вроде бы случайно. Но нет, ничего в нашей жизни случайного не бывает. Отец её с удовольствием читал книги, она сознательно тянулась к учёбе, любила школу, её дух и атмосферу. И потом, в дальнейшем, все, кто знал учительницу Анну Александровну, ни на минуту не сомневался: педагогика — это её призвание…

В педагогическом техникуме, на их курсе, учились в основном ребята деревенские. И только три девушки — Нюра, Шура и Зина, — городские. Они и раньше дружили, а тут стали не разлей вода, держались только вместе. С деревенскими не водились — гордились, забирали носы. Даже не хотели фотографироваться с группой — презирали. Глупые были, молоденькие. Им ещё предстояло поработать в сельских школах, пожить среди таких же простых деревенских людей, видеть от них добро и помощь, хлебнуть вместе горя… А пока девчонки чувствовали себя особенными, модно одевались, ездили в

Воронеж в театр, учились бальным танцам.

У них в техникуме учитель химии вёл кружок бальных танцев — танго, фокстрот, румба… Девочки ходили туда за 25 рублей в месяц — родители давали деньги. Устраивались и просто танцевальные вечера, на которых три подружки непременно бывали. Однажды на таком вечере с Аней случилось неприятное происшествие — украли пальто.

Пальто было очень хорошее, драповое, чёрное. Из маминого его перешили брату Денису — он был уже взрослый парень, хорошо одевался. А он и года не поносил — ушёл на военную службу. Написал: «Перешейте моё пальто Феде». Федя отказался: «Сделайте Нюре, она у нас уже почти учительница». Вот и получила Аня шикарное модное пальто — в техникуме ей все завидовали, говорили: «Ты в этом пальто городская, настоящая учительница!» Поносила она его осень, рано по весне первый раз надела. Мама не давала — ещё холодно было. Но упросила, уж очень хотелось пойти в нём на танцы.

Пришла в техникум, повесила на вешалку, а сверху — старенькое пальто подруги. В вестибюле дежурили ребята — такие же студенты, но они не в самой раздевалке находились, а просто следили за порядком.

Девочки танцевали, шутили, смеялись. Настроение было отличное! В тот раз играл духовой оркестр, а не баянист — здорово! Весёлые, вышли одеваться. А пальто Аниного и нет! Она плачет, вокруг собрались ребята, дежурные разводят руками — ничего не видели… Девочки повели Аню в общежитие — рядом, дали надеть какую-то кацавейку. В ней она и пошла домой — бегом. Родители уже легли спать. Но мать услышала, что Аня плачет, соскочила с постели:

— Что с тобой, Нюрочка?

А она, захлёбываясь рыданиями, отвечает:

— Со мной случилось то, что с Галей!

…Дело в том, что у сестры Гали год назад украли пуховой платок — и тоже на танцах, и тоже новый, первый раз надетый. Вот это Аня и имела ввиду. А родители перепугались, подумали о другом. Ведь Галя забеременела ещё до свадьбы… Когда разобрались, даже вздохнули с облегчением. Только Аня не могла понять, почему мать с отцом переглядываются и даже улыбаются.

На следующий день отец пошёл в техникум, к директору.

— Вы устраиваете танцы, значит и за порядок отвечаете, — сказал резонно. — И за кражу тоже.

Руководство техникума выписало отцу 80 рублей компенсации. На них Ане купили другое осеннее пальто. Оно было хуже её любимого, украденного, но тоже хорошее — модное,

кофейного цвета…

В те годы кража пальто была для семьи Волковых, может быть, самой большой бедой. После переживаний и потерь первой половины тридцатых годов, жизнь наладилась. Правда, не было своей крыши над головой, жались по чужим углам, но уже как-то привыкли, притерпелись. Главное — не бедствовали, дети устраивали свои семьи, учились, получали хорошие профессии, уважение… 37–38-й годы советской истории стали позже каким-то жупелом — адовой горящей смолой, постоянно разжигаемой прессой, литературой, разоблачениями, жуткими цифрами. Всё было. Но были и миллионы семей — простых людей, тружеников, которых репрессии не только не тронули, а были даже неизвестны. Так, что-то слышали краем уха… Единственное, что задело лично Аню — арест Тухачевского. Этот молодой маршал был кумиром молодёжи того времени. Аня тоже его обожала. Ещё бы: молод, красив, умён, с юных лет в революции, с романтической биографией — сын дворянина и крестьянки, как в книгах!.. И вдруг — враг народа! Она шла по коридору в техникуме и остановилась, вся сжавшись: несколько учителей снимали со стены большой портрет Тухачевского. Сняли и стали плевать на него просто с остервенением! Аня повернулась, побежала прочь, заскочила в пустой класс, забилась в угол и долго горько плакала. Не могла она поверить, что командарм Тухачевский предатель, иностранный шпион… Через годы, когда Тухачевский был реабилитирован, Аня не то чтобы возликовала, но сказала с ноткой гордости: «Я всегда знала, что он невиновен». Много лет, до конца жизни, она жила на улице имени Тухачевского — такой вот отголосок её юношеской привязанности…

Перед самым окончанием техникума, перед распределением, три «городские» подружки решили: в село не поедем! Посылали выпускников работать в основном именно в сельские школы. Девочки выбрали другое: в то время по стране ширилось движение, зачинателем которого стала девушка по фамилии Хетагурова — «Девушки — на Дальний Восток!» А из предыдущего выпуска как раз несколько человек и послали в те края. Вот Аня, Зина и Шура так решили — будем проситься на Дальний Восток!

Все их однокурсники уже получили распределения, а они не идут в комиссию. Наконец пришли.

— Мы городские, в село не поедем, хотим на Дальний Восток, — заявила от имени всех Аня.

Директор разводит руками:

— Нет в этом году туда направлений!

Так ничего и не решили в первый раз. А через два дня директор снова вызвал их.

— Есть одно направление на Дальний Восток. Решайте, кому его дать?

Зина сразу подхватилась:

— Я поеду!

Подружки вздохнули, но оспаривать не стали. Знали, Зине в семье живётся очень трудно: у неё мачеха, у той — свои дети. И Зина давно говорила, что при первой же возможности уедет подальше от мачехи. Теперь такая возможность у неё появилась.

Ане и Шуре предложили две школы в посёлке Залужное — рядом с городком Лиски. Директор и учителя расписывали им те места: это посёлок городского типа, и клуб там есть, и кино, и танцы, и школы хорошие, рядом река, лес… Уговорили. Аня выбрала для себя школу № 17, относящуюся к железнодорожному ведомству. Тогда у ЖД (железной дороги) школы были по всей стране свои. Они выгодно отличались от просто городских и сельских. Учителя, работавшие в таких школах, имели те же льготы, что и железнодорожники — бесплатный проезд в поездах, продуктовый паёк… Шуре досталась другая школа.

Братья. Денис

Денис был на четыре года старше Ани. Как и все Волковы — высок, строен, красив. К тому же имел открытый, общительный и очень весёлый нрав.

Он окончил четыре класса школы и считался прилично образованным парнем. Учился хорошо. Когда Аня пошла в первый класс, она попала к тому же учителю. А в классе, на одной из стен, — выставка рисунков старших учеников. Самый лучший рисунок — изображение коня, — Денисов. И учитель в первые же дни сказал всем:

— А коня, ребята, нарисовал старший брат Ани Волковой.

И сразу этим поднял авторитет девочки среди одноклассников.

После окончания четырёх классов Денис стал помогать отцу шить сапоги. Ему же не раз приходилось приводить домой пьяного отца. После воскресных служб, когда все соседи уже повозвращались домой, а отца всё не было, мать говорила:

— Иди, Денисок, шукай батька. Заглянь спочатку до церкви — он, мабуть, там!

И точно, Денис находил отца в небольшой комнатке при церкви в компании с попами и бутылкой. Вёл домой, иногда почти тащил на себе. И хотя мать ругала мужа: стыдно, мол, взрослому парубку за отца-пьяницу, Денису вовсе не было стыдно. Отца он очень любил, принимал того таким, как есть. Кстати, так же, как и отец, с удовольствием читал книги.

В 16 лет Денис уже был комсомольцем и комсомольским вожаком при сельсовете. Иначе и быть не могло: энергичный, зажигательный, умеющий поладить со всеми, прекрасный организатор!.. За этим парнишкой тянулась молодёжь.

В сельском клубе он организовал драмкружок, сам подбирал пьесы и ставил их. Это были «Назар Стодоля» Тараса Шевченко, «Ой, не ходи, Грицю…» Михайла Старицкого, «Щельменко-денщик» Квитки-Основьяненко. Сам был в пьесах актёром и, конечно же, пел. Уже тогда он очень любил петь. На всех посиделках звучал прекрасный голос Дениса — отцовское наследство. А когда стал ставить пьесы, его певческий и актёрский таланты просто расцвели.

На эти спектакли приходило очень много народу. Для Бутурлиновки и, особенно, для их сельского района они были событием. Продавались билеты. Однажды Аня, — а было ей лет 13, — позвала подружку на спектакль:

— Пойдём, там мой брат Денис, он нас пропустит!

Денег-то у них, конечно, не было. Девочки пошли. Но Денис подвёл сестричку — вышел, сердито отругал:

— Я ж казав тоби, не приходь!

И не пустил.

Не случаен был подбор Денисом пьес. В них он говорил на своём любимом украинском языке, пел украинские песни — он и в самом деле эти песни любил больше всего. А когда пришло время получать паспорт, он записался украинцем. Сам так захотел. Пришёл домой, протянул только что полученный паспорт родителям:

— Тато, мамо, я записался в паспорте украинцем.

— Но мы ведь все русские, — удивился отец.

Парень махнул рукой:

— Ну и что! Я говорю по-украински, песни пою украинские. Значит буду украинцем!

Лет в восемнадцать Дениса послали от комсомола учиться на курсы кассира сберкассы в город Тамбов. Учился около года, когда вернулся, стал работать в селе Васильевка, в 20 километрах от Бутурлиновки. Видимо, большое было село, коль там работала сберкасса. Аня помнит, как пришёл домой Денис, получив свою первую зарплату. Принёс матери и ей, сестричке, материи на платья. А ещё — целый мешок арбузов, тащил пешком все 20 километров.

В то время была уже у Дениса девушка — Юля. Его ровесница, товарищ по комсомольской работе и по актёрству. Очень красивая, задорная, боевая девчонка, тоже пела хорошо. У них были близкие отношения ещё до свадьбы. Вообще, Денис был парнем хоть куда, девчата по нему сохли. Но он любил Юльку.

Подходило время идти в армию. И Денис с другом Павлом Шандурой решили поступить в курсанты. И не куда-нибудь, а обязательно в Киев. Денис давно мечтал учиться и жить именно в Киеве. Давно слышал, какой это красивый и большой город, на том самом Днепре широком, как у Шевченко. До середины которого не всякая птица долетит, как у Гоголя… Там, в Киеве, было военное училище связи. Туда и поехали парни. Вернулись уже в курсантских формах — в короткий отпуск.

Родители с младшими детьми жили тогда уже в Новохопёрске, и сын приехал сначала к ним. Но почти сразу укатил в Бутурлиновку — жениться на Юле. Отец с матерью поехали с ним, сыграли свадьбу. А вскоре Денис вернулся в Киев — начались занятия в училище. Юля осталась в Бутурлиновке, работала на маслозаводе в лаборатории.

Их брак оказался недолгим. У Юли было три старшие сестры. Две замужем, а третья, Фрося, — в разводе и очень вольного

поведения. Чуть ли не ежедневно у неё в доме устраивались весёлые хмельные вечеринки, на которые ходила и Юля. Пошли слухи о том, что она стала любовницей директора маслозавода. Денису кто-то из дружков написал об этом. И он, в отместку, завёл себе в Киеве тоже любовницу… Он вообще всю жизнь на романы был скор. Женщин у Дениса было много — его любили, такого красивого, талантливого, щедрого, весёлого! И даже через много лет, тяжело больной, он говорил сестре Анне: «Мне не страшно умереть, только бы знать, что на том свете я смогу любить женщин и петь песни». Шутил, по обыкновению. А, может, и нет. Ведь именно любовь и пение — две его самые большие привязанности в жизни…

Тогда же он сам написал Юльке о своём киевском романе. Она приехала к нему и устроила скандал. После этого они развелись. Обычная история, каких много: слишком ранний брак, слухи-пересуды, часто недостоверные и непроверенные, действия в отместку, назло, горячие головы, скоропалительные чувства…

В военном училище Денис вновь стал много петь, выступать в самодеятельности. Знал очень много оперных арий, романсов, русских и украинских народных песен. Он несколько раз приезжал к своим на каникулах, но особенно хорошо помнит Аня его приезд после окончания училища.

Денис получил распределение служить на Дальний Восток, и перед отъездом туда на целый месяц приехал в Новохопёрск к родителям. Аня тогда училась в техникуме, вернулась с занятий, вошла в дом, а там — красивый, высокий офицер, старший лейтенант, руки раскинул:

— Сеструха! Взрослая! Красавица какая!

Через несколько дней в техникуме проходил праздничный вечер. Денис пошёл с Аней — в офицерской форме. И всех там очаровал, а ей поднял авторитет. Подруги и девушки из старших классов ходили за ней, наперебой просили: «Познакомь!» Был концерт, и когда он уже заканчивался, Денис вышел на сцену, представился, попросил разрешение спеть. Стал петь, и его долго не отпускали. А одна молоденькая учительница серьёзно в него влюбилась.

Она даже пошла провожать Дениса вместе со всеми родными, когда его отпуск закончился и он уезжал на Дальний Восток. Стояла уже осень, дул холодный ветер, Волковы ходили по перрону в ожидании поезда, грустили. И вдруг Денис стал петь. Вокруг собрались люди, лица у всех повеселели, его просили петь вновь и вновь. И он пел до самого отхода поезда.

…Ещё и поэтому Аня просила распределить её после окончания техникума на Дальний Восток — там ведь служил

любимый старший брат!..

Денис служил сначала во Владивостоке, потом в Иркутске. Пел, конечно же, в армейской художественной самодеятельности. Сам общительный, доброжелательный, он и у людей вызывал ответную симпатию. В сороковом году приехал в Иркутск знаменитый ансамбль песни и пляски Советской Армии. Денис пошёл к его руководителю — известному композитору Александру Васильевичу Александрову, представился, попросил разрешение спеть вместе с ансамблем. Александров послушал его и разрешил. На нескольких выступлениях Денис пел — и не только с хором, но и солировал. Александров был очень высокого мнения о таланте молодого офицера. Считал даже, что Денис Волков может затмить знаменитого в то время Лемешева. Но для этого нужно было учиться. Композитор очень ему это советовал, написал рекомендацию в Московскую консерваторию. А, уезжая, подарил свои именные золотые часы.

Учиться вокалу Денис мечтал. Но это оказалось непросто. Во-первых — служба. Во-вторых — у него уже была семья. Жена Людмила работала парикмахером, родилась дочь Неля. Да и наступил 41-й тревожный год. А потом началась война.

На фронте Денис не был, хотя рвался туда, писал рапорт за рапортом. Однако на Дальнем Востоке тоже сохранялась напряжённая обстановка, и его не отпускали. Но когда, в конце 43 года, пришла весть о гибели Феди, Денис стал особенно настойчив. Пробился на приём к генералу и со слезами на глазах просил:

— Как же так, младшего братишку убили немцы, а я тут отсиживаюсь!

В конце концов его послали на Украину, под Одессу, в школу по подготовке офицеров к фронту. Но до фронта он так и не добрался — пришёл победный май 1945 года…

В Одессе, в знаменитом оперном театре шёл праздничный концерт Победы. Когда он уже подходил к концу, из зала вышел молодой, высокий, красивый офицер, легко вспрыгнул на сцену и запел замечательным голосом:

У прибрежных лоз, у высоких круч
И любили мы, и росли.
Ой, Днипро, Днипро, ты широк, могуч,
Над тобой летят журавли!

Это был Денис и пел он самую любимую свою из военных песен. После небольшого замешательства, хор и оркестр подхватили припев. Величественная песня гремела под сводами

театра. Когда же последний аккорд затих, обрушились крики и овации. Люди из зала подхватили офицера и хлынули потоком на улицу, на руках неся его! Конечно, всеобщая эйфория объяснялась, в основном, огромной радостью от Великой Победы. Но и голос Дениса Волкова, и песня, спетая им, органично влились в это народное ликование…

Потом Денис поехал в Бутурлиновку, в родной дом. Встретили его две сестры — Мария и Аня. Матери уже не было в живых, отец уехал в Борисоглебск навестить дочь Дарью да и остался там пожить на некоторое время. Побыв несколько дней с сёстрами, Денис собрался к отцу. Отозвал тихонько Аню в сторону, попросил:

— Займи денег. Я всё истратил, но не могу же я, сын, приехать к отцу без подарка!

Аня заняла ему тысячу рублей. Денис отдавал ей эти деньги частями, тайком от жены, несколько лет — высылал уже в Харьков, где сестра тогда жила.

Сам Денис скоро переехал жить в Воронеж. Здесь родился его сын Александр. Много лет Денис пел в Воронежском народном хоре, потом — в Воронежском оперном театре. Его жена Людмила работала с ним вместе. У неё был неплохой, хотя и слабенький голос. Но из-за талантливого мужа к ней тоже хорошо относились, к тому же, она была интересной женщиной.

…Я хорошо помню своего дядю Дениса. Был он весёлым, общительным человеком и большим выдумщиком. Я уже работала и училась заочно, когда однажды, приехав в Харьков, он сказал мне:

— Пойдём в ваш оперный театр на «пробу».

Мы пришли туда в будний день, во время репетиции. Дядя Денис нашёл главного режиссера, представился, сказал, что собирается переезжать жить в Харьков и интересуется: возьмут ли его в труппу оперного театра. Режиссер захотел его послушать. Дядя вышел на сцену и с местными артистами спел несколько дуэтов и арий из разных опер. Я сидела в зале, слушала. Пел он отлично. Режиссер, видимо, был такого же мнения, потому что я слышала, как он сказал: «Будем рады видеть вас, Денис Александрович, в своей труппе». Конечно, дядя Денис вовсе не собирался переезжать в Харьков, он просто так развлекался.

Давно его нет уже в живых. А у меня хранятся записи с его песнями. Записи сделаны ещё на старых магнитофонных лентах — бобинах. Он поёт, а аккомпанирует его сын, мой двоюродный брат Саша Волков. Претворяя в жизнь мечту отца, он окончил консерваторию. Но, к сожалению, певческого таланта деда и отца не унаследовал… На бобинах сохранился чудесный

лирический тенор Дениса Волкова. И самые любимые его арии герцога из «Риголетто», Смита из «Пертской красавицы», русские романсы и народные песни, украинский народные «Ніч така місячна», «Дивлюсь я на небо» и, конечно, — «Ой, Днипро, Днипро».

Братья. Фёдор

Стояла середина мая. Солнце грело так ласково, цвели яблони, сирень, распускались цветы на клумбах во дворе. Но в родном доме что-то происходило плохое, тревожное. Постоянно капризничал маленький годовалый братик Федя: то затихал ненадолго, то вновь начинал плакать — тихонько, жалобно. Мать ходила медленно, тяжело, временами, не сдерживаясь, стонала. Отец метался из дома на улицу озабоченный, сёстры тоже были дома, никуда не уходили, даже старшая Даша, хотя у неё совсем недавно родилась маленькая дочка Нина…

На пятилетнюю Аню или не обращали внимания, или просили не мешать. Ей тоже было тревожно, тоскливо. Ночь она спала плохо — в доме постоянно шло какое-то движение, шум. А утром Даша взяла её за руку, увела в свой дом, напротив.

— Побудь здесь, Нюрочка, — сказала. — Там мамо хворает, и братик…

Наскоро покормила грудную дочку, отдала младенца свекрови и снова побежала в родительский дом. Аня бродила по комнате, выглядывала в окна, скучала. А потом тихонько вышла из дома Рябченко — никто и внимания не обратил, — по мосточку через ещё непросохшую Довгую улицу побежала в свой двор. Только вошла в калитку, как из двери на крыльцо вышли несколько мужчин, с ними отец. Они несли маленький деревянный ящик, были без шапок, хмурые.

Аня вжалась всем тельцем в забор. Не хотела смотреть на этот ящик, но и взгляда не могла оторвать. Она понимала — это гроб. Такой маленький! Но почему его несут из их дома?..

Она очень боялась похорон. Если случайно, издалека, замечала скорбную процессию — в панике убегала подальше. Сердечко сжималось от страха. Это был страх от понимания: жизнь может вдруг прекратится! И она тоже — живёт, бегает, смеётся, — и вдруг её не станет! Как это может быть — непонятно, и всё-таки может… Ничего Аня не могла поделать с этим страхом. А сейчас и бежать было некуда — люди уже шли мимо неё, отец глянул мимоходом, губы у него кривились, по щекам бежали слёзы. Он всё время оглядывался на дом, словно хотел вернуться. Но уходил вместе с другими мужчинами, нёсшими маленький ящик…

И в этот миг из дома раздался крик — долгий, тягучий, потом крикнули ещё два раза, уже коротко и резко. Показалось, что это мамин голос. Девочка стояла, всё так же вжимаясь в доски забора. Она и за калитку бежать не могла — там были люди со страшной

ношей, — и в дом идти боялась. Сколько времени прошло, не знает. Но вот на крыльцо вышла Даша и ещё две женщины. Сестра глянула на неё, покачала головой, но ничего не сказала. Они разговаривали. Аня слышала, как женщины говорили почему-то сердито.

— Нет, так нельзя! Феклуша наверное ещё в горячке. Разве можно давать имя умершего новорожденному? Да ещё так сразу! Это же плохой знак, не будет ему доли в жизни…

Но Даша, нахмурив брови, упорно качала головой:

— Мамо так решила, так и будет.

— Упрямые вы, — махнула рукой соседка. — Надо же, роженица ещё в себя не пришла, а как только я сказала ей, что мальчик родился, сразу же: «Федя». Я думала, она о мёртвом говорит, ан нет: «Федей назовём!» И слушать ничего не хочет.

Женщины снова вошли в дом, а Даша подошла к испуганной, ничего не понимающей Ане. Обняла сестричку, прижала к себе.

— Вот, Нюрочка… И горе у нас, и радость. Один Федя умер, а другой родился. Так что у нас с тобой снова есть братик Федя.

И тут Аня всё поняла! Словно разошлись тучи, и синее-синее небо открылось в просвете, а в нём — яркое солнце! Ну конечно же, нет никакой смерти на свете! Братик только-только умер и сразу же снова родился! И бояться больше нечего…

И верно, Аня больше не боялась ни разговоров о смерти, ни похоронных процессий, ни могильных крестов — всё детство не боялась. В день рождения своего младшего брата она сделала открытие — жизнь непрерывна…

Вот так, в день смерти своего брата родился младший сын Волковых, Фёдор Волков — гордость и легенда не одного поколения семьи. В середине мая 1923 года.

Он был очень красивым мальчиком: густые тёмные волосы, черты лица чёткие, как нарисованные, матовая кожа, огромные карие глаза. Не раз Аня слышала, как знакомые взрослые люди говорили: «Тебя, Федя, за одни глаза можно любить».

Он был очень умным мальчиком. Недаром говорят: последыш, поскрёбыш всё самое лучшее собирает. Долгими зимними вечерами дети — Денис, Аня и Федя, — сидели на тёплой печи, и Денис читал вслух «Конька-горбунка» Федя ещё совсем малыш, не ходил в школу, но сказку всю запомнил наизусть. И если Денис делал паузу, Федя тут же подсказывал продолжение. И с самых первых дней в школе он стал лучшим учеником.

Федя очень хорошо рисовал — животных, пейзажи. Один его рисунок — родительский бутурлиновский дом, долго хранился родителями, стоял под стеклом в посуденном шкафу. Когда же

родители и он, младший сын, уехали жить в Новохопёрск, рисунок оставили Марии, в доме. Видела его Аня там и во время войны. А вот куда делся потом — не знает. Писал Федя и стихи, но только ещё мальчиком — про дождик, собаку… Отцу очень нравились эти стихи, он с гордостью их цитировал.

В Новохопёрске Федя сразу записался в библиотеку. А когда туда, окончив седьмой класс, приехала и Аня, тоже уговорил сестру ходить в библиотеку, сам повёл её туда. Библиотекарша — пожилая женщина, — записала её и спрашивает:

— Что тебе дать почитать?

— Какой-нибудь ро́ман.

Библиотекарша улыбнулась, мягко поправила:

— Рома́н, а не ро́ман…

Шёл 1934 год. Феде было одиннадцать лет, Ане — шестнадцать. До этого она читала только те книги, которые задавали по школьной программе. Именно тогда, с лёгкой руки младшего братишки, она по-настоящему пристрастилась к чтению. Да ещё как!

Вот помнит один случай — уже училась в техникуме… Ночь, на столе свеча горит, Аня стоит на табурете коленями, локти на столе, подбородок опирается на ладони. Перед ней раскрытая книга — исторический роман… У героя умерла жена, он надолго уехал, а маленькая дочь воспитывалась у чужих людей. Он вернулся, дочь выросла, он не знает, что это его дочь — влюбляется. Ведёт её на могилу жены: в склеп, расположенный где-то на острове в море. Там гроб подвешен на цепях… Аня так увлеклась чтением, что представляла себя рядом с героями: она в склепе, идёт с факелом в руке к висящему гробу… Именно в этот момент проснулся отец — не книжный, а её настоящий.

— Ты всё читаешь, не спишь? — окликнул он дочь.

Аня так испугалась, что опрокинулась с табурета навзничь, сознание потеряла, всех переполошила. И в техникуме, так же, как и Федя, она не бегала на переменах по коридорам, не смеялась с подружками, а стояла за кадкой с китайской розой и читала книги…

В Новохопёрске, в новой школе, новом классе Федя подружился с мальчиком — сыном городского судьи. Это была высокопоставленная, очень уважаемая должность. Семья интеллигентная, обеспеченная. А Федя — бездомный, сын сапожника. Но был он настолько умным, начитанным, воспитанным мальчиком, с врождённым тактом, что судья всячески поощрял дружбу своего сына с ним, всегда звал Федю в гости. Федя охотно ходил, но никогда не позволял себе там угощаться. Вежливо отказывался от приглашения к столу. Во-

первых, из скромности. Во-вторых, из гордости: чтоб не думали, что он беден и голоден.

А семья и вправду не бедствовала: отец вновь сапожничал и хорошо зарабатывал. В отличие от Бутурлиновки, где семья имела огород, больше огородов они не брали — жили ведь на квартире, не в своём доме. Отец резонно говорил:

— У людей уродит — будет и у нас. Я заработаю, чтобы купить.

А вот Федя и Аня охотно ходили помогать хозяйке на огород. Федя был старшеклассником, подростком, Аня — уже учительницей. Огород находился на краю городка, в красивом месте, у реки и леса. Аня, не слушая брата, загорала сразу подолгу, и сгорела — кожа облазила. Федя загорал по правилам: пять минут поработает на солнце — и накроет спину рубашкой. Потом — десять минут… И загорал отлично, дочерна.

Парень он был высокий, стройный, крепкий. Специально каким-то спортом не занимался, просто зимой катался на коньках, летом — плавал в реке. Особенно коммуникабельным он не был. В школе на переменах избегал компаний: или стоял читал книги, или прогуливался по коридору. Но эта обособленность не отталкивала от него ребят — буквально все относились к Феде с уважением. А девочки — одноклассницы и из младших классов, — были в него влюблены. Взгляд его огромных глаз из-под длинных, пушистых, загнутых ресниц, — никто равнодушно не выдерживал. Но сам он на девочек внимания не обращал.

Одно время Федя просто бредил морем. Читал книги о кораблях и морских путешествиях, вязал морские узлы и всё приставал к Ане:

— Попробуй, развяжи!

Родные повсюду в доме натыкались на эти узлы. Но в последнем, десятом классе, Фёдор очень увлёкся авиацией. И серьёзно решил стать авиаконструктором.

Окончил школу Федя с золотой медалью — иначе и быть не могло. Каждый учитель считал, что Фёдор Волков особенно талантлив по его предмету: физик — по физике, математик — по математике, истории, литературе, иностранному языку… И что учиться дальше ему нужно именно в этом направлении. Но Федя уже всё решил: он будет поступать в авиационный институт в Ленинграде! Почему именно там?

Городом Ленинградом Федя увлёкся давно. Читал о нём книги — и исторические, и современные, собирал открытки, значки. Знал очень много из истории, архитектуры города, названия улиц… Очень хотел учиться именно там, в северной столице.

Волковы все были упорные в достижении цели. Годами раньше Денис решил учиться именно в Киеве, и добился своего. Так же и Фёдор — он поступил в Ленинградский авиационный институт.

На первом курсе, во время каникул, приехал домой — счастливый, много рассказывал и о городе, и об учёбе. Особенно увлечённо говорил сестре о том, чем хочет заниматься в дальнейшем.

— Представляешь, Нюра, есть такое ответвление в авиации — ракетостроение! Оно ещё только разрабатывается, но очень перспективное. А интересное — слов нет! Впереди — полёты в космос на специальных летательных аппаратах, ракетах. Человек полетит на другие планеты! Это тебе не Жюль Верн, а реальность. И я буду этим заниматься, вот увидишь!

Всю жизнь Анна Александровна была уверена: останься Федя в живых — он стал бы большим учёным, и имя Фёдора Волкова звучало бы также громко, как и Сергея Королёва! Если бы не было войны…

Аня помнит, как провожали Федю в Ленинград после этих каникул. Отец и мать на перроне вокзала сидят рядом с вещами, Федя с группкой парней-приятелей — в стороне, смеются, говорят о чём-то. Аня подошла, окликает его:

— Федя!

Он отошёл, недовольный тем, что его отвлекли от друзей.

— Ну, что тебе?

— Так проститься же!

Он махнул весело рукой:

— Чего там, не последний раз видимся!

Никто тогда не знал, что это была именно последняя встреча — шёл уже 41-й год.

…Студенты имели «бронь», освобождающую их от призыва на фронт. Да, и это тоже было: страна, в лице своих правителей, думала о будущем буквально с первых дней жестокой действительности. Война когда-нибудь окончится, и нужны будут не только крепкие рабочие руки, но и светлые, образованные умы. Страна оберегала своё будущее — студенчество. Однако сотни и сотни ребят отказывались от «брони», шли сражаться добровольцами. Федя Волков поступил так же. Иначе не мог. Ведь вот же, фашисты уже на окраинах Ленинграда, у Ладожского озера! Разве может он уехать куда-то в эвакуацию, бросить любимый город на растерзание врагу!

Федя написал родным о своём решении. Они не оспаривали его, понимали. Но какое же это было горе для матери! Она как чувствовала — так боялась за своего младшенького… Впрочем,

сначала юного студента военкомат направил учиться в школу младших командиров, в тыл. Мать воспрянула духом.

— Пока его будут учить, может и война кончится, — мечтала она.

Многие тогда верили, что война ненадолго. И песни, и фильмы, и вся предвоенная пропаганда убеждала: воевать малой кровью, бить врага на чужой территории, «…и врагу никогда не гулять по республикам нашим!»… А Федя успел и выучиться, и повоевать.

Когда Фёдор закончил обучение и получил звание лейтенанта, его вызвал к себе начальник школы, полковник. Сказал новоиспечённому лейтенанту:

— Предлагаю вам остаться у нас в школе преподавателем. Вы очень способный человек, студент-авиатор. Нам нужны такие кадры.

Конечно, Фёдор мог бы принести пользу, обучая других ребят. Но, возможно, полковник ещё хотел и уберечь, спасти талантливого юношу, который очень ему нравился. Кто знает? Однако Федя отказался остаться в школе и вскоре отбыл на фронт. Тот самый, Ленинградский, на который и рвался.

Он редко писал домой письма, всё больше посылал открытки с изображениями великих военоначальников: Суворова, Кутузова, Багратиона. Бегло уверял родных, что всё у него в порядке. Один раз прислал фотокарточку — весной 43-го года. Потёртая гимнастёрка, запавшие, потемневшие скулы, коротко стриженная голова, печальные глаза… Но всё равно красив — уже не по-юношески, а по-мужски. Как раз тогда ему только исполнилось 20 лет. Через полгода он погибнет в бою. В ноябре 43-го года, как раз тогда, когда начнутся интенсивные сражения по прорыву блокады и освобождению Ленинграда…

Аня хорошо помнит один эпизод из довоенного школьного времени. В бутурлиновской школе она иностранный язык не учила. А когда пошла в седьмой класс в Новохопёрске, оказалось, что там преподают немецкий. Ей было очень трудно. Но, выяснилось, для таких «отстающих» ребят есть дополнительные платные занятия. Они ходят домой к учительнице Эльзе Фридриховне — натуральной немке. Аня тоже стала ходить, заниматься — отец заплатил. Эльза Фридриховна с восторгом и любовью рассказывала ребятам о Германии — природе, городах, выдающихся людях… Через некоторое время Аня стала понемногу и читать, и говорить по-немецки. Ей даже нравилось. И она стала называть Федю Фрицем — на немецкий манер. Однажды подписала ему поздравительную открытку: «Фрицу от Анхен». Но Федя, как чувствовал: он этого «Фрица» терпеть не

мог! Запрещал сестре так его называть. Говорил с нажимом:

— Я Фёдор!

«Похоронку» принесли днём. Несколько часов сёстры — Мария и Аня, — не отходили от родителей. Когда стемнело, Аня вышла на улицу. В конце ноября уже выпал снег, слегка мело. Она шла бездумно, куда-то сворачивала, почти не встречая людей. Ей казалось, что всё уже выплакано, но вдруг поняла, что на щеках замерзают слёзы. И тут же почувствовала, как окоченели руки без варежек. И даже остановилась, вспомнив: вот так же она уже шла — по снегу, без рукавичек, плача! Но то было мирное время, и обида её была глупая, смешная. И тоже связана с Федей…

Она тогда ещё дорабатывала учебный год в Залужном, а родители уже жили в Лисках. Но каждую неделю, на субботу и воскресенье, она шла к своим — там и вещи её были: одежда, обувь. Однажды зимой Аня мыла в доме полы, Федя лежал на диване, читал книгу. Она попросила его:

— Сходи принеси воды.

— Я читаю, — меланхолично ответил он, не поднимая взгляда от страницы.

Отец, тихо сидевший у окна и даже дремавший, вдруг поднял голову:

— Видишь, брат занят! Невелика барыня, сама принесёшь!

Такая обида охватила Аню! Она бросила мокрую тряпку на пол, вскрикнула:

— Я прихожу бог весть откуда, убираю тут вам! А вы ко мне, как к рабыне! Уйду!

— Ну и уходи, — сказал отец.

Аня вытащила два чемодана, стала лихорадочно складывать туда свои вещи. Пришла с улица мать:

— Что такое? Что случилось? Да ты же видишь, отец выпивший! Не обращай внимание!

Отец и в самом деле немного выпил: мать сама купила ему в воскресный день бутылочку. Он уже опять задремал, положив голову на руки. Но тут братец, этот умник, подлил масла в огонь! Сказал саркастически, всё так же лёжа на диване:

— Какая буря в стакане воды! Вернее — в ведре с водой…

Аня, уже ничего не слушая, потащила кое-как застёгнутые чемоданы из дому, даже рукавички забыла взять. Уже темно, она идёт через реку по льду в сторону Залужного — страшно, обидно, тяжело. Слёзы стынут на щеках, руки окоченели. Хорошо, догнала её жена учителя русского языка и литературы Володи, помогла — взяла один чемодан и одну рукавичку дала…

Долго Аня не ходила к родителям. Мама приходила, звала. Федя приходил:

— Чего ты упрямишься? Глупость ведь сплошная! Все переживают. Хочешь, чтобы отец сам к тебе на поклон явился?

Нет, так унижать отца она не хотела. Пришла обратно, притащила один чемодан. Встретили её так, словно ничего и не случилось…

Теперь, когда Феди не было в живых, воспоминания не обиду вызвали у Ани, а такую сладкую боль, что она вновь зарыдала, не сдерживаясь. И, словно повторяя давний случай, её нагнала знакомая женщина. Не стала ни о чём расспрашивать: кто же не знал, отчего люди плачут, получая известия с фронта… Заметила только:

— У вас, Анечка, руки мёрзнут, возьмите вот…

Сама надела на руки девушки рукавицы. А потом, наверное желая как-то отвлечь, сказала:

— Моя сестра только что родила. Сыночка… Вот, иду от них.

Аня давно уже понимала, что жизнь непрерывна. Не так, как в детстве, при рождении Феди. По другому. Но сейчас и эта мысль не утешала её, не уменьшала горя от потери брата.

…Через несколько дней после получения «похоронки» Аня написала в часть, где служил Федя, просила выслать его вещи и, главное, написать подробнее о том, как он погиб. Ей ответил друг Фёдора Михаил Клементьев, письмо датировано 2 января 1944 года. Михаил писал, что они с Федей дружили все фронтовые годы, рядом воевали и жили. Что Федя рассказывал ему и о родителях, и о сёстрах, о брате… Письмо оставалось у Ани всю её жизнь, хранится оно и сейчас.

Михаил описывал тот день — 14 ноября 1943 года. «…Мы с Федей находились на переднем крае. Участок обороны — сплошные болота и местами построены шалаши над землянками, как собачьи домики. У нас с Федей был такой. В нём можно только лежать или сидеть согнувшись. В 15 часов 30 минут со стороны противника начался обстрел нашего участка. Мы с Федей сидели на расстоянии друг от друга 0,5 метра, прислушиваясь к воющим снарядам. Здесь я потерял сознание, а когда пришёл в себя, увидел — землянки практически нет, всё разворочено, стоит сильный, удушливый запах дыма и пороха. Федя лежит неподвижно недалеко. Я подполз к нему, стал искать пульс. Пульс был, но его длинные ресницы закрывали его большие глаза и даже не дрожали. Я стал тащить его, но был не в силах. Тут к нам подбежали ещё два красноармейца, стали мне помогать. Я увидел, что Феде пробило правую лопатку и понял, что ранение смертельное. Он пришёл в сознание примерно минут через 20. Он узнал меня, сказал: «Как тяжело…» Слёзы покатились у меня из глаз, я понял, что он умирает. Федя назвал по именам стоящих

рядом своих бойцов, назвал ещё какие-то имена, но мне они не знакомы. Потом он снова потерял сознание. До санчасти мы его не донесли… Для Феди был сколочен гроб, мы похоронили его на высотке в березняке, недалеко от гор. Колпино. Пишу вам точный адрес: левый берег реки Б.Ижорка, Красный Кирпичник Колпинского района Ленинградской области. Самая правая могила на офицерском кладбище… Федины медали «За оборону Ленинграда» и «За отвагу» я вам вышлю ценным письмом. Были у Феди две его фотографии, но девчата из санчасти их забрали и отказались вернуть»…

В 2004 году внучка Анны Александровны Дарья вместе с мужем Андреем ездила в Санкт-Петербург. Молодые люди попытались найти могилу погибшего в войну брата своей бабушки — по описанию из фронтового письма. Посёлка Красный Кирпичник уже давно не существует — стоят полуразвалившиеся, с выбитыми стёклами двух-трёхэтажные дома, и всё. Недалеко новый дачный посёлок… Ребята нашли похожее место — возвышенность с березняком на берегу Ижорки, недалеко от Колпино. Там — местное кладбище, где устроен уголок фронтовых захоронений в братской могиле. Среди многих фамилий есть и фамилия Волкова. Вот только инициалы не совпадают. Кто это — однофамилец Феди или, всё-таки, он? Ведь инициалы на простой деревянной табличке за десятилетия конечно же потускнели, затёрлись, смылись дождями… Если место захоронения определено правильно, то, видимо, это он — Фёдор Александрович Волков, 20-летний лейтенант, погибший в боях за освобождение любимого им Ленинграда.

После гибели Феди мать стала чахнуть на глазах. В семье к этому времени уже были тяжкие потери, но эту — смерть младшенького сынка, — она не смогла перенести. Стала болеть, часто ей мерещился свист за окном, она подхватывалась, выглядывала… Ждала! Ведь так насвистывал именно Федя. Наделённый многими талантами, он был лишён единственного родового — не имел хорошего голоса. Потому петь стеснялся, но научился красиво свистеть. И, возвращаясь вечерами домой, всегда насвистывал. А мать слышала издалека: «Федя идёт!»… Не прошло и года, как мать умерла — в 1944 году. Было ей, Фёкле Денисовне Волковой, в девичестве Котляровой, 65 лет.

Лето перед Залужным

Да, впереди — война. Но в 1938 году матери и отцу Волковым кажется, что все испытания позади. Жизнь налаживается. У старших дочерей хорошие семьи, растут дети. Денис уже офицер, Федя — лучший ученик в школе. Аня — юная выпускница педагогического техникума, готовится к своему первому учебному году, к своему первому классу. Но пока ещё в разгаре лето, и ей так хочется поехать в родную Бутурлиновку. Там — подружки, которые обязательно должны увидеть её учительницей! Там — сестра Мария и любимые маленькие племянники… Она очень любила приезжать сюда. И теперь, счастливая, весёлая, она едет провести лето в свой родной дом.

Сестра Мария и её муж Павел Нежельский обрадовались Ане, как всегда. Но на этот раз — особенно. Они собрались съездить в Ленинград, купить кое-что из одежды себе и детям. У них у всех, как у семьи железнодорожника, бесплатный проезд в любой конец страны, почему бы не воспользоваться.

Старшего сына Серёжу, которому было девять лет, они брали с собой. А младших — Валю и Ваню, — оставляли с Аней. Валя уже ходила в школу, Ване исполнилось пять. Но не только дети — огород, куры, корова оставались на двадцатилетнюю девушку. Да, взрослую вроде бы. Но ведь она, младшая дочь в семье, росла ничего не ведая и не зная по домашнему хозяйству. На этих работах всегда обходились без неё: всё делали старшие сёстры, брат, родители. Она только убирала в доме. Но Мария сказала, как всегда командным тоном:

— Ничего, справишься, девка здоровая! Да и что там делать: огородик прополола, детей покормила и пустила гулять. Утром и вечером придёт тётка Маша — ты её знаешь, Пашина родственница, — подоит корову. А ты только сходишь днём к речке, на водопой, и подоишь корову там…

Пару дней поучила Аню доить корову — и уехали.

И начался для Ани ад кромешный! Рано утром вскочила, приготовила поесть, выгнала в стадо корову, накормила детей, и — на огород. Огород огромный, сорняки ползут прямо на глазах, спина от прополки болит… А тут прибежали дети — снова корми. Хорошо, что их иногда подкармливали родственники: они часто бегали во двор к своей тёте, старшей сестре Павла, играли там с двоюродными братьями…

Совершенно незаметно подходило время идти к реке на дойку. Брала Аня ведро и шла, дрожа от страха. Дело в том, что в стаде был бык — злой и бодливый. Аня его боялась до потери

сознания, тем более, что он однажды за ней гнался. Приходила она к реке заранее, садилась вдалеке на горке и ждала. Вот подходит стадо на водопой, и она издалека высматривает: где их Пеструшка, а где бык? Если видела, что далеко — шла к корове, доила, находясь всё время в тревоге и напряжении, вздрагивая, оглядываясь…

Так пролетало время. Ей приходилось трудно, но всё-таки справлялась. Ничто не предвещало ничего плохого. Трагедия разыгралась в день возвращения Нежельских.

Приехали Мария, Павел и Серёжа весёлые, с удачными покупками. Шум, гам, смех, рассказы, раздаривание подарков! Под вечер Аня, вздохнув облегчённо и вновь ощутив себя беззаботной гостьей, собралась на танцы и кино в городской сад — впервые за много дней. Серёжа, которому купили в Ленинграде красивый матросский костюм, стал проситься с ней.

— Пошли, — согласилась Аня. — Мне будет веселее, да и возвращаться по темноте не так страшно.

Когда они одевались-собирались, Аня увидела, что Мария, встревоженная, укладывает на кровать Ваню. У мальчика личико печальное, губки кривятся.

— Что случилось? — спросила Аня.

— Да вот, жалуется на животик, говорит — болит.

Животы у детей, бывало, и раньше болели.

— Ничего, полечим, — успокоила сынишку Мария.

Плохое предчувствие никого не охватывало.

Аня и Серёжа ушли. Веселились, смотрели кино. Правда, в кино Серёжа уснул — всё-таки он был с дороги. Но на обратном пути взбодрился, шёл весело. Было уже темно, на улицах тихо, во многих домах свет не горел. Ступили на свою улицу и издали увидели, что свой дом освещён.

— Гляди-ка, — сказала Аня. — Наши ещё не спят. Нас ждут.

И почти сразу услышали крик — женский, страшный, холодящий кровь. Ещё даже не думая, что крик имеет к ним прямое отношение, Аня замерла от ужаса, сердце на миг остановилось. Что? Где? У кого-то что-то случилось…

Такие были мысли. Они с Серёжей почти побежали к дому. И чем ближе — тем яснее становилось, что кричат именно там.

…Ваня лежал на полу, тихо дёргался, лицо и губы были синие. Мария лежала рядом, обнимала мальчика, кричала-выла, поскольку было ясно: ребёнок отходит, умирает… Прибежал Павел с женщиной-врачом, но та только беспомощно развела руками. Сказала: у мальчика скоротечная дизентерия, ничего уже не сделать…

Через несколько минут мальчик умер. В припадке горя Мария

обвинила младшую сестру в его смерти. Аня сама стала как неживая. Над маленьким мёртвым телом она не стала ничего говорить несчастной матери. Но она-то знала, что не виновата. Не было у мальчика никаких признаков болезни. Выглядел он все дни весёлым, живым, бегал, играл. Есть она ему, как и сестричке Вале, позволяла всё: пить молоко, грызть яблоки — как и раньше, при матери. И не жаловался Ваня ни на что! Может, у него и побаливал животик, может и был понос, но ей он ничего не говорил. А как самой заметить? Ведь в туалет ребятишки ходили даже не в будку в огороде, а где попало по кустам. Возможно, мальчик стеснялся своей молоденькой тёти, а была бы дома мать — и признался бы ей, и хватились бы раньше, в самом начале болезни…

Горько плакала Аня над телом бедного малыша: от жалости к нему и от жалости к себе — так несправедливо обвинённой в страшном проступке.

Вскоре после похорон она уехала. Тяжко было оставаться. Да и подходило время отправляться в Залужное — на место своей первой работы. Павел Нежельский провожал её, утешал, хотя сам был сильно угнетён смертью сынишки.

Поезд тронулся, стал набирать скорость, взошёл на горку. Отсюда как на ладони открывалась часть городка и близкий дом Нежельских — её, Ани, родной дом. Она стояла в коридоре, глядела в открытое окно. Рыдания сотрясали её плечи, слёзы текли по щекам. Люди смотрели сочувственно: может быть, девушка далеко уезжает, расстаётся с кем-то очень родным… А, может, обидели её… Кое-кто пытался утешить, говорил добрые слова. Но Аня никого не слышала. Уже Бутурлиновка давно скрылась из виду, ветер высушил слёзы, а она всё стояла у окна…

Молодая учительница

Две подружки, две выпускницы педагогического техникума Аня и Шура поехали с чемоданами по назначению: знакомиться, устраиваться.

Сначала — в Лиски. Ещё недавно это был большой пристанционный посёлок, но год назад, в 1937-м, был преобразован в город. Конечно, здесь крупная железнодорожная станция, узел, где расходятся линии и на запад — Воронеж, Саратов, и на юг — Харьков, Ростов-на-Дону. А другой посёлок — Залужное, который почти сливается с Лисками, — так и остался посёлком.

Девушки прошли через Лиски, по главной улице, и вышли прямо к Дону. Там — паром на Залужное. Чуть-чуть опоздали, паром только отъехал. Но не успели огорчиться, как подкатил на велосипеде молодой человек, соскочил, замахал руками. Паром вернулся, снова пристал, взял этого велосипедиста. И девушек заодно. Молодой человек тут же стал помогать паромщику тянуть канат. А на берегу вновь вскочил на свой велосипед и умчался…

Девушки пошли через луг, снова по улице уже посёлка Залужное, к школе. Всего-то километра три. Им, привычным в те времена повсюду ходить пешком, это было не расстояние.

Школа № 17, где придётся работать Ане, оказалась трёхэтажной, новой, ремонт уже закончен. Вечерело. На стук им открыла техничка — молодая, лет 25-ти девушка, сказала, что её зовут Мария, побежала за директором. Он пришёл. Оказалось — тот самый парень с велосипедом. В свои 24 года он уже был женат, имел сына, и вообще оказался очень серьёзным и ответственным человеком. На ночь устроил девушек в учительской на диване, прислал бельё, подушки.

Утром вместе, Аня и Шура, пошли дальше, к Шуриной школе. Шли километров 12 по песчаной дороге. Те места — Лиски, Залужное, — стоят на песках. Когда идут дожди, это очень хорошо: нет грязи, вода сразу уходит в песок. Но если сушь и особенно ветер — невыносимо: песок сечёт лицо, скрипит на зубах, забивается во все щели домов… Уже одна дорога расстроила Шуру! Ноги вязнут в песке, жара, устали быстро, нет никаких попуток… А когда она увидела школу — села и заплакала: одноэтажная завалюха, ремонт в разгаре. Но делать нечего…

Аня поселилась на квартире у технички Марии. В доме было две комнаты. Мария отправила братьев — семи и пятиклассника, — жить в комнату к матери, а сама с Аней заняла

другую комнату. Свой уголок — особенно кровать, Аня оформила уютно и со вкусом. У неё было красивое покрывало и коврик на стену, ажурные накидки на подушки. Когда к хозяйке приходили гости, мать Марии обязательно распахивала дверь в соседнюю комнату, как в музей. Показывала и с гордостью говорила:

— А вот здесь у нас живёт учительница, Анна Александровна!

И гости восхищённо охали, поскольку всё было красиво и непривычно, по-городскому. Сама хозяйка относилась к своей жилице-учительнице с трепетным уважением. Свою дочь Марию гоняла:

— Чтоб не собирала под окнами улицу! Анна Александровна будет заниматься, тетрадки проверять!

«Улицей» она называла компанию парней и девчат, которые каждый вечер собирались как раз у дома Марии — болтали, смеялись, пели песни. Был там и жених Марии, красивый парень Гриша. Пожениться, правда, они не успели — Гриша умер от сердечного приступа.

Но всё это будет позже, как и «проверка тетрадок» новой учительницей. А пока учебный год ещё не начался, «улица» продолжала собираться. Пришла однажды туда и Аня. Но перед этим она прошлась по селу — это было событие!

Во второй половине августа нужно было переписать всех учеников в селе: тех, кто пойдёт в первый класс. Её первый класс! Аня надела своё нарядное белое платье: шёлк с полотном в рубчик, расклешённое, на воротничке вышиты два листика — жёлтый и зелёный, — на пояске такие же два конца, жёлтый и зелёный. Надраила зубным порошком белые туфли-тенниски, надела очень модную широкополую белую панаму и пошла по селу. Юная — 20 лет! — худенькая, высокая, изящная…

По первой же улице за ней уже шла гурьба ребятишек. Забегали вперёд, трогали за руки, заговаривали, подсказывали: «Сюда не ходите, здесь детей нет. А вот здесь есть…» И шептались: «Учительница, красивая какая…» После этого похода в Залужном и даже в Лисках заговорили: «В залуженской школе новая учительница, молодая, красивая…»

Мария ещё раньше несколько раз, видя, что вечерами Аня скучает, звала:

— Пойдёмте, Анна Александровна, к нам на «улицу».

Но она отказывалась. А тут через пару дней после переписи детей гуляла по селу, у реки, вернулась к дому. Уже вечерело, Аня не вошла в дом, села на лавочку рядом. Подошла Мария и несколько девчат, подсели к ней, заговорили. Стала подходить ещё молодёжь, парни. Мария представила:

— Это наша учительница, Анна Александровна.

Подошли ещё двое парней — «городских», из Лисок. Один — Мариин жених Гриша, второй его друг, Василий Кочуков, литсотрудник районной газеты. Знакомясь, он сразу же сказал Ане:

— Как же было мне не приехать: в Лисках только и разговору, что в Залужном молодая красивая учительница появилась. Специально взглянуть на вас и прибыл.

С того вечера Аня и Василий стали встречаться.

Молодая учительница стала сенсацией не только для сельчан, но и для школы. Много лет там не обновлялся учительский состав, все друг к другу привыкли и даже немного надоели. А тут одна учительница разошлась с мужем, уехала. Вот на её место и прислали выпускницу педтехникума Аню Волкову. И она словно стала предвестником хороших перемен: как только начался учебный год, в школу направили ещё трёх молодых учителей — мужчин. Учитель русского языка и литературы Володя был, как специально, очень похож на Пушкина — маленький, смуглый, кудрявый. Физкультурник, тоже Владимир. Этот сразу стал увиваться вокруг Ани, очень навязчиво и настырно. Звал к себе домой, предлагал учить кататься на лыжах. Но Ане он не нравился, хотя на лыжах она с ним ходила. И третий, географ, Овсянников Семён Михайлович — высокий блондин, интеллигент. Он знал, что у Ани есть молодой человек, Василий Кочуков, но она ему всё-таки нравилась. Однако его знаки внимания были робкие и какие-то мальчишеские. Он, например, вышучивал её, на педсоветах писал весёлые записочки… Во время войны именно он, Овсянников, очень помог Ане при переезде в Бутурлиновку. Но это отдельная история.

Василий Кочуков

Василий был на два года старше Ани. Очень приятный и симпатичный парень: невысокий — слегка выше Ани, — коренастый, плечистый, светло-русый, сероглазый, с коротким носом — типично русское лицо. Остроумный, весёлый, доброжелательный. Образования журналистского у него не было — в районной газете стал работать по окончании школы. Но очень скоро уже был ведущим репортёром, писал интересно, живо, остроумно. Любил рассказывать Ане о своей работе: как ездит по району, встречается с людьми, какие бывают казусы, неожиданности и открытия.

В Залужном жил отец Василия, но он был женат второй раз, у них с мачехой — своих двое детей. Потому Василий с ними не жил, снимал квартиру в Лисках. Но когда они с Аней стали встречаться, и он задерживался допоздна, — ходил ночевать к отцу. А оттуда — сразу на работу.

Был Василий очень заботливым человеком. Однажды Аня не захотела идти с Марией, хозяйской дочерью, на базар, — сказала, что у неё болит голова. А сама легла в саду под яблоней читать книгу и яблоки грызть. Мария же на базаре встретила Василия, пожаловалась ему: Аня, мол, приболела. Так он сразу же примчался к ней, встревоженный, по пути купил конфет шоколадных. И они, смеясь, вместе их съели.

Часто Василий приходил к Ане в школу. Она помнит, как это произошло первый раз. Урок окончился, ребята побежали на переменку, распахнули двери — а он стоит напротив класса, у окна. Говорит:

— Как хорошо ты учишь детей! Я бы тоже очень хотел учиться у тебя.

Встречались Аня и Василий три месяца. Но даже не целовались. Только однажды был случай, когда парень позволил об этом попросить девушку. Они сидели вечером на лавочке у дома, а чуть в стороне Мария с Гришей — обнимаются, целуются. Василий и сказал, вроде бы шутя:

— А не последовать ли и нам их примеру?

— Не последовать, — ответила Аня.

Больше он подобных намёков не делал.

В ноябре 1938 года Василий уехал под Ленинград, в пограничное училище. Он давно мечтал стать офицером-пограничником, потому и поступил туда. Вечером, накануне отъезда на учёбу, он пришёл к Ане проститься. Нервничал, курил папиросу за папиросой. Аня забрала у него из пальцев окурок,

выбросила и сама поцеловала его — первый раз. Как потом оказалось — и последний…

Потом три года они переписывались. Василий за это время ни разу не приезжал домой — не отпускали. Осенью-зимой курсанты учились, весной-летом были в лагерях и на границе… Так Аня и Василий три года не виделись, но считали друг друга женихом и невестой.

О семье Василия Аня знала из его рассказов: отец, мачеха, замужняя сестра, братья уже от мачехи… Но сама его родных не видала в лицо, не встречалась. Однако они её знали. Однажды Аня в магазине покупала мясо. Отошла от прилавка, а знакомая женщина ей говорит:

— Ты ведь у своего свёкра мясо брала. Вот он тебе самый лучший кусок и отрубил.

Отец Василия работал рубщиком мяса. А то, что Аня и Василий «гуляли», что они — жених и невеста, — знал весь маленький посёлок Залужное. Там всё на виду. Знали даже ученики в школе. Одно время Аня подменяла школьного библиотекаря, выдавала ребятам книги. Братишка Василия, пятиклассник, когда подходила его очередь называть фамилию: «Кочуков» — густо краснел. Аня тоже смущалась. А стоящие рядом ребята толкали мальчика и шептали:

— Скажи, что вы письмо от Василия получили!..

В октябре 1941 года Василий должен был окончить пограничное училище, получить офицерское звание и назначение. Они оба ждали этого, поскольку планировали сразу пожениться. Аня готова была поехать туда, куда Василия пошлют служить. Наверняка учителя будут нужны и там… Но ничего этого так и не произошло. Началась война.

…В октябре 41-го Аню послали в Воронеж на курсы преподавателей физкультуры — учителя-мужчины ушли на фронт, некому было вести этот предмет у старшеклассников. Вернулась она в Лиски, а мать ей говорит:

— Приезжал Василий.

Аня кинулась в Залужное, к его отцу. Забежала по пути к своей бывшей хозяйке, а там Мария копается в огороде. Увидела Аню, бросилась к ней:

— Анечка, Вася приезжал, тебя искал, так переживал! У него всего два дня отпуска было! Уже уехал — на фронт…

У Ани закружилась голова, подкосились ноги.

— Ой, тебе плохо! — Мария подхватила её.

Да, Аня упала в обморок. А ведь казалось ей, что и не любит она особенно Василия…

В апреле 1945 года, где-то в Германии Василий Кочуков

пропал без вести. Накануне Победы, за считанные дни до долгожданного окончания войны!.. Больше ничего никогда Аня о нём не слыхала. Несколько раз, уже живя в Харькове, она писала родным и друзьям в Залужное и Лиски, спрашивала… Но нет, известий о Василии не было.

Предвоенные Лиски

Работая в Залужном, Аня старалась при любой возможности поехать в Новохопёрск. Вроде бы недалеко, но и не рядом. Очень она скучала по родителям и младшему брату. Самостоятельная жизнь хороша, однако всегда она жила в семье. Семейной обстановки, заботы родителей ей очень не хватало.

И мать с отцом тоже уже поговаривали: «Ведь не в своём дому, в чужой квартире живём. Так не всё равно, где её снимать — тут ли, там…» А тут ещё в какой-то момент прицепилась к Ане кожная болячка вроде экземы — сыпь на руках. Нужно было лечиться: париться, смазываться… У хозяйки Аня это делать стеснялась. Тут родители и решили окончательно: переезжаем в Залужное, вместе жить станем!

У них, у старших Волковых, первая мысль всегда была о детях, об их интересах. Ведь и когда дом свой продавали, не только обмануть Шарапку хотели. Это — уже вторично. Главная цель — не навредить детям, уберечь, спасти их! Если бы забрали дом под налоги, оформили бы Волковых официально как раскулачивание. А это — ссылка по этапу, репрессии к детям: «сын за отца…» Значит Денису — курсанту военного училища, — не стать офицером, Ане — студентке техникума, — не быть учителем, Феде — лучшему ученику в школе, — не иметь золотой медали, не пойти учиться дальше, в институт…

В Залужном Волковы быстро нашли себе хорошее жильё. Ведь их дочь, учительница, пользовалась в посёлке уважением и любовью. Родители одного из её учеников сдали родителям Анны Александровны и ей отдельную комнату с верандой. Стали жить вместе. Но появилась другая проблема. В Залужном работала только школа-восьмилетка, а Федя уже перешёл в 9-й класс. Он вынужден был начать ходить в городскую школу — в Лиски.

Всё бы ничего, если бы не река, Дон. Мост через неё далеко, а паром то опоздает, то сломается, то река разольётся, то лёд непрочный… Морока! А однажды Федя промок сильно в дороге, простудился, тяжело заболел. И вновь решили родители — надо перебираться в Лиски. Феде-то ещё целый год учиться. А у Ани как раз кончался положенный срок отработки после распределения — два года.

Первые уехали родители, подыскали квартиру в Лисках, перебрались вместе с Федей. А вскоре, после окончания учебного года, к ним присоединилась и дочь.

В новом учебном году, с сентября, Аня стала работать в той школе, которую только что, по весне, окончил Федя. Когда она

пошла туда устраиваться, директор школы полистал её документы, поднял глаза, спросил:

— Волкова Анна Александровна… А Волков Фёдор Александрович не родственник вам?

— Конечно, — ответила она. — Это мой младший брат.

— Ну, тогда и разговора нет! Будем вам рады. Я уверен: каков брат — такова и сестра, какова сестра — таков и брат.

Вот так Федя «составил» Ане протекцию. И потом часто, проходя по школьным коридорам, она слышала шепоток старшеклассников: «Федина сестра, сестра Волкова…». Да, в школе Федю все знали и помнили: умница, общественник, красивый парень…

С Василием Кочуковым Аня переписывалась постоянно, ждала его, планировала стать его женой. Но Василий далеко, а вокруг молодой девушки бурлила жизнь, у неё был большой круг знакомых и друзей. Самых разных…

Однажды она поехала в Воронеж на учительскую конференцию, там познакомилась и подружилась с молодой учительницей Еленой — тоже из Лисок, но из другой школы. Стали общаться, встречаться. А скоро Елена представила Ане своего молодого человека — офицера. Через несколько дней Елена и Николай — так того звали, — пригласили Аню погулять вечером в парке. На этой прогулке они и познакомили её с другом Николая, тоже офицером, старшим лейтенантом кавалерии Сергеем Глущенко. Сам себя он называл Серёгой, так представился Ане, так просил и звать себя.

Стали они встречаться, ходить в кино, на танцы. Серёга сам не танцевал, но поскольку Аня очень любила танцы, он просто стоял в стороне, ждал её, а потом провожал домой. Часто по пути он заводил её в станционный ресторан. Но спиртного там они не брали: чай со сладостями.

Василию в пограничное училище какие-то его друзья сообщили: Аня встречается с офицером. Он написал ей письмо: «Я понимаю, что тебе скучно, надо с кем-нибудь ходить в кино, на танцы. Я не сатрап какой-нибудь и не ревнивец Отелло. К тому же, я тебя хорошо знаю и доверяю. Если тебе с кем-то интересно — встречайся. Но всё-таки прошу тебя, Анечка, головы не теряй…»

А она и не теряла головы. Часто друзья гуляли именно вчетвером: Елена с Николаем и Аня с Серёгой. Однажды в парке, когда ребята пошли за мороженным а девушки сидели и ждали их, к ним на лавочку подсела молодая женщина. Она знала Лену, окликнула её и спросила:

— Я слышала, что Серёга стал гулять с молодой

учительницей, той, которая недавно работала в Залужном?

— Да, — ответила та.

— А ты её знаешь?

— Знаю.

— Так покажешь мне когда-нибудь?

— Ладно, покажу.

Женщина ушла, а девушки покатились со смеху. Ведь Аня сидела тут же и всё слышала. Потом пришли Сергей с Николаем, вручили девушкам мороженое, взяли их под руки и повели гулять по круговой аллее парка. А эта женщина как раз идёт им навстречу. Увидела, цепко оглядела, всё поняла и быстро-быстро, опустив голову, прошла мимо…

А через некоторое время одна учительница из Аниной школы увидела её с Сергеем. Учительница эта преподавала в кавалерийском полку, где тот служил, знала его. Остановила на следующий день Аню в школьном коридоре и говорит:

— Анечка, детка, не надо тебе с Глущенко встречаться, этот человек не для тебя.

Но Аня не вняла её совету. Она ведь встречалась с ним именно по дружески, не допуская никаких вольностей. А что эта учительница имела ввиду, она узнала позже, случайно. Оказывается, у закадычных друзей Сергея и Николая была общая любовница. Они распределили между собой дни и ходили к ней по очереди. Иногда даже встречались-сталкивались у её дверей: один выходил, а другой входил.

Впрочем, Аня и в самом деле не слушала ничьих мнений о своём друге, предпочитала иметь собственное. Ей Сергей нравился и казался порядочным человеком. По большому счёту, она не ошибалась в нём: по отношению к ней он всегда был сдержан, внимателен, благороден.

Сергей бывал у Ани дома, вёл себя по-свойски, не стеснялся. Мать, первый же раз увидев его, сказала дочери:

— Ой, смотри, Нюра, он жонатый!

— Да ну, мамо, откуда вы знаете?

— А я тебе кажу — жонатый!

Аня отмахнулась и забыла. А вскоре, когда вечером они шли по улице, разговаривали, и в разговоре наступила долгая пауза, Аня спросила:

— Что молчишь?

— А о чём тебе рассказать? — весело ответил он.

— Расскажи, как женился.

Была в то время такая популярная приговорка, Аня и произнесла её в шутку, без всякой задней мысли. Но Сергей оторопел:

— Откуда ты знаешь?

Тут уже Аня не растерялась, состроила загадочное выражение лица:

— Да уж знаю!

Он помолчал, потом ответил:

— Что ж, если интересуешься, расскажу…

У Сергея был друг, у друга — девушка. Молодые люди любили друг друга, собирались пожениться. Но родители этой девушки и родители Сергея сговорились поженить своих детей — обе семьи были зажиточными, давно дружили. Друг Сергея узнал об этом сговоре, обиделся на своего приятеля. Сергей тоже разозлился — он-то ни в чём не виноват! И назло дал согласие, женился на этой девушке. У них родился сын, но радости в их жизни не было. Наконец они откровенно признались, что не любят да и не любили друг друга. Мало того — жена Сергея продолжает любить того своего парня и тосковать о нём. Сергей знал, что его бывший друг так и не женился, и даже ни с кем не встречается. Значит тоскует по своей единственной… Тогда Сергей взял жену за руку, привёл к другу: «Если ты её ещё любишь — забирай!» Теперь те — муж и жена, а Сергей, бывая в том городе, останавливается у них на правах друга. Но сына он жене не отдал: мальчик живёт с его родителями. Теперь ему десять лет. И вообще, он, Сергей, старше Ани на десять лет…

Что было правда в его рассказе, что — выдумка и приукрашивание, — Аня не знает. Вообще-то Серега выдумщик был отменный. И вся эта история в чём-то смыкалась с другой — той, где у него с другом существовала общая любовница. Да и не очень Аню волновали любовные похождения кавалерийского лейтенанте — больших чувств у неё к нему не было. А время проводить в его компании — интересно.

Летом, на большом лугу перед Доном, кавалерийская часть устраивала праздники. Красивые, многолюдные, с выездом лошадей, гарцеванием, парадом, оркестром, продуктовыми палатками! Аню и Лену их кавалеры неизменно приглашали, угощали.

Ещё до начала войны Аня и Сергей перестали встречаться. Расстались мирно, просто так, по-дружески. В начале войны, когда родители уже уехали в Бутурлиновку, Аня ещё оставалась в Лисках с учениками. Ездили они в колхоз собирать урожай. Там Аня сильно подвернула ногу, не могла ходить, нога опухла. Её на телеге отвезли на станцию, оттуда — в Лиски. Вот тогда и пришёл к ней Сергей. Он в тому времени жил с одной женщиной — Аня знала, где и с кем, но это её не волновало. И вот — пришёл. Волновался, был серьёзен. Сказал:

— Немцы близко, вот-вот сдадим город, войдут сюда. Что ты будешь делать? Я ведь знаю, что ты тут одна, без родителей. А наша часть уходит пока что в резерв, в Среднюю Азию. Поехали со мной!

— В качестве кого же я поеду? — спросила она.

— Кого хочешь. Хочешь — женой. Сейчас не успеваем, а там, на месте, распишемся. — И добавил, вздохнув, правильно поняв её затянувшееся молчание: — Хочешь — сестрой. Там, на месте, устроишься и можешь жить независимо от меня. Я тебе во всём помогу. Посажу в вагон к жёнам офицеров, и поедем…

Но Аня отказалась.

— У меня есть родители. Я поеду к ним.

Тогда и в самом деле угроза сдачи города была очень реальна. Бомбили Лиски жестоко — ведь это был большой железнодорожный узел. Никто не знал, что всё-таки фашисты не войдут в город: летом 42-го будут остановлены у самого Залужного. Но Лиски очень пострадает от бомбёжек, а любимое Аней Залужное в ожесточённых боях будет почти полностью разрушено…

…После войны Сергей Глущенко вернулся в Лиски начальником танковой части, полковником. Часть эта была создана на основе прежней, кавалерийской. Разыскивал Аню, интересовался: где она и как?.. Это Ане рассказывали знакомые, когда, уже из Харькова, она приезжала в 1946 году хоронить отца в Борисоглебск, и заехала в Лиски. Самого Сергея она не видела, но слышала, что разъезжает он по городу в бричке на тройке белых лошадей. Кавалерийская натура берёт своё! Часто с ним рядом красивая женщина, вдова его погибшего на фронте друга…

Война. Путешествие из Лисок в Бутурлиновку

Весной 41-го года родители собрались переезжать жить к Денису на Дальний Восток. Тут-то ведь ютились в чужом углу, а там всё-таки сын! И он зовёт к себе мать с отцом. У него хорошая квартира, родилась маленькая дочь, а Денис и его жена Людмила работают. И родителям будет хорошо, и им помощь. Федя уже учится в Ленинграде, Аня давно самостоятельная…

Так и решили — едем! Всё лишнее было продано, вещи упакованы, сидели на узлах и ждали вызова с Дальнего Востока. А тут — война. И тогда родители сказали: раз так, надо ехать в Бутурлиновку, к Марии, в свой родной дом — туда, где всё своё, знакомое.

Мать с отцом уехали, Аня осталась в Лисках. Дважды мать приезжала за ней. Первый раз ещё летом — и сразу попала под бомбёжку. Бомбить город начали с первых же дней войны. Мать прибежала к дочери испуганная:

— Нюра, уезжаем!

Но Аня отказалась: школу ещё не эвакуировали, а уехать без справки об эвакуации — значит остаться без продуктового пайка. И только в ноябре, получив справку, она поехала в Бутурлиновку.

Пришла Аня на станцию в Лисках, зашла в здание вокзала. А там людей видимо-невидимо: не только на лавках — на полу сидят, лежат, кругом мешки, воздух спёртый. Все ждут поездов. Пристроилась она кое-как со своим чемоданом. Рядом — пожилой военный, рядовой. Они быстро подружились, стали помогать друг другу: выйти воды попить или в туалет — вещи оставляют под присмотр. И когда садились в эшелон, помог пропихнуть её чемодан в окно вагона. Аня налегке вскочила на подножку, и только когда поезд поехал, проводница открыла двери, впустила её.

Поезд доехал до Боброва — районный центр в Воронежской области и тоже большая станция, — и стал. Дальше не пускают: идут только воинские эшелоны. Высадили людей из вагонов, Аня тоже вышла. А на улице уже темно. Что делать, куда идти? Стоит она, растерянная, на перроне, и вдруг видит — Семён Овсянников идёт, учитель географии из Залужного! Она кинулась к нему просто счастливая — знакомый человек, коллега. И он тоже обрадовался встрече.

— Куда едешь? — спрашивает его Аня.

— Никуда. Я здесь работаю, дежурю от политуправления.

Узнав, что с ней произошло, приободрил:

— Не бойся, я тебя устрою.

Он ушёл ненадолго, разузнал, что один воинский эшелон рано утром пойдёт в сторону Бутурлиновки, до станции Таловая — это в 30 километрах от города, считай рядом. Надо было переночевать, и Овсянников повёл Аню на квартиру, где сам жил. Хозяйка напоила её чаем, накормила, отогрела. Легла она спать в его комнате, а он ушёл на ночное дежурство. Утром вернулся, разбудил, повёл к эшелону. Был при этом эшелоне специальный вагон-холодильник для перевозки грузов: длинный, заиндевелый, пустой внутри — ни лавок, ни сидений. В нём ехало несколько женщин-медсестёр и пожилой сержант, возвращавшийся в часть после госпиталя к офицеру, у которого служил ординарцем. С ними Аня и поехала.

Сидеть можно было только на своём чемодане. Одета она была тепло, а вот ноги — в лёгких туфельках, просунутых в резиновые ботики. Сержант увидел: девушка всё время перебирает ногами. Понял, что она мёрзнет.

— Я тебя, детка, сейчас согрею, — сказал.

И достал пару больших валенок:

— Вот, везу своему командиру. Надевай!

Дал тряпок на портянки, сам обмотал ей ноги. Аня обула валенки — как в печку попала! А иначе отморозила бы ноги начисто — ехали ведь много часов…

В Таловой отдала валенки, поблагодарила, распрощалась. Со слезами на глазах махала рукой вслед уходящему эшелону.

До Бутурлиновки добралась на попутках. Зашла в дом — отец, сестра Мария, муж её Павел обнимают её, радуются. Потом смотрят — следом за Аней никто не заходит.

— А где же мама? — спрашивает Мария.

— Как, мама? — удивилась Аня. — Она не приезжала.

— Да нет, поехала за тобой!

В пути, оказывается, дочь и мать разминулись. Вернулась мать через три дня после Ани. И тоже добиралась из Лисок в Бутурлиновку не просто, с интересными приключениями.

Была договорённость о том, что Аня, получив справку об эвакуации, приедет в Бутурлиновку сама. И мать не собиралась вторично за ней. Но всё произошло случайно, спонтанно. Сестра зятя — Павла Нежельского, — шла на станцию мимо дома Волковых. Увидела во дворе мать, крикнула:

— Сваха, твоя Нюра приехала?

— Нет ещё.

— Так едем со мной, — позвала та. — Я в Боровую.

Боровая — станция недалеко от Лисок. И мать подхватилась,

за полчаса собралась, и вместе со свахой Клавкой двинулась к вокзалу. В ту сторону приехали легко. Клавдия сошла раньше в Боровой, мать дальше, в Лисках. Пришла к дочери на квартиру, а там — пустой дом. Хозяйка сказала, что Клава и Зоя — учительницы, с которыми Аня снимала квартиру, — ушли на фронт, а Аня только-только уехала. Мать — вновь на станцию. Да не тут-то было! В сторону Бутурлиновки, до станции Таловая, пропускают только воинские эшелоны. А гражданские составы неизвестно когда пойдут.

Мать бросилась туда, сюда, расспрашивает людей — всё напрасно. Увидела на одном из путей воинский эшелон, села на его открытую платформу, сидит, ждёт… Идут мимо железнодорожники.

— Ты чего, бабушка?

— Да вот, люди сказали, что этот поезд поедет в Таловую.

— Поедет-то поедет, но не сегодня, а, может, и не завтра. Беги скорее вон на тот путь, там эшелон скоро тронется. Найди начальника поезда, попросись…

Она и побежала. У эшелона увидела группу военных. Бросилась к ним, спрашивает:

— Ребятки, нет ли тут начальника поезда?

Вышел один — молодой, симпатичный, весёлый, в лётном бушлате:

— А зачем вам? Считайте, я начальник!

И по сапогам перчатками похлопывает.

— Сыночек, — стала просить мать, — мне бы доехать до Таловой! Приехала сюда за дочкой, а она уже уехала. Разминулись. Вот я тут и застряла. Помоги…

— А что, — говорит этот офицер. — Пойдёмте, устрою. — Немного подумал, предложил: — Могу посадить в вагон с беженцами-евреями. Но их там очень много, вагон битком набит, дух тяжёлый. Вы сами не захотите там ехать… Нет, я вас в другое место пристрою.

И посадил он мать на платформу, где везли грузовые машины — прямо в кабину одной машины. Мягко, удобно. А чтобы ещё и тепло было, принёс разного тёплого тряпья, укутал старушку.

Буквально через несколько минут эшелон тронулся. Едет мать, радуется, думает: «Что за чудесный парень! Какие ж люди хорошие бывают…»

Эшелон идёт медленно, тормозит буквально через три-пять километров, подолгу стоит. На одной из остановок прибежал «начальник поезда», притащил в котелке еду, чайку горячего.

— Как же тебя зовут, сынок? — спрашивает мать.

— Шурка, — смеётся он.

— Ох, и душевный ты парень, Шура!

Едет мать. На ночь перешла в вагон к беженцам. Но прав оказался офицер Шура: тяжко там, людей очень много, больные, дети, по нужде тоже там, в вагоне, ходят, чесночный дух стоит… Еле дождалась утра, сбежала в «свою» машину. Вновь удобно устроилась в кабине.

Вот поезд тормозит в Боровой, а там по перрону ходит Клавка, уехать не может. Мать увидела её, кричит:

— Клавко, Клавко! Иди сюда!

Та оглядывается, никак не может понять откуда голос свахи раздаётся. Увидела, ахнула… Приходит лейтенант Шура, а их в кабине уже двое. Мать объясняет что к чему, а он смеётся:

— Едте! Вам же веселее. А я вас обрадую: мы не в Таловой разгружаться будем, а поедем прямо к вам, в Бутурлиновку. Там наш аэродром будет квартироваться.

Мать обрадовалась, что сможет отблагодарить парня. Стала приглашать:

— Ты ж приходи к нам, Шура! Тебе каждый покажет, где изба Волковых. С дочкой тебя познакомлю — с той, за которой ездила да разминулась. Она у меня умная, учительница. И не замужем…

Доехали, распрощались. Шура сказал, что обязательно придёт.

Пошла мать домой, уже был вечер, темно. На улице, недалеко от дома, слышит — навстречу идут двое, разговаривают. Узнала голос дочери. Окликнула:

— Нюра!

Аня бросилась к ней, обняла.

— А ты куда? — спрашивает мать.

— Да в кино, в клуб.

— Ну иди.

И Аня пошла. Потом до старости, вспоминая эту встречу, упрекала себя: почему не вернулась с матерью домой! Ведь та из-за неё ездила, с таким трудом добиралась. А она ушла себе в кино с каким-то офицером, который ей и не нравился, и не нужен был вовсе… Молодость!

Саша Лунёв

Мать, конечно, всем рассказала в подробностях о своём возвращении из Лисок в Бутурлиновку, о своём спасителе лейтенанте Шуре. Все уши прожужжала: красивый, добрый! Обязательно придёт к ним!.. Но проходит неделя, другая, а он всё не идёт. Решили домашние — уже и не придёт вовсе. И вот однажды под вечер в дверь постучали. Вся семья за столом сидела. Удивились: стучать было не принято — толкни дверь и входи. Крикнули:

— Та заходите!

Дверь приоткрылась, кто-то весело спросил:

— Можно будет?

И вошёл — в самом деле красивый, высокий, улыбчивый. Оказывается, все эти две недели он их искал — мать-то точный адрес впопыхах не назвала. Так он по всему городку прошёлся, начиная с другого конца: фамилия Волковых в Бутурлиновке довольно-таки популярная. А нашёл их совсем близко от своего аэродрома. Дом Волковых ведь рядом с вокзалом, а сразу за вокзалом — склады, где эшелон разгрузился, а ещё чуть дальше — аэродром. И Павла — мужа Марии, — Александр уже, оказывается, знал: тот, вместе с другими железнодорожниками помогал разгружать технику.

Аня стала называть лейтенанта Сашей.

— Что ещё за «Шура»? — пожала плечами. — Саша — так я буду звать тебя.

Так и пошло: все у Волковых вслед за ней стали называть его так. Даже потом, в Харькове, его мать и братья тоже стали звать его так.

В тот первый вечер, когда он к ним пришёл, попросил умыться. Аня стала ему поливать воду. Александр разделся по пояс и, красуясь, поигрывал могучими бицепсами. Аня о таком и не слыхала никогда, не то, чтобы видала. Даже испугалась: «Ой, какой нервный!»

Жил лейтенант Шура — Александр Лунёв, — вместе с офицерами в другом конце города, в общежитии: их туда с аэродрома машинами возили. Но это было далеко, а дом Волковых — рядом. И там всегда ему рады, как родному, всегда вода горячая умыться, еды вдоволь. Тогда, в конце 41-го, был ещё достаток, да и Клавка-сваха в магазине работала — прибежит, принесёт чего-нибудь, а то и выпить… И зачастил Александр к ним, да и ночевать часто оставался. В одной комнате спали хозяева — Мария с Павлом и маленькой новорожденной дочерью,

в другой — мать с отцом, Аня с племянницей Валей, а на полу — Саша с Сергеем.

Серёже Нежельскому уже исполнилось 14 лет. Для него Александр был кумиром. Взрослый, военный, на все руки мастер: был Лунёв механиком на аэродроме, но отлично знал не только самолёты — любую машину. Часто подъезжал к дому на машинах разных марок. А однажды приехал на тракторе. Поставил тарахтящий агрегат у окна и сказал Ане:

— Это я специально, чтобы вы поглядели — где я жил до войны и жить буду после. В Харькове, где эти трактора делают. Как раз рядом со знаменитым заводом ХТЗ.

И точно, на тракторе были написаны эти три буквы — «ХТЗ». Смотрела Аня, и не знала ещё, что вся её дальнейшая жизнь будет связана с Харьковским тракторным заводом…

Однажды Серёжа прибежал из города и с заговорщеским видом стал крутиться около Ани. Улучил момент, когда около неё никого не было, и шепнул:

— Сашку видел, он тебе привет велел передать!

Аня сильно покраснела, почувствовала себя взволнованной. До этого момента она не думала о Лунёве, как о кавалере. Все, в том числе и она, считали, что Саша ходит навещать мать, что он её гость. Он с ними встречал Новый год — 1942-й. Родители и Нежельские, уставшие, рано легли спать, и Аня с Сашей просидели всю новогоднюю ночь, до утра, одни — разговаривали. Но и тогда не возникло у Ани чувства их особой связи. А вот шепнул племянник: «Привет от Сашки», и сердце у неё забилось по-особенному.

А через несколько дней, когда Александр, гостивший у них, собрался уходить, мать сказала:

— Нюра, проводи.

До сих пор она сама его провожала до калитки, а тут что-то занемогла. А, может, притворилась…

Аня набросила на халатик платок, вышла на крыльцо.

— Что ж, ты и с крыльца не сведёшь? — спросил он насмешливо.

Сошла. Стали у окна. Тут он взял её за плечи, притянул и поцеловал. Она оттолкнула его:

— Вот ещё!

И ушла. Некоторое время Лунёв не приходил. Аня успела пересердиться на него: «Ну, поцеловал парень, что тут такого!..» Даже досадовала — то ли на него, то ли на себя. Но Александр, конечно же, пришёл — Волковы были ему уже как родные. Уходя, уже сам попросил Аню:

— Проводи.

Стоял на крыльце, нервничал:

— Не сердись…

— Да я и не сержусь.

— Ну конечно, — скривил он губы, — я ведь кто — работяга. А ты своего корреспондента ждёшь…

Аня, конечно, рассказывала ему о Кочукове и о том, что Василий пишет ей с фронта.

Именно после этого возвращения Сашки и второго провожания на крыльцо, они стали встречаться по-настоящему, не только дома у Волковых. Гуляли, ходили в кино. Матери Александр очень нравился, а вот отцу — нет. Отец относился к нему настороженно и не раз говорил дочери:

— Красуется собой, любит себя очень. Смотри, Нюра…

Подросток Серёжа был просто влюблён в Александра. А Аня? Ведь был ещё Василий, она отвечала на его письма… Тогда она и сама не слишком разбиралась в своих чувствах. Гораздо позже, анализируя всё, поняла: настоящей любви не питала ни к тому, ни к другому…

Встречи с Александром продолжались три месяца — кстати, столько же, сколько она встречалась в 38-м году с Васей Кочуковым. А в феврале 42-го лётная часть, где служил Лунёв, передислоцировалась. Он уезжал.

В день отъезда Александра на улице мела сильнейшая пурга. Приближались 2 часа дня — час отбытия, а родители Аню не отпускали проводить.

— Что ты, заметёт! — качала головой мать. — Ничего, сам уедет. Если захочет, напишет. А нет — ничего! Вон, офицеров кругом много.

Племянница Валя в тот день приболела, лежала в постели. Аня тихонько подговорила её раскапризничаться и просить купить ей, прямо сейчас, немедленно, тот зонтик, о котором она давно мечтала. Валя просила и раньше купить ей красивый детский зонтик в магазине как раз около вокзала… Валя всё сделала как надо — очень артистично и натурально! Хныкала и даже расплакалась, не отставала до тех пор, пока родители не сказали:

— Ну ладно, Нюра, сходи, купи ей.

Впрочем, очень может быть, — родители догадались о сговоре тёти и племянницы, и решили: пусть уж идёт, провожает…

Аня надела Мариино длинное широкое пальто, Федин лётный тёплый шлем (этот шлем она потом проносила все военные суровые зимы), сверху набросила платок и пошла. Вернее, побежала, поскольку времени оставалось совсем немного.

У вагонов, по краю перрона, прохаживался Лунёв, нервничал, похлопывал перчатками о сапоги. Аня уже подошла близко, а он всё смотрел мимо, не узнавал. Тут она сбросила платок, он ахнул, бросился к ней. Она, смеясь, рассказала, как удалось вырваться. Они побежали в магазин, быстро купили зонтик. И там, за магазином, накрывшись её платком, прощались-целовались аж пока вагоны не дернулись, заскрежетали и потихоньку пошли… Александр быстро проговорил:

— Вернусь за тобой, если останешься здесь, с родителями. Уедешь от них в другой город — туда за тобой не поеду!

На ходу вскочил на подножку вагона, долго махал ей рукой…

Они переписывались всю войну. Один раз Александр приезжал — ехал мимо в командировку. Один раз прилетал на военном самолёте: он окончил курсы лётчиков и войну заканчивал уже лётчиком.

Василий тоже писал Ане письма с фронта. Как-то раз сестра Мария её спросила:

— Так за кого же ты выйдешь замуж?

— За того, кто приедет первым, — ответила она беспечно.

Война. В родном доме

Несколько лет назад, отдавая дом дочери Марии и её мужу Павлу, отец сказал:

— Одна у меня просьба: если придётся, примите нас с матерью обратно, в свой дом.

Слова оказались пророческими. Война собрала семью — тех, кто не разъехался по дальним краям, — под крышу родного дома, в Бутурлиновке. Нежельские были рады всем. Во-первых — война! Страшная навала, которую неизвестно как придётся пережить. Во-вторых, Мария была беременна, вот-вот должна родить. Сын Серёжа и дочь Валя уже подросли, и, впервые после смерти младшего Вани, Нежельские вновь решились на ребёнка. Ещё не знали, что родиться ему предстоит уже во время войны. Помощь родных очень кстати. Да и выживать трудное время вместе легче.

Муж Марии Павел работал на железной дороге, получал продуктовый паёк. Отец, конечно, сапожничал. Вот только сейчас, во время войны, он не шил сапоги, а впервые стал чинить обувь. Люди теперь мало покупали обнов, всё больше донашивали старое, отдавая в ремонт. Работы у Александра Степановича Волкова было много, а плату брал он не деньгами, а продуктами. Вот только у солдатских вдов — а их было несколько в округе, — не брал ничего, ремонтировал их обувку бесплатно.

У Ани тоже был железнодорожный продуктовый паёк. И не только потому, что она — учительница эвакуированной железнодорожной школы. Она и сама, приехав в Бутурлиновку, пошла работать на железную дорогу — в школе места сначала не нашлось. Взяли её экспедитором на мукомольный завод при ЖД. Но с каждым днём мужчин-работников становилось всё меньше и меньше, так что приходилось девушке быть и стрелочником, и сцепщиком вагонов. Вот этого — сцеплять и расцеплять вагоны, — она боялась больше всего! Всё лязгает, дёргается, того и гляди сплющит тебя между буферами! И «башмаки» — тормозные колодки, — подкладывать под колёса было страшно: могло выбить и проехаться по тебе. Но она, хоть и боялась, а всё это делала.

В конце 41-го года, в последних числах декабря у Нежельских родилась дочь. Аня уговорила Марию записать день рождение девочки январём 42-го.

— Ты её омолодишь на целый год, — убеждала она сестру. — А то из-за нескольких дней она всю жизнь будет считаться на год старше. Спросят: какого года рождения? Сорок первого! Месяц-то никто не спрашивает. А она, по сути, уже и не сорок первого…

Убедила. Уговорила Марию и Павла ещё в одном — назвать дочку Ларисой. Имя такое было в те годы вообще редким, а для сельского городка и вовсе экзотичным. Но Аня недавно прочитала книгу, где главную героиню звали красиво — Лариса. А называли, на её взгляд, ещё более красиво — Лора! Сначала Нежельские отказывались, но она и в этом их уговорила. Павел, правда, сомневался:

— Такое красивое имя… А вдруг девочка вырастет некрасивой?

Аня возмущалась:

— С чего бы ей быть некрасивой? Посмотрите на себя, на своих детей! Выдумали тоже!..

…Моя двоюродная сестра Лариса может быть и не писаная красавица, но была очень симпатичной девушкой: черноглазой, черноволосой, гордой — в мать. И стала очень интересной женщиной. Она давно уже живёт в Москве — её муж, офицер высокого ранга, много лет работал в генеральном штабе…

В январе 42-го года зарегистрировали рождение девочки Ларисы Нежельской. А в апреле, с четырёхмесячной Лорой на руках, Мария провожала Павла на фронт.

У Павла Нежельского, как и у всех работников железной дороги, была бронь, освобождающая его от фронта. Но он с этой бронью и года не сумел выжить. Молодой, чуть больше тридцати лет мужчина, сильный, здоровый, он просто стеснялся ходить по улице. Ему казалось — все смотрят на него с осуждением. А особенно, если встречал жён своих друзей-приятелей, которые почти все воевали, а некоторые уже были убиты.

Была ещё одна тайная причина для мук совести Павла. Младший его брат Степан, ещё в 41-м году, вскоре после отправки на фронт и первых боёв, сбежал из части, пробрался в Бутурлиновку и ночью явился к брату: помоги, спрячь! Рассказывал о своём страхе, об ужасах танковой атаки, о крови и смерти… Он прятался у Нежельских несколько дней в подвале. Но Мария боялась: скрывать дезертира было очень опасно! Павел тоже переживал, но иначе. Выдать брата ему и в голову не приходило, выход видел он в другом. Однажды собрал Степана в дорогу, вывел ночью из городка, сказал:

— Иди, Стёпа, на фронт. Воюй, смой позор с себя. Будет судьба — останешься жить, как человек. А предателем — всё равно жизни не будет.

Степан ушёл, но Павел о нём сведений не имел. И это тоже ложилось тяжестью на его душу: сам не воюет, да ещё и брат дезертир! Он добровольно пошёл в военкомат, отказался от брони. Как Мария плакала и ругала его:

— Другие на преступление идут, чтоб эту бронь добыть, а ты, дурак, законную имел! Трое детей у тебя!..

Павел утешал её, но был непреклонен. Аня хорошо помнит, как провожали его на вокзале всей семьёй, ведь любили его Волковы, как родного сына. Как подошли к воинскому эшелону — Мария заплакала, заголосила так, что всем стало страшно. Она словно чуяла, что больше мужа не увидит.

Так и случилось. Погиб Павел буквально через две недели, в одном из первых своих боёв, в пешей атаке, от вражеской пули, совсем недалеко от Бутурлиновки. Об этом рассказал семье гораздо позже один из земляков, попавших с Павлом в один полк.

А Мария так до конца жизни и не простила мужу этот добровольный уход на фронт. Не простила эту его смерть, считая, что Павел предал её и детей. Даже говорила Ане много лет спустя: «А я его и не любила». Но нет, это было не так. Просто запеклась в сердце Марии, стала тяжким камнем обида, которую она бессознательно переносила на прежние давние чувства. Аня-то помнила, как жили Нежельские до войны, какая между ними была любовь…

Переживал Павел о судьбе своего младшего брата, стыдился его дезертирства. И, по сути, спас душу молодого парня от вечного позора… Степан попал сначала к партизанам, воевал с ними. Потом влился с партизанами в одну из воинских частей, дошёл с боями до Германии и погиб там в конце войны, погиб как настоящий солдат.

Война. Бомбёжки

Через некоторое время Аня перешла работать в школу. Там возобновились занятия, нужны были учителя. Школа тоже была железнодорожная, так что продуктовый паёк у учительницы остался таким же, какой был и у экспедитора-сцепщика-стрелочника.

Плохо только, что школа располагалась недалеко от вокзала. Бутурлиновку начали бомбить позже, чем Лиски, но в 42-м году воздушные налёты уже велись в полную силу. Сейчас, в наше время, военными историками установлено, что Воронеж и Воронежская область получили столько авиоударов и бомб, как мало какой другой город Советского Союза… Семья Волковых тогда, в 42-м, этого не знала, но испытала этот кошмар на себе.

Особенно доставалось железнодорожной станции. К тому же за станцией ещё и располагался военный аэродром, налёты на который тоже шли один за другим.

Хорошо, что воздушную тревогу объявляли заранее. Тогда учителя распускали детей по домам — те успевали добегать. Но иногда бомбёжка начиналась внезапно, нужно было как-то спасаться. Аня укладывала своих учеников под парты. Перепуганные дети ныряли туда и затихали, как мышки, вжимаясь в пол. Они зажимали уши ладонями, потому что так свист и разрыв бомб слышался глуше, было чуть меньше страшно. Сама же учительница становилась в простенок между окном и дверью, белая от страха. Но всё же строго следила, чтоб никто головы не поднимал.

Однажды налёт фашистских самолётов застал Аню в открытом поле. Она днём, после уроков в школе, пошла проведать заболевшего ученика. Нужно было пройти окраиной города, вдоль поля к дальним домам. Стоял тёплый день поздней весны, переходящей в лето. Она шла в лёгком платье, с сумкой, полной школьных тетрадок, думала о чём-то приятном, совсем не военном. Она ведь с детства любила поле…

Но тут раздался вой, и появилось несколько бомбардировщиков. Аня была на пустой, совершенно открытой дороге одна. Она застыла на месте, словно заворожённая злой силой, двинуться не могла. Один из самолётов шёл медленнее и ниже других и вдруг стал стрелять. Свист, пыльные пулевые фонтанчики заплясали вокруг девушки…

Самолёты пролетели дальше, к городу. Только тут она очнулась, поняла, что стоит неподвижно, но цела и невредима. «Господи, пронесло…» — успела подумать, как увидела, что один

самолёт возвращается. Тот, который уже стрелял в неё, почему-то догадалась Аня. Вой нарастал, но теперь она уже бросилась бежать. Недалеко увидела небольшой кустарник — ей показалось, там будет безопаснее, она укроется…

И вновь пулевая строчка с непереносимым свистом прошила землю рядом, с боку! Огромный, страшный стервятник проскочил дальше, но девушка уже поняла: сейчас развернётся, вернётся, добьёт её со своей немецкой педантичностью! Она изо всех сил бежала к спасительному кустарнику, а «охотник» уже вновь летел к ней, своей цели… И вдруг она споткнулась, упала. Обхватила руками голову, вжимая лицо, всё тело в землю. «Не добежала, не добежала…» — билось в висках, сквозь грохот, свист…

Но вот всё стихло. Аня не сразу поверила, лежала ещё какое-то время. Потом поднялась: самолёта не было — он уходил, догоняя своих. Может, думал, что достал-таки смешную человеческую фигурку, а, может, просто надоело… Аня собирала рассыпанные, испачканные пылью тетрадки учеников, отряхивала грязное платье и плакала от унижения и бессильной злости. Да, она хорошо помнит: не оттого, что чудом в неё не угодили пули, а именно от чувства униженности — на неё охотились, как на какого-то зайца! А когда совсем поднялась, огляделась — застыла в ужасе. На месте кустарника, к которому она так стремилась, дымилась большая воронка! Именно туда угодил снаряд…

Дом Волковых-Нежельских тоже стоял близко от станции — через пустынные поля, на виду. При бомбёжке в самом доме оставаться было опасно. Уже несколько домов на их улице стояли разрушенные попавшими в них бомбами: трубы и печи, обсыпанные пеплом, обугленные остатки брёвен. Одна соседская семья погибла полностью от прямого попадания — кто видел, рассказывал жуткие вещи. Другие уцелели, потому что убежали. Люди, когда начинались бомбёжки, уходили в овраги, в степь, за железнодорожную насыпь. Волковы, всей семьёй, чуть только звучала сирена, бежали к карьеру. Там до войны добывали мел, и там же стоял дом их хороших друзей. Считалось, что в этом доме, под защитой карьерной стены, безопасно. Один отец с первых же бомбёжек заявил, что со своего двора никуда не уйдёт. Он вырыл в огороде себе окопчик и во время налётов прятался там.

Но не всегда и Волковы успевали убежать до начала налёта. Тогда — отец к себе в окопчик, а все — в дом. В один из таких моментов и приключилась история, которую Аня запомнила навсегда, со всеми её страшными подробностями.

Во время неожиданной бомбёжки Мария, держа на руках грудную Лору, стояла в углу, зажатая между стеной и шкафом-горкой. И вдруг Аня видит: сестра сползает по стене на пол, глаза

её закатываются, а руки разжимаются. Она успела подскочить и перехватить ребёнка. Вместе с матерью уложили Марию на кровать. У той и раньше побаливало сердце: бывало, хваталась рукой, садилась, пережидая боль, и всё проходило. Но на этот раз Марию скрутил настоящий приступ: сестра задыхалась, лицо синело, теряла сознание. Нужен был срочно врач. Ближайший медпункт — на станции. Но бомбёжка продолжается, и бомбят именно станцию.

Аня выскочила на улицу, как в ад кромешный. Вой авиабомб, взрывы, поднятая пыль — лето стояло жаркое, дождей давно не было. Но страх оттого, что сестра умирает, переборол всё. Она побежала через поле на станцию. Пока бежала, бомбёжка переместилась чуть дальше, к аэропорту — но это всё равно совсем рядом.

Вот и станция… То, что увидела девушка здесь, только-только после налёта, было настоящим ужасом. Развороченные рельсы, опрокинутые разбитые вагоны, горящие обломки, стелящийся дым. Один вагон всё ещё стоял на рельсах, но был без крыши и передней стены. Наверное, раньше в нём перевозили какие-то товары, потом прибили дощатые нары в два яруса, приспособили для людей. Эти люди — пассажиры, — до сих оставались там: груда мёртвых развороченных тел Да, самое страшное — люди, повсюду на этом вокзале. Убитые, разорванные на куски… Нога в ботинке, лежащая просто на земле, врезалась в память на всю жизнь… И живые, уцелевшие люди, бродившие среди этого хаоса в шоке…

Аня закричала бы, упала бы без чувств, убежала бы, закрыв глаза! Но нужно, нужно было найти врача! Там, дома, могла умереть сестра! И эта необходимость вела её через всё виденное к станционной пристройке — медпункту, уцелевшему после бомбёжки.

Медпункт был закрыт. Она стала стучать — никакого ответа. Но нет, не могла она повернуться и просто уйти. Уже, ни на что не надеясь, Аня продолжала стучать, потому что не знала, что делать. И — о, счастье! — за дверью послышалось движение и тихой голос спросил:

— Кто там, кто стучит?

Аня обрадовалась, стала быстро, громко объяснять, просить:

— Пойдёмте, скорее!

Не открывая двери, женщина-врач ответила:

— Пока бомбят, я никуда не пойду.

Небывалый гнев затмил тёмной пеленой глаза, затопил мозг. Со страшной силой Аня начала колотить, биться в двери и кричать:

— Вы трусы и негодяи! Вас надо расстрелять! Здесь на станции гибнут люди, здесь столько раненных! Вам нужно помогать им, а вы закрылись, как крысы! Выходите!

Перепуганные гневом девушки, врач и мужчина-фельдшер открыли двери, впустили её, стали оправдываться. Женщина прерывистым голосом повторяла:

— Там стояла машина, грузовик с детьми в кузове… Разлетелась на мелкие куски… Я видела…

Она смотрела на Аню не мигая, мотала головой:

— Нет, я не пойду, не могу!

Потом, немного придя в себя, дала девушке таблетки:

— Пусть сестра выпьет, а я приду попозже…

А у Ани после сильного нервного срыва наступила депрессия. Молча она взяла таблетки и, еле переставляя ноги, пошла. Но вновь идти через станцию не могла заставить себя. Побежала — через силу — в обход…

У Маргарет Митчелл в «Унесённых ветром» есть очень похожий эпизод. Скарлетт ходит по станции после артобстрела, видит опрокинутые телеги, убитых и раненных. И ей тоже нужно найти способ вывезти беременную Милли… Тогда в Америке тоже шла война — между Севером и Югом. Но, думается мне, то, что видела и пережила Аня Волкова в Великую Отечественную — посильнее книжных страстей Скарлетт О'Хара…

Когда Аня вернулась со станции домой, Марии, к счастью, уже стало легче. Приступ отпустил. Таблетки она выпила и пила их ещё какое-то время.

Бутурлиновку фашистам не сдали, Дон они перейти не смогли. Но были очень близко — артиллерийская канонада ежедневно сотрясала дома. И, как в каждом прифронтовом городе, здесь располагались военные штабы, работали госпитали, дислоцировались — обычно на короткое время, — разные военные части. Офицеров, как сказала однажды мать Ане, и в самом деле было много. Часто они квартировали в домах у местных жителей, ухаживали за девушками и молодыми женщинами. Отношения завязывались самые разные.

У Волковых квартирантов не было — своих полон дом. А по соседству жила со старушкой матерью молодая, незамужняя женщина Людмила, с которой Аня не то чтобы дружила, но по-соседски хорошо общалась. У Людмилы постоянно были квартиранты-офицеры. Одни уезжали дальше на фронт, в тыл, — их сменяли другие. И все становились любовниками Людмилы. Она и не скрывала это. Наоборот, пыталась научить уму-разуму двух беспечных подружек — Аню и Надю.

— Глупые вы, девчонки! Разве с мужиками дружить надо? Что

вы с этой дружбы имеете? Ну, в кино сводят вас, конфеты купят. Тоже мне, радость! Вот я и одета, и обута, и подарки мне, и пайки свои носят. И солдатиков пришлют дом отремонтировать, и угля привезут. Война ведь идёт, кто знает, что дальше будет. Надо брать всё, что можно, прямо сейчас!

— А вот если немцы сюда войдут, — насмешливо спросила Аня. — С их офицерами тоже жить будешь?

— А что ж, они тоже мужчины и красивых женщин любят, — ответила та цинично. Но потом испугалась злого блеска Аниных глаз — вдруг сообщит куда следует, время-то военное! И поправилась с нервным смешком: — Это я так, шучу. Я патриотка, только своим офицерикам даю.

Аня и её подруга Надя тоже имели друзей-офицеров. Война, бомбёжки, смерти, трудности… Но ведь всё это припало на их молодость! А молодость брала своё. Однако девушки со своими военными кавалерами именно дружили.

У Нади стоял на квартире офицер, грузин по национальности. Девушки с ним часто играли вместе в карты, ходили в клуб. Однажды в клубе к грузину подскочил молодой лейтенант с криком: «Лимончик! Жив!» Они обнимались, смеялись. Оказалось — служили раньше вместе, потом после боёв, ранений и госпиталей попали в разные части. И вот неожиданно встретились.

Этот лейтенант тоже стал приходить в их компанию, к Наде домой. Звали его Володя Жага, родом он был из Донецка. Засиживались у Нади допоздна, а потом Владимир шёл провожать Аню — ему было по пути, он жил ещё дальше, чем она. Стал бывать у Ани дома, подружился с её родными.

Очень нравился Ане этот симпатичный, весёлый, но и застенчивый парень. Нравился, как друг. А ещё у них было общее увлечение — оба очень любили читать. При штабе, где Владимир служил, имелась библиотека, и он стал носить девушкам книги. Аня помнит, как они с Надей читали «Графа Монте Кристо»: книга была такой порванной, что девушки читали её одновременно, передавая друг другу разные части.

Однажды Мария пожаловалась, что корову уже нечем кормить — ещё зима, а сено кончилось. Володя присутствовал при этом разговоре. И назавтра он привёз к дому целый воз сена. Все были рады, благодарили его. Аня вышла на крыльцо провожать. Тоже сказала:

— Спасибо тебе.

А он:

— Я думал, ты меня по-другому отблагодаришь…

— Отблагодарю, — кивнула она. — Подожди здесь.

И убежала в дом. Она, конечно, поняла, что парень имеет ввиду. Но решила сделать другое. Она вспомнила, что Володя недавно жаловался: ему по службе приходится много писать, и уже не на чем. Взяла несколько общих тетрадок, вынесла ему.

— Вот, возьми!

Он был разочарован:

— Я думал — поцелуешь…

Аня мысленно усмехнулась: «Ещё спрашивает! Давно взял бы и поцеловал!» Но в ответ фыркнула, вскинула голову:

— Чего захотел!

И убежала в дом.

Три месяца — роковое число! — продолжалась дружба Ани и Владимира. Собирались у Нади, ходили в кино, в клуб, гуляли по улицам, обсуждали прочитанные книги… Весной Володя подскакал на лошади к дому Волковых, постучал в окно:

— Нашу часть срочно отзывают на фронт… Где Аня?

Отец сказал растерянно:

— Так, наверное, у Нади…

Владимир тепло простился с родителями, Марией и детьми, ускакал. К Наде он не поехал — видимо, времени было в обрез, не успевал. Так Аня и не попрощалась с Володей. Никогда его больше не видела, ничего о нём не слыхала.

Замужество

Война окончилась для семьи тяжёлыми потерями. Мария и Галя остались вдовами, их малые дети — сиротами. Погиб Федя. Умерла в 44-м году мать. Отец сильно сдал, часто болел. Ему тяжело было оставаться в родном доме без жены — пусто. Он поехал в Борисоглебск, навестить старшую дочь Дарью и внуков. Даша, видя состояние отца, уговорила его остаться, пожить с ними. У них в доме был относительный достаток, ребята уже большие, помощники — за отцом будет хороший присмотр…

Летом 45-го, после Победы, пришла на имя Анны Волковой телеграмма: «Болен, приезжай. Александр». Она испугалась, подумала, что плохо с отцом и он зовёт её в Борисоглебск. Но потом пригляделась — телеграмма отправлена из Харькова. Догадалась — от Лунёва.

Сестра Мария, прочитав телеграмму, сразу сказала:

— Врёт он, Нюра. Не езди, пусть сам за тобой приедет. Приедет, вот увидишь!

Аня и сама даже не думала ехать — с чего бы вдруг! Парень должен приезжать за девушкой, а не наоборот.

С того дня прошло две недели. Однажды утром Мария уже работала в огороде, полола грядки, дети бегали, Аня убирала в доме. Все военные годы, которые она жила в Бутурлиновке, и позже в её обязанности входило мыть, натирать щёткой и щёлочью деревянные полы, деревянные стены. И сейчас она именно этим занималась. Ставни на окнах были распахнуты только в сторону улицы. Со стороны вокзала по утрам светило сильное солнце, эти ставни открывались позже, и тогда хорошо было видно, как приезжали поезда, кто из них сходил… А в то утро Аня не увидела, как прошли по улице пассажиры с чемоданами. Но почему-то вдруг подумала совершенно уверенно: сегодня приехал Сашка!

И тут же вдоль закрытых окон прозвучали шаги, раздался стук в дверь, и знакомый голос весело произнёс такое привычное:

— Можно будет?

Дверь, по обыкновению, была открыта, Александр это знал, потому вошёл, не дожидаясь ответа. В лётной форме, шикарной фуражке с кокардой, красивый… Потом его мать рассказала Ане, что эту фуражку он специально заказал перед поездкой к ней — жених!

Стали Аня и Александр перед зеркалом — красивая пара! Рядом, на полочке, лежал старый тупой перочинный ножик. Сашка вдруг взял его, одной рукой обнял Аню за плечи, другую, с

ножиком, приставил к её груди:

— Если виновата, не сохранила себя — вот так!

И сделал движение, словно закалывает её. Аня спокойно отвела ножик рукой и сказала:

— Не понадобится!

Вроде бы пошутил Лунёв. Но, как выяснилось позже, ему была свойственна обострённая боязнь быть обманутым и от этого выглядеть смешным. И особенно — обострённое чувство недоверия к женщине. До войны он был влюблён и собирался жениться на одной девушке, очень славной и симпатичной. Звали её Лариса. Александр дружил с ней с детства: жили в одном подъезде, бегали в один класс. Как только с верхнего этажа по ступенькам стучали её туфельки — Саша выбегал навстречу из своей квартиры с портфелем… Но во время войны семья Ларисы не успела эвакуироваться, оставалась в оккупации. Узнав об этом, Лунёв сказал презрительно о своей подруге детства: «Была под немцем!» Причём, была ли Лариса в самом деле виновна или нет, его не интересовало. Просто она для него уже не существовала… Эту историю Аня позже узнала от его родных, да и сам он не скрывал, рассказывал.

…Наступила первая Анина брачная ночь. Мария постелила им вместе: раз он приехал за ней, значит — чего уж там… Александр разделся, лёг, свет был потушен. Аня тоже стала раздеваться, подошла в темноте к иконе, висевшей в углу, стала неумело креститься и шептать:

— Пусть у меня всё будет, как у всех женщин…

Она очень смутно представляла, что сейчас произойдёт, и очень боялась — вдруг у неё окажется что-то не так. Такая наивность! А ведь ей было уже 27 лет…

Утром весёлые, счастливые, Аня и Саша пошли в город, чтобы зарегистрироваться в ЗАГСе. Дорога от станции длинная, пустынная, а им того и надо. То обнимутся, то побегут друг за другом, смеясь… Вернулись, сказали Марии:

— Мы уже муж и жена!

Настоящей свадьбы со всеми её атрибутами не гуляли. Просто собрали быстро друзей, родственников, отметили событие. Вспомнили погибшего Павла — Александр ведь дружил с ним. Он сказал Марии:

— Мы тебе будем помогать детей растить.

Соседи знали, что в доме Волковых отмечают Анино замужество. Несколько человек заглянули, поздравили её. Зашла и старушка, мать Людмилы. Аня спросила:

— А где же Люда? Пусть придёт.

Но та только рукой махнула, сказала огорчённо:

— Нет, не придёт она. Плачет, злится, кричит: «Почему к Аньке после войны вернулся жених, а ко мне — хоть бы один из всех!» Гуляла, никому не отказывала, а ни один не захотел в жёны взять…

На другой день Аня собрала чемоданы, и молодожёны пошли на станцию. Их провожали Мария, дети, ещё несколько родственников. На вокзале, пока ожидали поезда, ходили по перрону. И вдруг Аню окликнули:

— Анна Александровна!

Два молодых офицера-фронтовика — красавцы, при орденах, — махали ей руками. Она узнала одноклассников Феди. Сказала мужу:

— Подожди, я поговорю с ребятами.

Подошла, взяла их под руки, пошли по перрону. Они только приехали, ещё не знали о гибели Феди — Аня рассказала. Повздыхали: «Что ж поделаешь…» Эти молодые люди, почти мальчики, знали, что такое терять друзей. Не то, чтобы привыкли, а просто принимали неизбежность… Спросили об Александре:

— Кто он вам? Фронтовик?

— Муж. Да, воевал всю войну.

Покивали головами:

— Хороший парень.

Тот и правда был хорош: в лётной форме, высокий, симпатичный…

Ещё когда шли к вокзалу, дорогу им дважды перебегали чёрные кошки. Аня и Саша смеялись: «Билетов, что ли, не достанем?» Нет, билеты были куплены легко. И они поехали в Харьков.

Да, Аня смеялась над чёрными кошками — она была не суеверна. Но вот два своих сна, связанные с Александром, хорошо запомнила. Ещё и потому, что привиделись они так ясно, подробно, как бывает редко. Первый она увидела ещё тогда, когда Сашка ходил к ним в дом — «к маме». Снился Ане большой паук в углу комнаты. Он запутал её паутиной, подбирается. А ей вовсе не страшно… Сестра Мария этот сон сразу растолковала: «Да то Сашка под тебя подбирается!»

Второй приснился ей незадолго до замужества. Вышла вроде бы она в сени с вёдрами, идти по воду. Слышит — на чердаке шум сильный. Подняла взгляд, а по приставной лестнице оттуда спускается медведь. И тоже ей почему-то нисколько не страшно. А медведь и говорит: «Дай-ка помогу!» Забрал вёдра, пошёл к колодцу, воды набрал и возвращается в дом. Аня идёт сзади, смотрит — вёдра-то пустые… Позже она сама растолковала этот сон: жизнь в первом замужестве оказалась пустой.

Харьков. Лунёвы

В Харьков поезд пришёл поздно вечером. Аня и Александр вышли на станции, которая называлась Лосево. В наше время — это всего лишь небольшая платформа для пригородных поездов. До войны и первые годы после здесь, как раз рядом с Харьковским тракторным заводом и заводским районом, действовала большая станция Лосево — с вокзалом, с узловой развязкой для поездов дальнего следования.

Шли молодожёны по ночному рабочему посёлку, с чемоданами, мимо двух шестиэтажных домов, стоящих друг напротив друга. Дома были длинные, и Аня мимоходом с любопытством смотрела в светящиеся окна. А там — убогая обстановка: табуретки, голые лампочки, какие-то тряпичные коврики на стенах… Не удержалась, сказала мужу:

— А ты говорил — Харьков, Харьков! У нас люди лучше живут, культурнее.

Он немного обиделся, объяснил:

— Да ведь это рабочее общежитие. Тут, конечно, бедно, да и живут приезжие из сёл. Мы с тобой будем жить по-другому.

Потом они пошли мимо другого, тоже шестиэтажного, но совсем иного дома. Он поразил Аню своей огромностью, необычной конфигурацией, величественными арками. Очень понравился. И Александр с гордостью рассказал ей местную легенду.

— Когда строили наш район для рабочих завода, решили поставить три дома — каждый в виде букв: «Х», «Т» и «З». Чтоб сверху, когда будут пролетать самолёты, было сразу ясно: здесь находится самый большой в стране Харьковский тракторный завод — ХТЗ! Начали с буквы «З», так было удобнее. Вот этот дом, — мы тут все называем его «Двадцатый», по его номеру, — и есть буква «З». Остальные построить не успели, началась война. Видишь, какой красивый, грандиозный! А ты говоришь…

Дальше пошёл ряд стандартных пятиэтажных домов. Ясно было, что здесь обитают люди другого уровня: на окнах красивые занавески, а иногда даже ажурные шторы, лампочки с абажурами… К одному из этих домов Александр и привёл Аню. Поднялись на второй этаж. Из-за дверной щели пробивался свет, в квартире раздавались громкие голоса, крик — там, похоже, ссорились. Аня с Сашей переглянулись.

— Не спят, — сказал он и постучал.

Тотчас там наступила тишина. Какая-то мгновенная суета, — и свет погас. Александр снова постучал — громко, уверенно.

Дверь открыла молодая женщина, провела в комнату, включила свет. Свекровь, мать Саши, лежала в постели с болезненным видом. Аня бросилась к ней, ласково тронула за плечи, готовая обнять:

— Мама, вы больны?

Совсем недавно потерявшая свою любимую, заботливую маму, она готова была полюбить эту женщину, как родную… Умирающим голосом та сказала:

— Нет, ничего, я сейчас встану…

И кряхтя начала подниматься, не ответив на Анино прикосновение ни объятием, ни приветствием. Так началась Анина жизнь в замужестве.

В семье Лунёвых было шестеро сыновей. Трое старших — Григорий, Николай и Александр, — воевали. Алексей был инвалидом. Василий и Пётр не вышли ещё из подросткового возраста, в армию не призывались. Когда фашисты подходили к Харькову, мать с тремя оставшимися при ней сыновьями эвакуировалась в своё родное село, недалеко от города. Но и это село тоже попало в оккупацию, и самого младшего, Петра, немцы угнали в Германию.

Мать жила с сыновьями одна. Отец бросил их, но к тому времени старшие парни уже работали. Отец был штукатуром-маляром и, когда ещё жил в семье, брал на работы с собой четырнадцатилетнего Александра. Потому Сашка и умел делать все эти работы. Мать же никогда не работала, была домохозяйкой.

Все парни Лунёвы увлекались спортом. Стадион завода ХТЗ находился очень близко и был для них вторым родным домом. Александр до войны боксировал, другие бегали, играли в футбол, поднимали штанги. Однажды один из братьев, Алексей, в то время двенадцатилетний мальчишка, ехал на футбол, прицепился к трамваю, упал, и ему отрезало ногу… В войну — редкий случай! — в семье Лунёвых уцелели все.

Квартира у Лунёвых была изолированная. Две комнаты: одна большая, вторая поменьше. В ней стояла высокая каменная голландская печь, которая отапливала всю квартиру. И, надо сказать, отапливала отлично. Эта вторая комната служила одновременно и кухней. Эти дома — тридцатых лет постройки, — стоят и сейчас, в них живут люди. Правда, квартиры давно перепланировали. Появилось центральное отопление — голландские печи разобрались, комната стала больше. Когда провели газ и поставили газовые плиты, люди выносили эти плиты в коридор. Получалась двухкомнатная квартира с кухней в коридоре. Но так делали гораздо позже. Сразу же после войны

квартира была такой, какой её застала Аня.

К приезду молодожёнов в квартире жили только мать и Татьяна — жена старшего брата Григория. Поженились они до войны, но после войны Григорий возвращаться к ней не торопился. Татьяна, работая на продуктовой базе, вела себя вольно, имела любовника, делала аборт. Григорию в армию об этом конечно писали. Пока Аня жила в семье, он так и не приезжал.

А вот через месяц после приезда Ани и Александра вернулся из Германии домой самый младший — Пётр. Когда его забрали туда на работы, мальчику было 14 лет. Служил он в батраках у какого-то немецкого фермера. О хозяине отзывался хорошо — тот его не обижал. Восхищался немецкой аккуратностью, порядком, деловитостью. Когда советские войска вошли в Германию, Пётр поехал на Родину. Добирался с трудом. Помогла ему одна еврейская семья, которая тоже возвращалась из Германии. Они приняли мальчика тоже за еврея: приютили, везли, кормили. А он и не опровергал: научился за годы на чужбине приспосабливаться.

Аня раньше думала, что Александр из Лунёвых самый красивый. Но увидела Петра и поняла, что нет. Этот мальчик, которому не было ещё и восемнадцати лет, уж очень был хорош. Высок, строен, смугл, черноволос, кудряв… Приехал Пётр оборванный, грязный, вшивый, с сильной перхотью в волосах. Вшей вывели, а перхоть не проходила. Тогда Аня взялась за него сама: несколько раз обрабатывала голову постным маслом — втирала в кожу перед мытьём. Справилась, перхоти не стало. Этот парнишка очень к ней привязался, любил её, всегда на её защиту становился, утешал.

Николай до войны тоже был женат на деревенской женщине. Она и жила там, в деревне, с их маленькой дочерью. Он постоянно присылал ей посылки с детскими вещами. Но мать эти посылки невестке не отсылала, оставляла у себя и складывала в «кучу». Эта «куча» вещей занимала часть большой комнаты. Состояла она, в основном, из посылок, присланных старшими сыновьями Григорием и Николаем из Германии. Чего там только не было!..

Однажды Аня с мужем собрались в центр города, в театр. У Ани были красивые вещи, которые она привезла с собой из Бутурлиновки — платья, туфли. А вот чулки уже поизносились. Тогда Александр весело сказал:

— Ничего, мы сейчас тебе найдём чулочки!

И полез в «кучу» — по многочисленным свёрткам и посылкам. Между прочим, показал Ане брусок тяжёлого жёлтого металла:

— Знаешь, что это? Ты такого, небось, и не видала!

Она и в самом деле не видала, пожала плечами.

— Это золото. Братья запаслись.

Нашёл и чулки, очень красивые, фильдеперсовые, с рисунком. Аня надела, полюбовалась на свои стройные ножки. Александр восхищённо поднял бровь, нагнулся, погладил, делая вид, что чулки:

— Ах, какие!..

Зашла мать. Глянула, поджала губы, хотела промолчать, но не выдержала, процедила сквозь зубы:

— Сам ни одной посылочки не прислал, а как из братниных посылок брать, то берёшь! Может, мне эти чулки ещё на кусок хлеба сменять придётся!

— Ладно, мать, не ворчи, — отмахнулся Александр. — Ты лучше скажи, что это?

И показал ей несколько детских вещей. Он наткнулся на них в «куче», когда искал чулки.

— Это же Николай своей дочери прислал? Ты почему их не отослала?

Он очень тогда рассердился на мать. А вскоре с братом Петром специально съездил в село, отвёз девочке все найденные вещи.

Тогда же, в вечер перед театром, он добавил Ане тут же, в присутствии матери:

— Ты, Аня, не обращай на неё внимание.

В тот раз Аня чулки не сняла, поехала в них. Была в нарядном платье и, чтобы не мять его, всю дорогу в автобусе не садилась, стояла, хотя муж и подсмеивался над ней. А вот чулки эти больше ни разу не надела, хотя Александр и повторил несколько раз:

— Ты их носи, не обращай на мать внимание.

Посылки мародёрские из Германии Александр и в самом деле не присылал. Брезговал. Ведь это были вещи, взятые из брошенных квартир, магазинов…

В нём, Сашке Лунёве, уживались словно бы два разных человека. Один — открытый, доброжелательный, весёлый и даже по-мальчишески озорной. Был такой случай — он сам со смехом рассказывал его Ане. До войны он работал шофёром, возил какого-то начальника. Но служебной машиной вовсю пользовались и жена, и дочь этого начальника, гоняли шофёра куда сами хотели. Однажды Александр повёз дочь и её жениха в театр. И такое зло его взяло: сидят сзади, милуются, как будто его вовсе тут нет, словно он — пустое место! Да ещё на служебной машине! Как буржуи какие-то… А шёл сильный дождь, прямо ливень. И тогда Сашка, не доезжая два квартала до театра,

заглушил мотор, вылез, поднял капот, покопался в моторе для виду и развёл руками:

— Всё, дальше не поедем, заглохли…

И пришлось его пассажирам в нарядных одеждах бежать к театру под дождём — ни плащей, ни зонтов они не взяли, думали, что их подвезут прямо ко входу…

Но вот уже при Ане произошёл ещё один случай, над которым Сашка тоже весело посмеялся, как над забавным происшествием. Только ей было не до смеха…

У Лунёвых за городом было «поле», где они посадили картошку. Такие поля имели многие горожане: послевоенный год был не сытный, картошка очень выручала. Как раз в начале осени урожай созрел, и Лунёвы вышли всей семьёй, накопали, сложили в кучу, накрыли брезентом. Назавтра должен был приехать Александр на грузовой машине и привезти картошку домой. Но вышла неразбериха: днём Пётр встретил товарища на грузовике, договорился — поехали, погрузили её и привезли. Александр же, не зная об этом, поздно вечером тоже поехал на поле. Было уже темно. Он видит — куча картошки, накрыта брезентом. Как у них. Погрузил её и привёз. Дома и выяснилось, что привёз он чужую картошку, с соседнего огорода. Ошибка вышла.

Они сидели за столом, ужинали, когда Александр вернулся с картошкой и когда выяснилось, что она — не их. Лунёвы развеселились — экое приятное недоразумение! Все стали смеяться, решили, всё происшедшее — к лучшему.

— Ну и хорошо, — сказала мать. — Нам больше будет.

— Вот они остолбенеют! — представил соседей Сашка. — Забавная история!

Аня не могла поверить своим ушам. Ничего себе «забавная история»! Не могла скрыть своего возмущения:

— Как же так! Люди сажали, растили, собирали, а вы увезли!

— Так ошиблись же, Анечка!

— Надо сказать людям, пусть приедут к вам, заберут свою картошку!

— Ничего, не переживай, — успокаивал её муж, смеясь. — Я этих соседей знаю, они не бедные, не умрут!

— Вот и получается, что это воровство! — бросила в сердцах Аня.

Резко поднялась и пошла из комнаты. Мать поджала губы, сказала ей вслед:

— Не ко двору ты нам. Слишком честная…

Нечто подобное она скажет немного позже, когда Аня уже будет работать. В квартире, в том углу, где громоздилась «куча» вещей, стоял большой рулон ватмана. Для выпуска стенгазеты

Аня взяла из него один лист. Мать сразу заметила, что рулон не так перевязан, спросила, кто трогал. Аня сказала, что она, объяснила для чего. Мать поджала губы:

— Так ты, значит, из тех, кто не в дом, а из дома…

Работа. «Туберкулёзница»

Итак, квартира, в которой теперь обитала и Аня, состояла из двух комнат. В меньшей жила Татьяна, отставная жена брата Григория. В большой — мать. Здесь же, в этой комнате, с матерью, стали ночевать и Александр с Аней, и приехавший вскоре Пётр. Конечно, логично было бы отдать молодожёнам вторую комнату, а Татьяне перейти к матери. Но не они распоряжались в этом доме.

Естественно, при подобном раскладе никакой интимной жизни у Ани с Сашей не было. Пётр, тот спал молодым крепким сном, но вот мать… Стоило лишь под молодожёнами скрипнуть кровати, как та тут же начинала ворочаться, постанывать, кхекать. Аня и Саша мгновенно замирали. Аня вообще практически столбенела — она просто боялась эту женщину. Муж сжимал её руку, чуть слышно шептал:

— Подождём, она скоро заснёт…

Но нет, мать чаще всего поднималась, садилась на своей постели… Так что, если и могли они улучить момент побыть наедине, то лишь днём, когда никого дома не бывало. А такое случалось очень редко.

Наверное, потому и не состоялась их семейная жизнь, не окрепла любовь, что не было между ними настоящей физической близости, радости обладания. А без истинной близости физической не возникла и близость духовная…

Вскоре поняла Аня, что совершила ошибку, поехав вообще с Александром в Харьков. Ведь он ещё не был демобилизован. Ему только дали двухмесячный отпуск, какой давали тогда многим офицерам вскоре после окончания войны. Лунёву необходимо было вернуться в свою часть, которая оставалась в Болгарии, в Софии. Только после этого решилось бы: служить ему дальше или демобилизовываться окончательно… Ане нужно было остаться в родном доме, ждать: или вызова в Софию, или ехать в Харьков уже вместе с мужем, которому не нужно было бы уезжать, оставлять её. Но тогда, сразу после замужества в Бутурлиновке, она об этом не думала. Она ехала в новую жизнь с любимым человеком. И не подозревала, что ждёт её в чуждой семье, в отсутствии мужа.

А у Александра окончился отпуск, и в октябре он собрался в свою часть, в столицу Болгарии Софию. Аня сказала ему:

— Я пойду работать.

— Как хочешь, — пожал он плечами. — Но это не обязательно. Я матери много денег оставил, хватит прожить до

моего возвращения.

Он обнял Аню, прижал к себе, добавил смешливо:

— Хотел тебе денег дать, да подумал: что ты с ними делать будешь? Зачем тебе самой на базар ходить, по магазинам толкаться. Пусть мать ведёт хозяйство. Так что можешь и не работать.

Но Аня не представляла: как это — не работать? А что же делать ей, молодой, здоровой, имеющей образование, когда и рук рабочих не хватает, и специалистов, и голодно, и столько калек после войны!.. Нет, она нашла себе работу сразу после отъезда мужа.

Сначала, конечно, хотела учительствовать в школе. Но в районе ХТЗ школы были украинские. А она никогда не преподавала на украинском языке. В доме её родителей говорили по-украински, брат Денис даже украинцем записался в паспорте, училась Аня несколько лет в украинской школе. Но это — одно, а преподавать — совсем другое. Учила она детей только в русских школах, по-русски. Потому и сейчас искала русскую школу.

А единственная такая находилась на Западном посёлке — окраине района. Да ещё располагалась за местным, знаменитым, недоброй славы Яром. Это был длинный овраг с крутыми склонами, заросшими густым, часто непроходимым кустарником. Внизу протекал ржавый широкий ручей: он брал своё начало из-под стены тракторного завода и, по всей видимости, нёс отходы производства. Этот Яр пересекали всего лишь три или четыре протоптанные тропы, через ручей в одном месте был сооружён дощатый узкий мостик, в других — набросаны камни. Страшные истории рассказывали о судьбах тех, кто рисковал ходить через Яр поздно вечером. Впрочем, даже если это были всего лишь легенды, по темноте ходить там и вправду было страшно.

Всё-таки Аня наведалась в эту школу. Длинное, одноэтажное, барачного типа здание, плохо одетые, измождённые, перенесшие оккупацию учителя… На неё смотрели с изумлением. Она и в самом деле была молодой, нарядной: коричневая, купленная на рынке трофейная юбка в обтяжку, жёлтая блузка с чёрной отделкой под чёрный поясок, туфли на высоком каблуке… Не понравилось там Ане. А, главное, пугало то, что с работы придётся возвращаться вечерами через Яр.

Во время её хождений и поисков кто-то из работников РОНО (районный отдел народного образования) подсказал: идите работать в ФЗО. Так в просторечье называли школы фабрично-заводского обучения. Они были образованы перед самой войной и готовили рабочих массовых профессий до конца пятидесятых, потом были преобразованы в профессионально-технические

училища. Конечно, в послевоенные годы был особенно большой спрос на рабочие руки — и для восстановления разрушенных предприятий, и для работы на них. Существовала такая школа и при ХТЗ, срок обучения в ней был 6 месяцев.

Аня обратилась к руководству ФЗО и была встречена с радостью. Там как раз подыскивали воспитателя для девушек. Молодая, красивая женщина с педагогическим образованием и опытом оказалась находкой. Директор сказал ей:

— Вы будете не только словами воспитывать их, но и внешностью, и манерами. Ведь большинство девушек к нам приезжают из деревень, а им нужно привыкать к городской жизни, городскому поведению.

Так Аня стала работать в ФЗО ХТЗ, и не пожалела об этом. Зарплата здесь была хорошей — лучше чем в школе, — питание в столовой ФЗО бесплатное, работа живая, интересная. Девушки, и в самом деле почти все приехавшие из окрестных сёл, были не на много моложе её, на два-три года, самое больше — на пять лет. Они восхищались своей воспитательницей. Трогали платья:

— Ох, Анна Александровна, какая вы красивая, нарядная!

Она отвечала им:

— Через год-два и у вас всё будет.

— Ой, нет, у нас такого никогда не будет!

Аню любили и уважали не только воспитанницы, но и коллеги по работе. И, окружённая атмосферой доброжелательности, она летала по этажам общежития легко, как бабочка, не чувствуя усталости. Встречала новеньких девушек, провожала их на место жилья, устраивала, всё показывала, организовывала политинформации, самодеятельность, концерты, походы в кино, в театры…

Днём, когда девушки проходили практику на заводе, Аня была свободна. Работа, в основном, начиналась вечером, когда воспитанницы возвращались в общежитие. Между прочим — в тот самый длинный шестиэтажный дом, мимо которого она шла, вместе с молодым мужем, в первый вечер приезда в Харьков. Теперь этот дом тоже оказался ей не чужим. И уже не нужно было заглядывать мимоходом в окна, представляя, как тут живётся. Теперь Аня об этом знала доподлинно, изнутри…

Самые разные дела, разные проблемы, возникающие у воспитанниц, задерживали её вечерами. Да ещё после окончания работы часто директор собирал воспитателей, решал вопросы, совещался, разбирал конфликты. И возвращалась Аня домой часов в 10–11 вечера.

Стала Аня замечать странные вещи в доме Лунёвых, который должен был быть и её домом. Да только… Вот её полотенце

отвесили в сторону от полотенец матери, Петра и Татьяны. Вот тарелку, ложку, вилку отложили отдельно. За стол с ней вместе не садятся… В чём дело?

Аня всегда была худенькой, а тут недавно начала покашливать — простудилась. Тут-то мать и Татьяна заладили: «Она туберкулёзная!» Да так уверенно и дружно, что Аня и сама стала думать: «Наверное прицепилась ко мне эта зараза, наверное я больна туберкулёзом…»

Да, в то послевоенное время, когда люди переносили лишения, недоедали, испытывали сильные стрессы, переживания, болезнь цвела махровым цветом. От неё страдали очень многие. Аня чувствовала себя неуверенно, угнетённо. Жизнь в доме стала невыносимой: от неё шарахались, как от чумной, унижали презрением. Только Пётр относился к ней по-прежнему — с любовью, как брат.

Дома Аню почти не кормили. А она стеснялась напомнить матери, что деньги-то муж оставил для неё. Правда, и при Александре мать, когда садились есть за общий стол и ставили кастрюлю с супом, сыну в тарелку наливала жирный, наваристый бульон, а ей — одну водичку. Александр, правда, демонстративно менялся с ней тарелками. Но теперь его не было…

Обедала Аня в столовой ФЗО. Еда была бедная, и часто Аня, похлебав лишь супчику, отставляла в сторону тарелку с невкусной капустой или кашей без масла. А рядом с ней в столовой часто садился пожилой преподаватель, переживший блокаду Ленинграда. Он и сказал ей однажды:

— Напрасно вы, Анечка, не едите. Пройдёт время, и будет у нас всё хорошо. Но до этого времени нужно дожить, продержаться. Так что ешьте всё, поддерживайте себя, своё здоровье.

И Аня стала есть всё подчистую. Стала поправляться, назло матери хорошеть. С мыслями о туберкулёзе она тоже разделалась. Однажды её девочек из группы вели в медпункт на проверку, делали им рентген. И она пошла с ними, попросила врача и её просветить. Тот посмотрел и сказал:

— Прекрасные, чистые лёгкие!

Аня удивлялась сама себе: как она раньше не додумалась просто-напросто пройти рентген? Мучалась, изводила себя…

А зимой, в один морозный день, вернулся Александр. В дверь постучали, Аня открыла… Он стоит — высокий, красивый, в лётном бушлате, с двумя чемоданами в руках. Она, вскрикнув, бросилась ему на шею. А следом вышла мать, поджала губы:

— Надо сначала у мужа чемоданы взять, а потом обнимать…

В чемоданах были отрезы дорогих материй: панбархат,

крепдешин, драп, бостон.

— Не подумай, что я мародёрствовал, — сказал ей Александр. — Это нам в части давали, всем, кто демобилизовался и уезжал. Тут тебе и на платья, и на пальто — самые красивые и модные!

Но Аня ничего себе из этих отрезов не сшила. Мать сразу всё прибрала. Да и не успела бы этого Аня сделать — дальнейшие события помчались стремительно и непредсказуемо. Впрочем, настолько ли непредсказуемо?..

Развод

После возвращения из Болгарии Александр жил свободно, вольготно. Он был при деньгах, выданных как демобилизованному офицеру, и на работу устраиваться не торопился. Говорил:

— Гробиться за кусок хлеба не буду. Хочу жить богато!

Ему предлагали самые разные места работы и должности, даже начальником моторного цеха на ХТЗ. Ведь был он коммунистом, фронтовиком, лётчиком, механиком отличным! Но Лунёв и от этого отказался. Откровенно объяснил жене:

— Зачем мне это. Ответственность большая и работы много. А достатка мало.

Однажды дома, за воскресным общим обедом, подвыпив, слёзно заявил жене:

— Уеду в Воронеж — зовут меня туда испытателем самолётов. Стану испытателем, разобьюсь, получишь десять тысяч рублей за меня…

Аня тоже заплакала:

— Не нужно мне никаких тысяч! Не езди!

Мать по обыкновению поджала губы:

— Слушай его побольше, никуда он не поедет.

Она, конечно, хорошо знала сына.

Так и жили они: Аня с утра до вечера на работе в ФЗО, Александр — тоже где-то проводя время: якобы, в поисках работы.

Вечерами Аня прибегала с работы, увлечённо рассказывала, как прошёл день, разные истории, часто смешные, о своих воспитанницах. Но вот странно: она замечала, что муж смотрит и слушает её демонстративно невнимательно. Поскольку он сам ещё не работал, днём часто бывал дома, Аня стала приходить домой и днём, когда девушки уходили на практику. Но вечерами она всё равно часто задерживалась. И каждый раз в подобных случаях её встречал холодный и подозрительный взгляд мужа.

Она быстро поняла, в чём дело. Ещё когда Александр был в Болгарии, его мать несколько раз, когда Аня возвращалась поздно, ворчала словно про себя, но очень явственно: «Знаем мы, какая работа по ночам… Муж за порог…» Но тогда Аня на это не обращала внимание. Теперь же стало ясно: мать изо всех сил пытается вселить в сына самые мерзкие подозрения. А он ведь такой внушаемый, мнительный — Аня это уже давно поняла. И решила: надо защищаться! Отстаивать и свою честь, и свою семью.

Однажды пришла домой днём, позвала мужа в соседнюю комнату — Татьяны как раз не было дома, — и откровенно поговорила с ним. Сказала:

— Я знаю: мать меня Бог знает в чём подозревала ещё в твоё отсутствие. А теперь делает всё, чтобы и ты обо мне плохо думал. Но она старая женщина, а мы с тобой современные люди. Ты должен понимать, у меня такая работа. Я педагог, мне доверены молодые девушки. Это очень не просто и ответственно. У каждой свои трудности, свой характер, проблемы. Вот и приходится задерживаться…

Объяснила Александру, что директор часто после работы устраивает совещания, разборы дел… Он вроде бы успокоился, даже сказал с весёлой угрозой:

— Схожу к твоему директору, поговорю. Не дело это — молодую семейную женщину держать на работе допоздна.

Ане казалось, что Сашка всё понял. Хотелось в это верить.

Буквально через несколько дней Александр заявил жене, что поедет с Петром в деревню, отвезёт новые посылки с вещами для дочери Николая. Собрались, снарядились, гостинцы взяли… Аня утром проводила мужа, попросила скорее возвращаться. Уехали.

Она ушла на работу. Днём домой решила не ходить: что ей там было делать без Саши, с матерью общаться, что ли? К тому же именно в этот день в ФЗО нагрянула какая-то комиссия — их тогда много ходило, всё что-то проверяли. Весь день был суетливый, забеганный, да ещё комиссия задержала учителей и воспитателей дольше обычного. Когда Аня вернулась домой, было часов одиннадцать.

У двери квартиры с удивлением остановилась: там горел свет, слышались голоса Александра и Петра, звяканье посуды. Она недоумевала: почему они так сразу вернулись? Однако и обрадовалась, громко постучала. Вмиг всё стихло, свет погас. Она пожала плечами, открыла дверь своим ключом, вошла. Все лежали в кроватях, притворялись спящими. Но со стола ничего убрать не успели — стояла выпивка, закуска. Сначала Аня не поняла, в чём дело. Радостно присела на край кровати, обняла мужа, стала спрашивать: отчего они не уехали…

Но когда Александр отстранил её руки и зло спросил:

— Где это ты была весь день допоздна? Чуть я за порог… — она вдруг догадалась.

Да он и не собирался уезжать! Это всё было придумано, наверняка вместе с матерью, и разыграно, чтобы её проверить… Её! Проверить!

Так стало обидно и стыдно за него! Ведь кому, как ни ему знать, какая она есть на самом деле: честная, открытая, наивная!

И семью их, Волковых, Александр знал не один день! И то, что он — первый в её жизни мужчина!..

Комок из рыданий стоял в горле, но, пересилив себя, она попыталась вновь объяснить:

— Саша, ведь я говорила тебе, какая у меня работа. А сегодня была комиссия…

Но он твердил своё:

— Где и с кем была?

Тогда она воскликнула:

— Ты эгоист от макушки до пят!

Он вскочил с кровати, как пружина.

— Кто, я эгоист? Я перед Родиной не был эгоистом!

— Если бы ты перед Родиной был эгоистом, тебя бы расстреляли! А перед женой можно, всё сойдёт…

Лёг Александр спать на кровать к Петру. Одну ночь, вторую, третью… Но понятно, что ни он, ни она толком не спали эти ночи. Аня стала жалеть его. Наверное он раскаивается, а гордость глупая не позволяет помириться первому. Да и мать на страже… На четвёртую ночь, дождавшись, когда мать и Пётр вроде бы крепко уснули, Аня выскользнула из своей постели. В окно светила луна, видно было, что Сашка лежит с краю кровати, ворочается. Она подошла тихонько, приподняла ласково его голову:

— Саша, ну зачем ты так! Пойдём на своё место…

Но он грубо тряхнул головой, сбрасывая её руки, да ещё молча, не говоря ни слова, оттолкнул… Это стало последней каплей в чаше её обид.

Утром Аня встала с твёрдой решимостью навсегда уйти из этого дома. На работе рассказала обо всём другой воспитательнице, с которой дружила — Ане Рыльковой. Пожаловалась:

— Вот только идти мне некуда…

И та тут же с радостью предложила:

— Иди ко мне, да хоть прямо сейчас!

Так и решили. Днём Аня пришла домой за своими вещами. Собирает чемодан, а мать рядом притворно причитает:

— Ты бы дождалась его… А то ведь подумает, что это я тебя выгнала…

— А кто же? — зло спросила Аня.

Не взяла ни единой лунёвской вещи. Чулки фильдеперсовые — те, которые всего один раз надела в театр, — положила перед матерью:

— Берите. Может, на кусок хлеба выменять придётся!

Но и своего ничего не захотела Аня в этой квартире оставить.

Перину, бельё, одежду, даже вилки и ложки ещё мамины — всё унесла с собой.

Вскоре после её ухода встретил Аню на улице Пётр. Обрадовался, стал рассказывать:

— А у нас ещё одна Аня появилась, только мы её Анькой зовём. Николай, мой старший брат, привёз. Это его новая жена. Ох и даёт она матери прикурить! Боевая, точно что — походно-полевая жена! Но куда ей до тебя! Ты красивая. Пойдём, познакомлю! — тянул за руку.

Но Аня не пошла. Однако, ей нужно было выписаться из квартиры Лунёвых. Она для этого пошла в ЖЭК, а там ей сказали: Лунёвы задолжали за три месяца квартплату. Пусть заплатят, тогда и выпишим вас… Вот и пришлось ей таки идти в эту квартиру. И тогда она познакомилась ещё с одним членом семьи Лунёвых.

В комнате на кровати лежал молодой мужчина — ровесник Ани. Рядом стояли костыли.

— Вот мой Алёша приехал, — сказала мать. — А это Аня…

И поджала губы. Правда, Аня заметила, что как-то потише стала эта пожилая мрачная женщина, неуверенность появилась в её глазах. Видно, давала-таки жару ей та, другая Анька. Может, и задумалась она, что-то переоценила… Да только поздно было, ничего не вернуть…

А молодой инвалид отложил книгу, которую читал, сел, прикрыв ноги одеялом. Аня взяла стул, села рядом. Разговаривали они где-то с полчаса. Очень понравились друг другу. Алексей был внимательный, начитанный, доброжелательный, красивый — похож на Александра. Только в выражении лица, в поведении его было нечто иное — углублённость, спокойствие, благородство. Аня потом думала, что могла бы полюбить Алёшу, выйти замуж за него, за калеку, и быть с ним счастливой… Жил он и работал в Киеве, куда попал по распределению после окончания техникума. Говорил матери:

— Тебе, мать, видно жить со мной — ни с одной невесткой не уживёшься!

…Собирая свои вещи, уходя из дома Лунёвых, Аня бросила в сердцах:

— Пусть ваш дом будет проходным двором!

Это её пожелание-предсказание, похоже, сбылось. Никто в этом доме долго не задерживался. Да и сами Лунёвы — вся семья, — однажды снялись и уехали куда-то. Куда, так она и не знала. Только думала, что в один из трёх городов, которыми восхищался Александр, о которых говорил:

— Киев, Львов и Одесса — вот где надо жить!

Уже в семидесятые годы, на свадебном банкете дочери, узнала Аня в ресторанном швейцаре давнего знакомого. Он рассказал ей, что двое из Лунёвых — только он не помнил, кто именно, — подались жить за границу. Аня думает, что это скорее всего Александр и Пётр. Пётр пожил в Германии, ему там очень нравилось. Александр тоже бывал в Соединённых Штатах: вместе с американскими наши лётчики перегоняли туда самолёты сразу после войны. Он тогда подружился с одном американским асом, тот упорно сманивал его в Америку: «Нам лётчики нужны! Будешь жить хорошо!» Александру Америка тоже очень понравилась…

Одна

После ухода от Лунёвых Аня дважды виделась с Александром. Первый раз он поджидал её у ФЗО. Она вышла из здания, а он стоит у крыльца — красиво подстриженный, благоухая одеколоном. Видимо, вначале зашёл в парикмахерскую, хотел хорошо выглядеть.

Ходили они по заснеженному скверику, он уговаривал её вернуться. Правда, не особенно напористо уговаривал: уж очень она уязвила его своим уходом. Когда же Аня решительно отказалась, спросил только:

— Потомства не намечается?

Посмотрела на него долгим взглядом, усмехнулась:

— Не переживай, алиментов платить не придётся.

Второй раз она увидела Сашку уже весной. Шла по улице Сталина мимо «Двадцатого» дома и вдруг увидела его. Совсем близко, впереди себя, да не одного: рядом шла молодая женщина, а он нёс чемодан, очевидно её. Аня растерялась, испугалась: вот он сейчас оглянется, увидит её, подумает, что она следит за ним… Она ускорила шаг, обогнала их, чуть приобернулась:

— Здравствуй, Саша.

И быстро ушла вперёд.

Пришла в ФЗО, забежала в пустой красный уголок и долго плакала. От неожиданности, от пережитого смятения, от нахлынувших воспоминаний. А ещё корила себя за то, что не сделала так, как сделал однажды он сам. Эту историю времён войны Александр как-то рассказал Ане. Был у него однополчанин-офицер, большой гуляка. Один раз Александр увидел того на тёмной улице под ручку с девушкой. А он знал, что у того дома остались жена и трое детей. Вот и подошёл Лунёв к однополчанину, взял его под локоть и сказал: «Что это ты гуляешь с девушками, а дома жена, дети…» Девушка в смущении убежала, однополчанин был взбешён. Но Александр считал, что поступил правильно… И теперь Аня представляла, что могла бы точно так же подойти к нему сзади, взять за руку и сказать: «Что это ты разгуливаешь с девушками, дома жена, дети…» Ему бы это наверняка понравилось, и он бы пошёл с ней. Был же и в их недолгой семейной жизни подобный случай…

Тогда они пошли втроём — Сашка, она и Татьяна, — в кинотеатр. До начала сеанса прогуливались в фойе. Играл оркестр, было много людей. У одной колонны стояла интересная, умело напомаженная и напудренная молодая женщина. Она с эдаким скучающим видом крутила на пальце надетый на колечко

ключ. Александр кивнул на неё головой, усмехнулся с видом знатока:

— Это знак того, что она приглашает каждого желающего мужчину к себе.

Аня не поверила. Тогда он сказал:

— Вот я подойду, заговорю, увидишь, как она отреагирует. А захочу — и уйду с ней!

— Ну что ж, иди, иди! — подыграла ему Аня.

И он подошёл к женщине, заговорил. Та сразу заулыбалась, стала очень оживлённо отвечать… В это время прозвенел звонок. Аня и Татьяна подошли, Аня взяла Александра под руку, сказала:

— Ну всё, поговорил, и довольно. Пошли, сеанс начинается.

Александр был страшно доволен и горд. Он с милой улыбкой раскланялся со своей собеседницей:

— Извините, извините, нам пора…

Ведь Александр был убеждённый сторонник того, что за счастье надо бороться, а не уступать без боя, что жена должна отстаивать мужа всеми силами…

Но потом Аня успокоилась, вытерла слёзы и сказала сама себе: всё равно уже ничего не вернуть. Да и хочет ли она возвращать былое? Честно говоря, нет. Просто надо жить дальше…

Жила Аня сначала у Рыльковой, но потом та вышла замуж за баяниста, с которым они вместе работали. Ане стало неудобно стеснять молодожёнов. Она пошла к своему директору, объяснила ситуацию. И тот поселил её там же, где она и работала — в женском общежитии. Устроено оно было так: на каждом из шести этажей — длинный коридор от одного торца до другого. По обе стороны коридора — много небольших комнат на несколько человек, один общий умывальник, туалет, большая общая кухня. Вот здесь и Аня получила место, но не в общем коридоре, а в боковой комнате на лестничной клетке. Здесь располагалась как бы коммунальная квартира всего из двух комнат, с отдельным коридором и кухней только на эти две комнаты. Это считалось элитным жильём. В одной из этих комнат Аня жила ещё с двумя воспитательницами.

Полностью отдавалась работе. Тем более, что и работа была тут же, в этом доме, и ученицы с утра до вечера мелькали перед глазами со своими делами, проблемами. Выпускала стенгазету, организовывала концерты самодеятельности, вела хор и сама в нём пела — голос в наследство от отца достался очень хороший. Ну а в свободное время — книги, любимое занятие.

Но часто, словно без причины, охватывала её глубокая задумчивость, грусть. Тогда не хотелось никого видеть, ни с кем

говорить. Она уходила куда-нибудь в пустую комнату, в красный уголок, садилась на подоконник и долго молча сидела — ни на что не обращая внимания, ничего не видя. Словно в сомнамбулическом состоянии. Она и сама не замечала, что то улыбка тенью пробегала по губам, то катились по щекам слёзы, с силой переплетались и разжимались пальцы…

Боже мой, как глупа была она! Как могла сказать беспечно: «Кто первый приедет, за того и выйду замуж». Ведь Вася Кочуков тогда ещё был жив! Василий… Добрый, всё понимающий взгляд, мягкая улыбка… «Как ты хорошо учишь детей», — сказал он ей когда-то. И тут же, как контраст, крик Александра «Ты где была!» на её объяснение: «Я учительница…». Как Вася писал ей из училища: «… понимаю, что тебе скучно. Если с кем-то интересно — встречайся. Но прошу тебя, Анечка, головы не теряй…» Такое доверие может идти только от настоящей любви — теперь Аня это понимала! И тут же вспомнила — они вдвоём с Александром стоят у зеркала, тот приложил кончик ножа к её груди: «Если не сохранила себя — вот так!» Словно бы шутил. Ах, Сашка, Сашка! А ведь во время войны ты был весёлым, добрым, как легко, по-хорошему помог незнакомой старушке — моей маме… Куда всё делось теперь, в мирное время? Нет, ты не жаден, как твоя мать или старшие братья, но думаешь о себе в первую очередь, выгоду ищешь! Обожаешь, когда тобой все восхищаются…

Больно кольнула в сердце мысль: а, может, когда посадил он на поезд мать, именно это было главным для него: смотрите, какой я доброжелательный, компанейский, оборотистый! Красовался перед собой и другими… Ведь не бывает так, чтоб человек резко менялся в разных обстоятельствах. Уже тогда в Лунёве было заложено то, что видит она сейчас. Она уверена, она точно знает: Вася Кочуков не стал бы другим. А ведь они с Александром ровесники, оба фронтовики, офицеры. А такие разные…

Беззвучные рыдания сотрясали Аню. От горького понимания того, как бы она сейчас могла любить Василия, и как это невозвратно, недоступно… Невозвратна её детская любовь к Петру Середе. А ведь она обидела этого тоже очень хорошего парня! Наверняка тогда, когда они случайно встретились в железнодорожном парке, в Бутурлиновке, он почувствовал и её разочарование, и её отчуждённость. Может, даже, и пренебрежение — что от себя-то скрывать. Господи, какая дурочка! Что с того, что парень невысок ростом? Ведь Петру рано пришлось идти работать, после седьмого класса. У старших братьев были уже свои семьи, а ему надо было кормить больную

мать и себя. Работал грузчиком, таскал тяжести, вот и не вырос. Но в плечах был широк, силён. А главное — Аня словно вновь видит, — добрый, спокойный взгляд. И горечь в его голосе: «Ты интеллигентка, а я работяга, грузчик…»

«Интеллигентка»… Мостик воспоминаний перебросил Аню в военные годы. Володя Жага — вот он был настоящий интеллигент: образованный, воспитанный, тактичный, скромный… Однажды на их посиделки к Наде пришёл Отари — «Лимончик», — сказал: «Володи сегодня не будет, в штабе совещание на всю ночь». «А что, без него полковники и генералы не обойдутся?» — легкомысленно засмеялась Аня. Грузин слегка, краешком губ, улыбнулся: «Не обойдутся. Он главный специалист в одной важной области». Уточнять не стал, а девушки поняли, что расспрашивать не стоит. В тот вечер Отари ещё кое-что рассказал. Володя был настоящим боевым офицером. В одном бою он со своими солдатами первый форсировал реку, и потом, когда под сильным натиском фашистов основные силы отступили на другой берег, он и несколько бойцов остались, держали оборону полтора часа, пока наши вновь не подошли. Именно тогда Володя был тяжело ранен, а после госпиталя направлен служить уже в штаб. «Я уверен, его разыскивает высокая награда»… Аня вспоминала их встречи, разговоры, и вдруг поняла: именно он, Владимир Жага, любил её так, как никто другой — сильно, нежно, преданно. Так и не поцеловал, только за руку брал…

«Я думал, ты меня поцелуешь…» — из глубины своей памяти услышала она вновь голос Володи, в котором и просьба была, и надежда. Как она тогда ответила ему гордо — так ей казалось, что гордо. А ведь хотела и сама этого, хотела! Сейчас вдруг, когда уже ничего не вернуть, ей представилось, как откровение: тот поцелуй мог многое изменить. Прикосновение губ к губам дало бы их сердцам единый ритм, их души стали бы одним целым… И, быть может, зная, что его любят и ждут, Володя сильнее бы хотел выжить, был бы чуть осмотрительнее, осторожнее. И не погиб бы… Аня была совершенно уверена, что Владимир погиб, причём, вскоре после отъезда из Бутурлиновки! Иначе написал бы ей непременно, а потом и вернулся к ней… А так они даже не попрощались…

И не попрощались они… Погиб Володя, наверняка погиб, причём вскоре после отъезда из Бутурлиновки! Иначе написал бы ей непременно, а потом и вернулся к ней…

Какие рядом с ней, оказывается, ребята хорошие были! А она выбрала Сашку Лунёва. Да, красавец-лётчик, да, душа компании, воевал храбро, нравится всем кругом. Да вот только душа у него

оказалась с гнильцой. Встретится ли ей в жизни такой человек, как те, кого она потеряла?..

…В минуты подобной Аниной меланхолии и уединения, учителя и воспитанники проявляли чуткость — не трогали её, оставляли побыть наедине. Жалели молодую учительницу, зная, что она ушла от мужа, переживает личную трагедию.

Однажды, когда ученицы ушли на практику на завод, Аня зашла в свою комнату. У неё как раз было вот такое состояние, и все действия она делала механически, заторможено. Включила электрическую плитку, чтобы что-то приготовить. А спираль перегорела. Забыв выключить печку из сети, Аня взяла два конца спирали и соединила их… Ударом её отбросило в другой конец комнаты. Она страшно закричала, затрясла руками, упала на пол. От этого удара спирали выпали из рук.

Аня была в комнате одна. Лицо её покрылось красными и синими пятнами. Она никак не могла прийти в себя. Понимала, что только что была на волосок от смерти. И в этом состоянии транса сами собой пришли к ней воспоминания о том, как несколько раз за свою жизнь она оказывалась вот так — на грани смерти…

В двенадцать лет она тонула. Тогда они только переехали с «Довгой» улицы. От нового места, рядом с вокзалом, недалеко была и речка Осередь. В один летний день Аня и три её подружки-ровесницы пошли поплавать, поплескаться в реке. К ним присоединилась девочка постарше, лет пятнадцати. Она служила у одних людей нянькой, с ней был её подопечный младенец. Нянька посадила ребёнка в траву на бережке, и все побежали в воду.

Ещё по пути Аня говорила девочкам, что она плавать не умеет. Это были её новые подружки, с которыми она недавно познакомилась, уже на новом месте. Они все ещё друг друга плохо знали. И, как выяснилось потом, девочки Ане не поверили, решили, что она шутит. Когда уже разыгрались в воде, они вдруг схватили её за руки и потянули со смехом на глубину. Когда Аня первый раз нырнула с головой, закричав, — смеялись. Второй раз — тоже. Но когда она и третий раз, на миг появившись, ушла под воду, поняли, что она и в самом деле тонет, испугались.

Нянька с ними не была: слегка окунувшись, она вернулась на берег к младенцу. Она всё видела и первая поняла, что происходит. Бросилась в воду, нырнула, поймала Аню уже под водой, потянула к берегу. Девочки, опомнившись, стали ей помогать. Аня была без сознания. Подбежали взрослые люди, стали её откачивать. Откачали. «Почему же ты нам не сказала, что не плаваешь?» — плакали её подружки. «Да я же говорила!»

«А ты говорила и улыбалась…»

В шестнадцать лет Аню едва не задушила её лучшая подруга… С «Довгой» улицы переехали и соседи Волковых, на новом месте они тоже стали соседями. Там жила Анина подружка Зина. Однажды девушки пошли в летний кинотеатр в привокзальном сквере, на концерт приехавших артистов филармонии. Сидели, слушали. Рядом с Зиной сидел её знакомый парень. Зина уже вовсю кокетничала с ребятами, а Ане это было ещё не интересно.

Зина и её кавалер не столько слушали, сколько оживлённо разговаривали. Болтая и смеясь, Зина машинально закручивала платок в жгут. А потом, шутя, набросила этот жгут Ане на шею и продолжала дальше его закручивать, отвернувшись к парню… Никакой боли Аня не почувствовала — видимо, ей передавило сонную артерию. Только слышит она: музыка всё тиши, тише… И — ничего… В это время она без сознания упала Зине на колени. Та перепугалась, закричала, парень её — тоже, сбежались люди… И вновь слышит Аня — откуда-то издалека, тихо-тихо заиграла музыка. А потом всё громче, громче… Это она возвращалась с того света.

В войну, когда Аня уже приехала в Бутурлиновку, к ней пришла её школьная учительница Лидия Васильевна. Она и её, к тому времени уже покойный, муж Дмитрий Васильевич всегда вели параллельные классы. И если один болел — другой вёл уроки сразу на два класса. Тем более, что между классами имелась соединительная дверь — очень удобно. Аня училась у Дмитрия Васильевича, но и Лидию Васильевна хорошо знала. Теперь же они вместе работали в бутурлиновской школе, старая учительница уже часто прибалевала, и Аня её подменяла.

Лидия Васильевна собралась уезжать в другой город к замужней единственной дочери. Дом у неё был большой, богатый, обстановка очень хорошая. Кое-что она продала, но многое разобрали родственники и соседи. Аня помогала ей собираться, упаковывать вещи. Лидия Васильевна предложила: «Возьмите себе что-нибудь, Анечка. Вот эту вазочку, например». Но Аня отказалась взять очень красивую хрустальную вазу, постеснялась. А вот одна картина ей очень понравилась, в духе эпохи Возрождения: купающиеся в реке и нежащиеся на берегу полуобнажённые томные женщины. Лидия Васильевна с радостью дала ей эту картину, сказав, что она старинная, ещё её бабушки.

…Эту картину и я хорошо помню, с самого детства и до моего замужества. Она висела у нас в квартире и очень мне нравилась. А потом какая-то случайная женщина, агитатор, ходивший по квартирам перед очередными выборами, увидела и попросила её

продать. Сказала: «Я художник-реставратор…». Мама отдала ей просто так — подарила, как когда-то подарили ей… Жаль, это случилось в моё отсутствие: я не дала бы это сделать…

Аня пошла на вокзал провожать Лидию Васильевну. Помогала ей затащить вещи в вагон и не заметила, как поезд пошёл. Вспомнила, что следующая остановка не скоро, а там ещё целые сутки ждать встречного состава! И, спотыкаясь о вещи, наваленные в длинном коридоре, в тамбуре, Аня побежала, распахнула дверь, прыгнула!.. Поезд шёл уже с приличной скоростью. В момент прыжка поезд нёсся как раз мимо заканчивающегося перрона. И Аня упала на самый его край. Чудом руки и ноги её не оказались под колёсами! Сила охватившего её ужаса заставила девушку без передышки бежать, не замечая боли. А ударилась она при падении очень сильно. Долгое время правая рука не работала: она не писала учебных планов, а в классе на доске за неё писала одна из учениц.

…Всё это Аня вспомнила, сидя, после удара током, на кровати в своей комнате, в общежитии ФЗО. Все случаи печальные, каждый мог закончиться для неё трагически. Но сейчас от этих воспоминаний такой сладкой болью сдавливало сердце! Ведь всё это происходило в той жизни, где был родной дом, Бутурлиновка, где были живы и мама, и тато, и брат Федя… Совсем недавно Аня ездила в Борисоглебск на похороны отца. Он умер там, в доме своей старшей дочери Дарьи. Но в её воспоминаниях все ещё были живы, здоровы, молоды. Была же у неё счастливая жизнь! И в будущем тоже будет! Нужно жить…

Николай

Когда Ане помогали устроиться на жильё в общежитие, приняла в этом участие и пожилая интеллигентная женщина — политрук ФЗО. Она очень сочувствовала молодой воспитательнице, пользовалась любым случаем поговорить, приободрить. Однажды в таком разговоре сказала:

— В моём доме живёт семья, хорошие люди, Поляковы. У них есть сын — высокий, интересный мужчина, офицер, холостой. Вам бы он подошёл.

Это был первый звонок, первый намёк судьбы. Но Аня не поняла, не прислушалась к нему. В то время, недавно расставшись с Лунёвым, она ни о мужчинах, ни о замужестве и думать не могла.

Прошло пол года. В группе у ребят появился новый воспитатель — демобилизовавшийся офицер, старший лейтенант, фронтовик Николай Поляков. В женских кругах вначале только и разговоров было: «Интересный, высокий, холостой!..» Потом привыкли.

Аня особенно знакома с ним не была — как со всеми: «Здравствуйте» при встречах, и всё. Видела его на совещаниях, в столовой, на танцах. Правда, он не танцевал — не умел. Стоял в стороне, в шинели, поскольку штатской одежды у него не было, не успел ещё обзавестись. И правда: стройный, светло-густоволосый… Интересно, что Лунёв и Поляков были внешне похожи. Поляков, правда, выше, но Лунёв мощнее в плечах. А так: оба светловолосые, волосы вьющиеся, густые, оба синеглазые, с крупными чертами лица, у обоих ямочки на подбородках. Но вот про Лунёва все говорили: «красавец!», да и Аня сама так считала. А Поляков ей не казался красивым, видным. Разгадка, впрочем, проста. Лунёв умел себя подать, «держался», был самоуверенным человеком. А Поляков — скромным и стеснительным.

Хотя долгое время жизни Ани и Николая текли как бы параллельно, почти не соприкасаясь, она часто слышала какие-то истории, случаи, связанные с ним. То соседка по комнате рассказала:

— А Полякова-то Шурка Довгань тоже обобрала, как липку, представляешь! Бедный парень, он наверное думал, что она к нему чувства испытывает! Попался, как и другие…

Эта Шура Довгань работала некоторое время назад у них в ФЗО воспитательницей. Была она женщиной разбитной, авантюрной. Когда как-то внезапно вышла замуж и спешно уехала в неизвестном направлении, вдруг стало известно, что многим

она осталась должна деньги, а кое-кому — часики, брошки… Поляков, демобилизовавшись из армии, был при деньгах, как и многие офицеры. Шура за короткий срок обчистила его, когда же увидела, что больше взять нечего — дала от ворот поворот.

То другой случай, когда именно Аню стали расспрашивать о пристрастиях Николая Полякова. Дело было летом, Аня работала на своём огородике. Тогда руководство ФЗО раздавало землю под огороды всем желающим воспитателям, и они там, в основном, сажали картошку. Огород Полякова был недалеко — одна ведь организация. На нём тоже пололи, рвали сорняки две женщины: пожилая и молодая. Неожиданно они подошли к Ане. Назвались матерью Полякова и его родственницей. Спросили:

— Правда, что Николай ухаживает за одной девушкой из ФЗО? Говорят, её зовут Вера Масная?

Аню в то время Поляков совершенно не интересовал, за кем он ухаживает она не знала. Но она знала Веру Масную — красивую девушку с копной густых волнистых волос. Ответила уверенно:

— Может быть, он и обращает на неё внимание, да она на него — нет. Вера совсем молодая девушка, у неё есть парень, её ровесник, она встречается с этим Андреем.

Женщины поблагодарили Аню, ушли успокоенные.

Пройдёт недолгое время, и Аня узнает, почему это мачеху (а не мать, как она представилась) Николая Полякова и племянницу мачехи так интересовали его пристрастия…

А Вера Масная вскоре вышла замуж за своего Андрея, и с их сыном Толей я училась в одном классе. А потом Анатолий Андреевич много лет работал врачом-терапевтом в заводской поликлинике ХТЗ…

Первый разговор Ани с Николаем был случайный и короткий. Летом в общежитии шёл ремонт, помогали все — и учителя, и воспитатели, и воспитанники. В красном уголке Аня разминала руками замазку для окон. Николай подошёл, стал рядом.

— Словно тесто замешиваете, — сказал, — так ловко и красиво. Наверное, хорошо вареники лепите.

Она засмеялась:

— А вы что, вареники любите?

Он тоже засмеялся:

— А кто же их не любит!

Впрочем, может и не такой случайный был тот разговор, и не случайно он подошёл к ней…

Однако ухаживать по-настоящему начал Николай за Аней только через год. Вместе с ещё одним молодым человеком — мастером ФЗО, он стал приходить к ним в комнату. Мастер

уделял внимание соседке по комнате — Вере, а Николай — явно Ане. Однако девушки к ним серьёзно не относились. Посидят, поболтают, посмеются, частушечки пропоют, и всё — пора, ребята, уходите! Так тянулось долго. Аня не испытывала к Николаю пылких чувств, держалась отстранённо. Или, как говорили тогда, — «гнала от себя». Однако он не отступался, и она понемногу к нему привыкла: к тому, что он всегда рядом, что можно попросить его что-то помочь, посоветоваться, обсудить с ним прочитанную книгу, поскольку он, в отличие от многих других их товарищей, тоже очень любил читать…

В это время за ней ухаживал ещё один работник ФЗО, политрук Сурженко. Он напоминал Ане Васю Кочукова: невысокий, коренастый, русоволосый, открытое лицо, короткий, чуть вздёрнутый нос. Симпатичный, но не красавец — Василий был интереснее. Однако держался Сурженко с большим достоинством, гордо. Бывало, прогуливались они, в кино ходили. Но уже маячил постоянно рядом Поляков, и Аня ловила себя на том, что скучает, если долго не видит, думает о нём, ищет взглядом.

А потом Сурженко срочно уехал. Все знали, что послали его, как фронтовика и коммуниста, на Западную Украину, где шла настоящая война с бандами бандеровцев. Уже после его отъезда кто-то из воспитателей-мужчин сказал Ане: «Из-за твоего маникюра Сурженко на тебе жениться не хотел». А дело было вот в чём: был политрук парнем деревенским и собирался, женившись, вернуться жить в деревню, обзавестись хозяйством. Но Аня явно на роль такой жены не подходила: у неё были длинные, ухоженные и накрашенные ногти. Разве с такими ногтями за скотиной и огородом ходить будешь?.. Аня, услышав такое, посмеялась: она и Сурженко-то не воспринимала как жениха, а уж в деревню и подавно бы не поехала!

Николай ненавязчиво, но упорно старался быть рядом с Аней. Если не домой к ней приходил, то находил на работе. Все в ФЗО уже видели, что Поляков «ходит» за Волковой, а та его «гонит». И Ане то мастер, то воспитатель, то ещё кто-нибудь стали говорить о Николае хорошие слова. Было известно, что он выпивает: ребята из его группы, уезжая на воскресенье или праздники домой, в сёла, привозили оттуда самогон, угощали. Он не отказывался, но вот выпившим его на работе никогда не видели. И коллеги Ане говорили: «Поляков совсем бросит пить, если его взять в крепкие руки». Намекая, что такие руки — у неё…

Вода камень точит. Аня всё чаще стала думать: «А почему бы и нет? Я к нему уже привыкла, он мне нравится. В самом деле, хороший человек. А мне ведь уже тридцать лет, пора создавать

семью…»

Летом школу фабрично-заводского обучения расформировали: на её основе осенью должно было заработать ремесленное училище. Учеников уже не было, но педагогический состав ещё ожидал — кого куда распределят. А пока всех послали работать в подшефный заводской колхоз, на зерно: сушить, веять, собирать в мешки, вывозить. Там, в колхозе, Аня уже не избегала Николая. Каждый вечер, после работы, они гуляли: ходили по окраине посёлка, вдоль поля. Однажды, проходя мимо стога сена, спугнули ненароком парочку — своих же воспитательницу и баяниста. Аня посчитала, что те тоже просто гуляют, присели отдохнуть. Но Николай сказал:

— Да между ними давно уже всё есть! Это только ты не позволяешь мне даже поцеловать себя.

Там, в колхозе, Николай надорвался, тягая мешки с зерном — работал-то он всегда на совесть. По возвращении в город болел, не выходил на работу. Аня и ещё две воспитательницы пошли его проведать. В доме их встретили две женщины, те самые, что подходили к Ане на огороде — мачеха и её племянница Шура. Встретили холодно, неприветливо, потому они долго не задержались.

В то время Аня уже жила одна в своей комнате: соседки разъехались на новые места и новые работы. Вечерами она читала, но часто, прикрыв книгу, думала о Полякове. Его слова в колхозе: «Только ты не позволяешь мне даже поцеловать себя…» — волновали, навевали воспоминания. И Вася Кочуков, и Володя Жага говорили ей нечто подобное… И как они, Николай тоже сдержан, застенчив, боится обидеть её… Когда через три дня, Николай, уже выздоровевший, пришёл к ней, Аня впервые позволила ему остаться.

Так началась их общая жизнь. Но ещё некоторое время Аня не решалась выйти за Полякова замуж. Тогда Николай сказал ей:

— Я не хочу, чтоб мы были просто сожителями. Если не станешь моей женой, пойду в военкомат и добровольно поеду в Западную Украину, с бандеровцами сражаться. Меня уже звали, я ведь боевой офицер, коммунист, одинокий. И пусть меня там убьют, как Сурженко!

Все уже знали, что политрук Сурженко погиб.

Жалко стало Ане Николая. Да и себя тоже. «Что ж, — подумала, — раз уж так случилось и мы вместе, видно, так тому и быть».

И Николай окончательно перебрался жить в её комнату, принеся с собой всё своё имущество: шинель, гимнастёрку и пару трусов.

Поляковы

О большой семье Поляковых Аня кое-что уже знала. За годы, в которые она сама уже называлась Анна Полякова, — узнала больше. Так же, как и о жизни самого Николая, о его военных годах.

Отец Николая — Никита Дмитриевич Поляков, — был корабел, работал на Черноморском судостроительном заводе в городе Николаеве. Все его дети — Павел, Василий, Надежда и младший Николка родились там же, в Николаеве. Когда младшему сынишке было всего четыре года, жена умерла. Носила она красивое и теперь уже позабытое имя Гликерия…

Через год Никита Дмитриевич привёл в дом вторую жену. Была она молодая, красивая, бездетная. Но оказалась недоброй. Старшие дети могли за себя постоять, Павел вообще жил отдельно со своей семьёй. А маленький Коля — робкий, болезненный и безответный. Она стала его поколачивать. Отец об этом некоторое время не знал. Но однажды увидел, как женщина дала оплеуху мальчику, как тот сжался перепугано. Понял — это не первый раз, и тут же, в этот же день, выгнал жену из дома. Очень он любил и жалел младшего своего сынка.

Через время он вновь женился. У этой его жены, Марии, были свои двое сыновей — Павел и Илья. Илья — ровесник Николая, но очень шустёр. Стал обижать сводного братца. И опять, когда отец увидел это, наказал Илюшку, пригрозил: «Ещё раз тронешь Николку — побью!»

…Много лет спустя Аня однажды спросила жену Ильи, Марию Сидорову (они — Поляковы и Сидоровы, — не часто, но общались, ходили друг к другу в гости):

— Отчего это Илья такой мастеровой, всё умеет делать руками, а Николай — только что гвоздь забить? Ведь в одной семье росли?

Та ответила:

— Он ведь у отца любимчиком был, ничего его делать не заставляли. А Илью гоняли. А Николка всё книжки читал…

Кстати, о книжках. Младший брат Николая Леонтий, рождённый уже от второго брака, вспоминал как-то их детские годы:

— Мы, пацаны нашего двора, прозвали Кольку «Сталиным». Потому что он всё время ходил с книгами. Как ни идёт он через двор, где мы бегаем, — то или в библиотеку, или из библиотеки. Мы ещё сопляки, а ему уже 16 лет, взрослый парень. Вот нам и казалось, что такой умный, читающий так много книг может быть

похожим только на Сталина. Так и говорили: «Вон опять «Сталин» пошёл!» Но Николай сам об этом прозвище даже и не знал.

Эти воспоминания Леонтия относились уже к жизни в Харькове. В тридцатые годы здесь развернулась большая стройка, по радио, в газетах постоянно звучало «Тракторострой». Специалистов из разных городов, предприятий направляли на ХТЗ. Никита Дмитриевич тоже был мобилизован. Он ведь считался отличным наладчиком тяжёлых прессов кузнечного цеха. А на Харьковском тракторном уже стояли механический корпус, чугунолитейный и кузнечный. Несколько месяцев Поляков проходил стажировку на тракторном заводе в Сталинграде, потом приехал в Харьков.

В первых числах сентября 1931 года большая семья Поляковых прибыла в Харьков. Николаю в то время шёл пятнадцатый год, он очень хорошо всё запомнил. Рабочий посёлок ещё представлял собой сплошную строительную площадку: горы кирпича, цемента, деревянные леса, рельсы… Стояли готовыми лишь три пятиэтажных дома в том районе, который и поныне здесь называется «первым». В одном из этих домов уже была отведена квартира для семьи Поляковых. И они вселились — все восемь человек, вошли, как в хоромы. Ещё бы! В Николаеве жили в подвальном помещении, тесном, тёмном. А здесь — две комнаты, коридор, кухня, ванная! И квартира, как все в новых домах, изолированная.

Через пару дней Николай с ватагой таких же мальчишек бегал по улицам, уже хорошо зная, где что расположено. С одной стороны бараки Северного посёлка: там — школа, клуб, библиотека, магазины. С другой стороны — Южный посёлок, тоже деревянные бараки. Их начнут ломать перед самой войной, переселять людей в каменные дома. А трамвай — просто чудо! Как раз через несколько дней после приезда Поляковых была закончена прокладка колеи из центра города на ХТЗ, и побежал по линии первый яркий трамвай. Но главное, конечно, были корпуса огромного завода. Они вырастали на глазах. И однажды отец сказал: «Ну, Коля, я записал тебя в училище. Тоже будешь работать на заводе».

1 октября 1931 года праздновали пуск завода. Над головами людей кружились листовки, сброшенные с самолёта, под звуки «Интернационала» появился первый трактор с маркой «ХТЗ», за рулём — девушка, а сзади — весёлое бородатое лицо Всеукраинского старосты Григория Петровского… Николай, с такими же девушками и ребятами, в формах учеников фабрично-заводского училища, всё это видел, ликовал вместе с тысячами людей. А потом они отправились на первое занятие и первый

рабочий день в учебный комбинат, построенный для них на территории Харьковского тракторного завода.

Подростку этот комбинат казался светлым дворцом. Во-первых — большое, красивое трёхэтажное здание; во-вторых — для каждого предмета имелся специальный кабинет; в-третьих — здесь же работали небольшие цеха, где ребята чувствовали себя хозяевами: шлифовальный, токарный, фрезерно-сверлильный, даже термический и литейный. Но главное, полуграмотные мальчишки и девчонки получали в училище семиклассное образование, изучали математику, физику, химию, литературу…

Николай стал шлифовщиком. В этой профессии была большая нужда, да ему и самому нравилось держать на ладони ещё горячую, маслянисто-гладкую деталь, свою собственную! В 33-м году он стал к шлифовальному станку в цехе, который назывался «Шасси». В обеденные перерывы часто прибегал к отцу в кузню — эти цеха находились рядом. Приятно было слышать ему: «А, Поляков-младший» Ну как работается, парень?» — от венгерского политэмигранта Карла Тэнка. Тот тоже, как и Никита Дмитриевич, был наладчиком прессов, они дружили, у них не было друг от друга секретов.

Вообще-то Николай многих известных людей видел лично на заводе. ХТЗ ведь пользовался большой славой и большим вниманием руководства страны. Коренастый, с белозубой улыбкой под густыми усами Серго Орджоникидзе не раз проходил заводскими цехами. Бывали тут Косиор, Калинин, Ворошилов, Будённый. А Павел Постышев, первый секретарь Харьковского обкома, приезжал в посёлок трамваем, по постоянному пропуску заходил на завод, один ходил по цехам, смотрел, разговаривал с людьми. И лишь потом направлялся к директору завода.

Конечно, для молодого парня тогда, в середине тридцатых годов, эти люди были героями. А как же: когорта большевиков, соратников Ленина, руководят страной вместе со Сталиным! То, что встречался и даже иногда разговаривал с ними, вызывало чувство гордости. Но ещё больше гордился Николай одним человеком — своим старшим братом Павлом. Волевой, целеустремлённый, Павел ещё мальчишкой оказался в круговороте классовой борьбы. Пятнадцатилетним сотрудником Николаевского ЧК участвовал в разгроме остатков банд в окрестных степях. В семнадцать лет — курсант Одесской артиллерийской школы береговой обороны. Павел стремительно продвигался по службе. В 37-м году, как раз перед призывом Николая в армию, Павел стал комендантом военного порта Одессы. Писал письма из Одессы в Харьков лично младшему

братишке Николке: между ними существовала какая-то особая духовная связь. Да и внешне были они похожи друг на друга очень.

Здесь же, в Харькове, вышла замуж сестра Надя. И очень хорошо, а то ведь приставал к ней сводный брат Илюшка, хоть и младше на несколько лет. В детстве был шустрый, таким и остался: склонял девушку к связи, проходу не давал. Отец даже хотел выгнать его из дому, да мачеха слёзно уговорила простить. Теперь же Надя стала жить отдельно со своим мужем, мастером завода Яковом Гуревичем.

В 1937 году Николай был призван на действительную службу. Через время его направили в офицерскую школу в Коломне. И только молодой лейтенант её окончил, как началась его первая война.

Николай. Война

У поэта Александра Твардовского есть стихотворение «Две строчки». Аня не раз слышала, как Николай цитировал «…о бойце-парнишке, что был в сороковом году убит в Финляндии на льду».

— «На той войне незнаменитой»… Конечно, незнаменитой. Затмила её Великая Отечественная. А сейчас многие говорят: да что там за война была в той Финляндии! Всего одна зима. Но знаешь, Анечка, так говорят те, кто там не воевал.

А Николай воевал зиму 39–40-го годов на Финской. И хорошо запомнил как именно там они, советские бойцы, впервые столкнулись с европейской, хорошо обученной армией, с автоматическим оружием, с миномётами. Казалось, неприступной крепостью стояла на их пути линия Маннергейма. В каждом её доте — до 100 солдат, 14 орудий, 40 пулемётных точек. Никакое орудие не пробивало двухметровую бетонную стену…

После Финской, сразу с фронта, Николай сначала поехал в Одессу, к брату Павлу — в свой небольшой отпуск. Там, когда они с братом выпили наедине, Павел вдруг стал рассказывать странные вещи. Говорил с надрывом, видно было, что это мучает его, что сердце его болит… Оказывается, он недавно ездил в составе специальной комиссии с инспекцией по северным лагерям, где сидели политические заключённые.

— Коля, я видел там ямы, заваленные трупами! Чуть снежком припорошённые… Но ведь это же люди, это же люди были! Враги народа, пусть! Но люди… А с ними хуже, чем со скотом…

Упал головой на руки, заплакал навзрыд. Николай онемел. Не верить брату он не мог. Но как поверить? Ведь у них — страна Советов, такие вожди, войну вот только что выиграли… Он вспомнил: отец рассказывал, что Пашка, когда в пятнадцать лет в чекистах служил, не смог расстрелять пойманных бандитов. Вышел утром в тюремный двор с расстрельной командой, а там — несколько человек у стенки, в исподнем… Все пистолеты подняли, он тоже попытался, да вдруг в глазах потемнело, упал без памяти. Был бы взрослый — за такую слабость и самого могли расстрелять. А пацана пожалели…

22 июня 1941 года воинский эшелон, в котором ехал лейтенант Поляков, направлялся к границе Пруссии. Бойцы ещё не знали, что началась война. Но навстречу им, из Каунаса, уже катил поезд — обгорелые, продырявленные пулями вагоны, раненные и убитые люди, — уже нёс тяжкую весть. А вечером, когда эшелон стал на станции города Шауляя, Николай и его

товарищи впервые видели воздушный бой. Немецкие самолёты, прилетевшие бомбить станцию, встретили наши истребители — достойно встретили…

Николай Поляков любил рассказывать о фронтовых годах. Наверное, как и многие фронтовики. Столько испытаний, столько событий, и всё припало на их молодость! «Сороковые-роковые… А мы такие молодые…» Но, конечно, он рассказывал не о буднях, а самые яркие случаи, далеко не всегда ура-патриотичные.

…В военную распутицу, в спешке отступления, шла по раскисшей дороге колона танков. Сзади неё ехали машины со штабным начальством. И вдруг с одним танком случилась какая-то неисправность, он стал, перекрыв дорогу всей колоне. Объехать — невозможно, а танк не может двинуться! Из штабной машины выскочил генерал, пробрался по грязи к неисправному танку — злой, в заляпанной шинели и грязных сапогах, с тонкой тростью в руке. Командир танка, майор, выпрыгнул из люка, вытянулся в струнку перед ним, начал объяснять. Но тот, с перекошенным лицом, не слушая, закричал: «Сию минуту освободить дорогу! Под трибунал пойдёшь!». Майор тоже повысил голос: «Да не могу я…» И не договорил: генерал хлестанул танкиста тростью по лицу.

Всё это Николай видел сам: их орудия везли в той же колоне. Он видел, как побелело лицо танкиста, как генерал, не оглядываясь, пошёл по грязи назад, к машине. Как танкист прыгнул в люк, и сразу же, медленно и страшно, стал разворачиваться ствол танка в сторону генеральской машине. Один прицельный залп разнёс её в пыль, а следом раздался выстрел — танкист пустил себе пулю в висок…

В конце 41-го Николай узнал о гибели брата Павла… Перед самой войной, когда была образована Молдавская республика, Павел Поляков был назначен начальником штаба артиллерии Дунайской военной флотилии… Месяц держала оборону против фашистов флотилия на Дунае. А потом поступил приказ: затопить корабли — и чтобы врагу не достались, и чтобы перекрыть вход в Чёрное море. Как далось выполнение этого приказа Павлу, Николай мог только догадываться. А сам капитан второго ранга Поляков получил направление в Тихоокеанский флот. Однако отказался: по его пониманию, там было затишье, а здесь, на родном ему Чёрном море — самое пекло. И он остался в этом пекле, стал командиром боевого катера. Во время морского сражения за Керчь на катере кончились снаряды. И командир — Павел Поляков, — направил свой катерок на таран вражеского судна…

С начала войны Николай был командиром взвода

противотанковых пушек, с апреля 42-го — командиром огневого взвода. В его распоряжении было два артиллерийских орудия, четырнадцать солдат. Шли они вместе с пехотой по самым передовым позициям, вели бои в основном на открытой местности против танков.

Тяжёлые бои были при форсировании Днестра. Дивизия, в которой он воевал, в одном из узких мест реки вызвала огонь на себя, создавая видимость главного направления удара. На них фашисты и сосредоточили всю свою огневую силу. Взвод Николая вёл огонь прямой наводкой — до врага было метров сто двадцать… А в это время под городом Овидиополем, у Днестровского лимана, армия реку форсировала…

В августе 43-го пришла весть об освобождении Харькова. Друзья поздравляли Полякова, знали, что в оккупированном городе оставались его родные. Да, в самом деле, там оставался отец, Никита Дмитриевич, которому было уже семьдесят лет, и два младших брата Николая, совсем ещё мальчики. Сестра Надя и её муж эвакуировались вместе с заводом в город Барнаул. Там, на базе ХТЗ, был построен завод, выпускавший военную технику для фронта. Там семья Гуревичей и осталась жить, работать на этом заводе и после войны…

В конце 44-го Третья Украинская армия перешла государственную границу СССР. Румыния, Болгария, Югославия… Николай просто полюбил и Югославию, и её людей. Рассказывал Ане:

— Там нас встретили отборные войска СС. Атаки шли без передышки, танки вплотную подходили к пушкам, стреляли в упор. В городах, в посёлках шли настоящие уличные бои. Знаешь, таких смелых людей я больше нигде за границей не видел. Если падал наш солдат, убитый, тут же, откуда ни возьмись, появлялся парнишка или девчонка, хватали винтовку и шли дальше с нами. Мы их гнали, а они говорили: «Вы за нас воюете, мы будем с вами». И встречали нас повсюду как родных!

Но самые тяжёлые бои были у него дальше, в Венгрии: за Будапешт, за Балатон, под городком Секешфехервар. 60 человек осталось в батальоне, а было 900. Но там Николая пули обходили, хотя буквально рядом падали друзья. А вот сам он ранен был в апреле: в бою на границе с Австрией перед ним разорвалась мина. Наповал убило старшину и трёх солдат, в него попало несколько осколков. Особенно глубокая рана была в ноге. Хотели даже ампутировать ногу, но, спасибо врачам, — спасли. День Победы он встретил в госпитале, в Вене. Поправляясь, гулял по улицам этого красивейшего города, по знаменитому Венскому лесу…

Демобилизовали Николая в мае 1946 года. Он вернулся в Харьков, хотел пойти в свой цех «Шасси» — завод ведь был уже восстановлен, выпускал трактора. Но в отделе кадров ему предложили другое — не просто предложили, а настояли. Он — офицер и коммунист, у него есть опыт работы с людьми, авторитет. А при заводе начала работать школа фабрично-заводского обучения. Среди её учеников большое количество детдомовцев, сирот, беспризорников — ребят, обездоленных войной, с покалеченными характерами. Их нужно не только научить работать, а многих просто вернуть к честной человеческой жизни.

Вот так в ФЗО появился новый воспитатель — Николай Поляков.

Начало новой жизни

Осенью ФЗО окончательно расформировали, заработало ремесленное училище. Волкову и Полякова перевели работать туда. Начальство уже знало, что они живут вместе, семьёй. Потому комнату в общежитии, где в последнее время Аня обитала одна, оставили за ними… Вот так первый же дом, увиденный и запомнившейся ей в Харькове, стал и первым её, по-настоящему семейным, пристанищем.

Аня почти сразу забеременела, Николай был счастлив. Но официально они ещё не были женаты. Дело в том, что Аня никак не могла расторгнуть первый брак. Лунёвых уже не было в Харькове, где искать Сашку она не знала. И тогда ей неожиданно помогла Татьяна — брошенная жена старшего Лунёва: Григорий так и не вернулся к ней. Аня разыскала её, думая узнать об Александре. Татьяна работала на той же продуктовой базе, где и раньше, была бойкая, пробивная и явно не одинокая. Где искать Луневых она не знала. Но придумала, как помочь Ане. С подсказки Татьяны, Аня «потеряла» свой паспорт, а паспортистка из ЖЭКа — хорошая подруга Татьяны, — выправила ей новый, без отметки о замужестве.

В конце лета, незадолго до рождения ребёнка, Аня и Николай поженились. У Ани был хороший серый элегантный костюм. На её декретные деньги они справили похожий Николаю: из такого же серого материала, пиджак того же покроя. Сходили в ЗАГС, расписались. Шли по улице — высокие, красивые, в одинаковых костюмах… Люди оглядывались им в след — красивая пара!

Но ещё раньше, весной, произошёл один неприятный случай. Николая не было в Харькове. Как раз в то время проводилась компания по набору учеников в училище, так называемая «вербовка». Воспитатели на несколько дней, а то и на неделю выезжали в сёла и райцентры области, ходили по школам, сельским клубам, встречались с подростками, их родителями, рассказывали о своём ремесленном училище, о заводе ХТЗ, о рабочих профессиях, жизни в городе, общежитии… Агитировали поступать учиться именно сюда. Вот в такой поездке и был Николай.

Аня была на работе, в одной из классных комнат сидела, писала учебный план, когда её нашла вахтёрша, сказала: «Вас спрашивают». Она вышла в коридор и увидела молодую женщину. Узнала в ней родственницу Николая, племянницу мачехи. Удивилась:

— Шура, вы? А Николая нет.

— Я знаю, — ответила та.

Аня испугалась:

— С ним что-то случилось?

— Нет. Я к вам, поговорить…

Аня завела её в пустой класс и стала слушать Шуру. Рассказ оказался неожиданным. С Николаем у Шуры были близкие отношения и у них, якобы, есть ребёнок — девочка, недавно родилась. Шура понимает, что Николай с ней жить всё равно не будет, и она на него не претендует. А предлагает ему и Ане взять к себе ребёнка…

Аня оторопела. Но почти сразу же сказала резко:

— Нет, не верю! Я хорошо знаю Николая. Не такой он человек, чтобы скрывать своего ребёнка.

Шура молча, не возражая, стала плакать. Аня ещё больше убедилась: что-то тут не так. Она ведь и в самом деле знала Николая: знала, что он по-настоящему благородный и совестливый человек, что бросить женщину с ребёнком, скрыть это от своей будущей жены он не способен. Он рассказывал ей, что во время войны дружил с одной девушкой-связисткой из их батальона. Ту тоже звали Аня. У неё был жених, воевал в другом месте. Она хотела сохранить ему верность, но это было не просто в мужском окружении: офицеры, солдаты приставали, иногда очень настойчиво и нагло. Тогда Николай предложил ей: «Давай сделаем вид, что ты — со мной. Все отстанут». Так они и стали себя вести на людях. А на самом деле, у них были чистые и нежные отношения. Однажды Николаю пришлось спать с ней на одной постели — всю ночь пролежал он без сна, но даже не прикоснулся к подруге…

А тут — тайный ребёнок! Да ещё это странное предложение от матери: забрать его…

— Зачем же я буду брать чужого ребёнка? Я скоро рожу своего. И это точно ребёнок Николая. А вы, Шура, думаю — говорите неправду.

Шура уже плакала навзрыд. На том они и расстались.

Вскоре вернулся Николай, и Аня сразу ему всё рассказала. Он не был обескуражен, а, скорее, взбешён.

— Надо же, додумались к тебе явиться! — воскликнул во множественном числе.

И Аня поняла, что имеет ввиду не только Шуру, но и мачеху. Она и сама подозревала, что без этой женщины тут не обошлось. Николай подтвердил её догадку: рассказал обо всём открыто и подробно.

Он вернулся после демобилизации домой, а через время у них в семье появилась Шура. Она приехала после внезапно

возникшей, оживлённой переписки со своей тёткой, приехала из недалёкого села и стала у них жить. И буквально в первые же дни начала откровенно и очень энергично завлекать Николая. Причём, мачеха создавала для этого все благоприятные условия, оставляя их наедине: уходила из дому сама, уводила с собой младших сыновей. А Шура переодевалась при Николае, звала в ванную, якобы исправить кран, а сама там в это время была полуголой… Он, молодой мужчина, много лет проведших в походах, без женщин, не устоял, поддался. Но когда буквально через неделю она заявила, что беременна от него — не поверил. Не настолько, всё-таки, он был наивен в интимных отношениях. И тут же прервал близкое общение с Шурой.

Она, однако, преследовала его. Он допоздна задерживается на работе, идёт домой в двенадцатом часу ночи в надежде, что все уже спят… Но нет, Шура ждёт его, тащит к себе! Мачеха донимает: женись! Мачеха-то хорошо знает его с детства: добрый, податливый, жалостливый. На это у неё и был, видимо, расчёт: Николка лопух-лопухом, ничего не поймёт, его можно обмануть! Ведь Шура, скорее всего, приехала из деревни беременная, вот мачеха и придумала, что им, Николаем, можно будет грех прикрыть. Но не подумала она, что прошедший фронт человек не может остаться наивным простачком.

— Знаешь, Аня, — откровенно сказал ей Николай, — я, может быть, и женился бы на ней. Она, Шура, совсем не плохой человек. Всё придумала мачеха, спланировала, её подучивала. Я, конечно, её не любил, но жалко было. Удочерил бы ребёнка. Да только к этому времени я уже тебя увидел, уже говорил с тобой. Я ведь долго к тебе не подходил, всё издалека смотрел. Не был уверен, приятен ли тебе. Но для себя знал, что жениться хочу только на тебе.

Николай пошёл к мачехе и Шуре, говорил с ними. Отец, Никита Дмитриевич, стал на его сторону, приструнил своих домочадцев. Аня вздохнула с облегчением, думая, что на этом неприятная история закончилась. Но не тут-то было! Один из двух младших единокровных братьев Николая — общих сыновей мачехи и Никиты Дмитриевича, — Юрий, учился как раз в их ремесленном училище. Уже тогда славился, как отпетый, неуправляемый хулиган. (Он и в самом деле плохо кончил: спился, много раз попадал за хулиганства на 15 суток ареста, и умер пьяный, под забором — замёрз в зимнюю стужу). Так вот, этот подросток Юрка стал по всему училищу разносить грязные сплетни об Ане. Она не сразу об этом узнала. Но стала замечать, что девушки, её воспитанницы, шепчутся, с сочувствием посматривая на неё. А одна даже подошла, сказала:

— Анна Александровна, вы не думайте, мы не верим этому дураку!

Преподаватели смотрели на неё тоже по-особенному: кто доброжелательно, кто просто с любопытством. Были и такие, в чьих взглядах сквозило осуждение. Когда одна пожилая учительница сказала ей:

— Вы, Анечка, поговорите с Поляковым, пусть он уймёт своего брата, — Аня даже не поверила.

Но вскоре и сама услышала. Шла на перемене по коридору, а высокий худой мальчишка говорил громко группе таких же парней:

— Я эту падлу Аньку зарежу! Увела Кольку от моей сеструхи двоюродной! Думает, раз больно учёная, всё ей можно! Убью!

Голос у него был нарочито хриплый, уркаганский.

Аня остановилась напротив, посмотрела на него в упор. Юрка только сейчас её увидел, съёжился, но ещё попытался хорохориться. И всё же не выдержал резкого, гневного взгляда тёмных глаз молодой женщины, забормотал что-то неразборчиво и зло, развернулся и убежал.

А Николай в это время опять уехал в вербовочную командировку. Тогда Аня решила сама за себя постоять. Оделась красиво, элегантно, чтоб видели — вот она какая! — и пошла к Поляковым. Никита Дмитриевич был на работе, дома оказались мачеха, Шура, Илья и его жена Мария, их трёхлетняя дочь Лиля. В кроватке лежал младенец: кудрявый, белокурый, голубоглазый, румяный, полненький — ну прямо ангелок! У неё на миг остановилось сердце: подумала, что это дочь Шуры. Но нет, это был младший сынишка Ильи, шестимесячный Алька. Той девочки почему-то не было — возможно, её увезли в деревню к Шуриным родителям.

У Ани кружилась голова от волнения, всё перед ней плыло, как в тумане. Но она взяла себя в руки, заговорила. О приходе к ней Шуры, о странном предложении взять ребёнка. Об угрозах Юрия:

— Как можно обзывать человека гадкими словами, совсем его не зная! Да и сам ли мальчик до этого додумался? Не здесь ли его настраивают против собственного брата и жены брата?

Шура молчала. Было видно, что чувствует она себя неловко, что сама не рада всей этой истории. Илья и Мария тоже помалкивали, стоя в стороне. Мачеха кричала:

— Но он же жил с ней!

— Николай этого не отрицает, — отвечала Аня. — Но ребёнка своим не признаёт.

— Его ребёнок! Его! — кричала мачеха.

— А он не признаёт! — повторяла Аня, как в бреду.

В это время Шура, со сдавленным всхлипом, повернулась и выбежала из комнаты. Пока она была здесь, Аня чувствовала себя немного неловко. Всё-таки с этой молодой женщиной у Николая были близкие отношения. Он оставил Шуру, чтобы уйти к ней, Анне… И, что от себя-то таить: совсем малюсенькое, но было у неё сомнение — а вдруг ребёнок всё-таки от Николая… Но когда Аня осталась один на один с мачехой, неловкость исчезла. Только холодная неприязнь к этой женщине. Она гордо вскинула голову, сказала строго:

— Что же вы портите жизнь сыну? Пусть и не родному, но вы его воспитывали с детства… Я его жена, вот — положила руку себе на живот, — его ребёнок! Хотите разрушить его семью? А ведь он никогда мне о вас плохого слова не сказал! Стыдно! Пожилая женщина, а занимаетесь интригами…

Повернулась, и пошла прочь, чувствуя, как горит от возбуждения лицо. Илья пошёл её провожать. По дороге, поглядывая искоса с интересом, утешал:

— На мать не обращай внимание. Как бы она ни кричала, а Коля с Шурой жить не будет.

— Да она и сама это знает, говорила мне, — отвечала Аня. — Она хочет отдать нам ребёнка!

— Глупости! — засмеялся Илья. — Сама пусть растит. Я точно скажу — это не Колин ребёнок. Насчёт Юрки тоже не беспокойся — мы с батей его прикрутим.

…Где-то через год Илья и Мария пригласили молодых Поляковых к себе в гости на праздник. Аня и Николай пришли. Оказалось, что там была и Шура со своим мужем: она вышла замуж за деревенского жителя, по профессии печника. Сидели все за одним столом, печник подвыпил, обнимал бесцеремонно Шуру за плечи, она стеснялась, отстранялась… Потом Шура родила от него девочку, но вскоре с ним разошлась.

Аню и Шуру жизнь ещё один раз свела — через несколько лет, когда Аня уже работала учительницей младших классов в одной из школ района ХТЗ. В конце августа, перед началом учебного года, она проводила родительское собрание. Ещё никого не знала, поскольку только что выпустила четвероклассников и должна была начать обучать 1-й класс. Родители её будущих учеников ещё собирались в классе, она вышла в учительскую. Возвращаясь, увидела, что по коридору идёт Шура и сворачивает к её классу. К двери подошли одновременно. Аня спросила:

— Шура, вы, наверное, ошиблись?

Та ответила:

— Нет, мне сюда.

— Ко мне в класс? А кто здесь у вас?

— Дочь.

— А как фамилия?

— Вера Окаёмова.

— Да, — сказала Аня. — Есть у меня в списках такая ученица. Так заходите!

Вера Окаёмова, прилежная и послушная девочка, проучилась у Ани четыре года. Учительнице необходимо было лично знать, в каких условиях живут её ученики. Аня навестила все семьи своих ребят ещё в первый год обучения. Многие из них жили в одном многоэтажном коммунальном доме. Там же была и комната Шуры. Не зайти к ней было неловко: всё равно узнает, что учительница приходила к другим детям. Аня зашла, хотя не очень ей этого хотелось. Комната оказалась чистой, уютной. Обстановка, правда, бедная, но Шура постаралась украсить своё жилище самодельной вышивкой, салфеточками. Аня сказала ей одобрительно:

— Хорошо у вас, для ребёнка есть все условия заниматься.

Дома были обе девочки: и Вера, Анина ученица, и старшая её сестра — та самая… Аня, как ни старалась сдержаться, всё-таки незаметно разглядывала девочку. Нет, совершенно не похожа на Николая — ни одной черты!

Шура вышла проводить учительницу в длинный общий коридор. Остановилась, сказала взволнованно:

— Анна Александровна, вы простите меня, сами знаете за что… Не я тогда это всё придумала, но всё равно виновата. И не от Николая у меня дочь, конечно…

Махнула рукой, повернулась и быстро ушла.

Потом они не раз ещё встречались в школе, на родительских собраниях, но уже не было между ними неловкости, недоговорённости…

Александра Окаёмова много лет трудилась на тракторном заводе, была одна из первых заводских ударниц коммунистического труда, её фото постоянно висело на Доске Почёта. Когда я, молодая журналистка, работала в заводской многотиражке «Темп», не раз встречалась с ней на слётах ветеранов, знатных людей завода, даже писала. Я, конечно, не подозревала о её связи с нашей семьёй, но она наверняка знала, что я — дочь Николая Полякова…

Семья

Аня знала, что, когда они от ФЗО ездили в колхоз «на зерно», Николай там надорвался, тягая мешки, потом болел. Она с подругами навещала его, но подробно не интересовалась, что же это за болезнь у него. Однако, когда они с Николаем уже открыто жили вместе, один из их друзей, тоже воспитатель Фёдор Рулько, словно бы из добрых чувств предостерёг её:

— Смотри, Анюта, не пожалей, выходя за Полякова. Знаешь, какая у него болезнь? По мужской части! С такой болезнью больше десяти лет с женщиною не живут.

Аня сумела скрыть своё удивление, насмешливо вздёрнула подбородок:

— Ого, десять лет! Мне вполне хватит!

Ошибся Фёдор. До конца своей жизни, до 65-ти лет, Николай был в хорошей потенции. Благодаря Аниной заботе тоже. Ведь в первые годы супружества он вынужден был носить специальный корректирующий бандаж. Тогда в продаже таких не было, и жена сама ему шила…

Был Николай прекрасным мужем. Магазины, базар, мытьё полов, вынос мусора, завтраки детям по утрам перед школой — это всё было на нём. И не потому, что Аня не хотела этого делать: она с утра до вечера, всё внешкольное время, была занята проверкой тетрадей, писанием планов, методических занятий, детьми — своими и учениками… А Николая домашняя работа нисколько не тяготила, наоборот — была в радость. Он, например, с удовольствием делал сырники, картофельники и котлеты — Аня так вкусно их готовить не умела. Зимними вечерами катал детей и жену на санках: разгонялся бегом, все весело смеялись… Любил носить дочерей на плечах, подпрыгивая и напевая любимую песню: «По Дону гуляет казак молодой». Аня смеялась:

— Ну и певец! Совсем нет голоса и слуха!

Конечно, сама-то она прекрасно пела.

По праздникам — на Первомай, Октябрь, Новый год, — они любили ходить гулять к заводу. Вечером выходили на проспект и шли к заводской проходной. И не одни они: многие люди, нарядные, целыми семьями, медленно прогуливались в ту же сторону. И вот уже издалека становились видны разноцветные вспышки — это сверкала празднично украшенная проходная! Нынешним детям не понять того восторга: сейчас улицы города днём и ночью переливаются огнями витрин. Тогда же иллюминация устраивалась только по праздникам и сама

становилась настоящим праздником. Загорались одна за другой буквы лозунгов, гасли и вновь разбегались в разные стороны яркие лучи от лампочек, оживали картины. А вокруг — столько людей! Все пришли полюбоваться… Какая радость была, особенно для детей!

Был Николай счастлив в семье. Оттого, что любил сам и чувствовал любовь к себе. Хотя Аня и считала, что вышла замуж за Полякова без особенного чувства, что настоящей любви — такой, как в книгах, — она не испытывала ни к кому, всё-таки любовь была, была… Она сама это поняла, правда, не сразу…

Не только помощником по хозяйству был ей муж. Отлично зная международную жизнь, он всегда помогал Ане готовить политинформации для педсоветов. О любой стране спроси его, о любом политическом деятеле — всё знал, всё мог рассказать, и рассказывал интересно. Однажды был такой случай, уже тогда, когда Николай, начиная с 1949 года, вновь работал на ХТЗ, в своём родном цехе «Шасси». В цехе ждали лектора-международника из Москвы. В те 50-е годы такие лекции собирали множество народу. В обеденный перерыв красный уголок был полон. А лектор всё не шёл. И стало, наконец, ясно, что он и не появится. Люди стали кричать:

— Давай, Поляков, ты рассказывай!

А был Николай тогда парторгом цеха, и все знали, какой он рассказчик. Он смутился:

— Да что вы, ребята, я же не лектор.

— Ты лучше его!

— Ну хорошо, — согласился он. — Задавайте вопросы.

И отлично провёл лекцию.

Партийное руководство завода предлагало Полякову идти работать инструктором в райком партии. Это был верный путь быстрого продвижения по партийной линии. Но Николай об этом не думал, как не думал о какой-либо выгоде, вступая в компартию на фронте, в тяжёлом для страны 42-м году. И от предложенной партийной карьеры отказался. Из скромности. Считал, что образования у него маловато: семь классов, училище и фронт…

Да, он был скромен, тактичен, никогда в своей жизни никого не обидел. Именно таких людей и называют «интеллигентами» — не по образованию, а по складу души. Аня помнит такой случай: пошли они с Николаем в кино, уже звенел звонок к началу сеанса, а его задержал какой-то знакомый. Он сказал жене:

— Иди в зал, я сейчас подойду.

Она пошла, села на места по билету — где-то в середине ряда. Погас свет, начался фильм. Николая всё не было. Она

полфильма тянула голову, высматривая его в темноте… Сеанс окончился, она пошла на выход, а он там её ждёт.

— Где ты был? — воскликнула Аня рассерженно. — Почему я должна была одна сидеть?

— Не ругайся, Анечка, — оправдывался он виновато. — Я когда в зал зашёл, сеанс уже начался. Не мог же я беспокоить людей, пробираясь к тебе… Сел скраешку, на свободное место…

15 лет выплачивал Николай алименты мачехе. Она ведь никогда не работала, и пенсия ей, по законам того времени, начислена не была. Когда, в 1952-м году, умер Никита Дмитриевич, мачеха подала в суд на алименты: чтобы платили ей её родной сын Илья и приёмный Николай. Суд так и постановил. Но мачеха жила вместе с семьёй Ильи, ясно, что те деньги шли в общий семейный бюджет. А вот семья Николая обделялась. Им и без того материально было трудно, часто до получки Аня занимала деньги у одной учительницы, с которой дружила и которая жила побагаче.

О том, что Николай часть заработка отдаёт мачехе, Аня не знала. Он рассказал ей об этом только в 67-м году, после смерти мачехи…

— Бог мой, Николай! — не могла поверить она. — У своих детей забирал! Сколько лет! Недоедали, на одежду не хватало… Ты бы мог сам подать в суд, оспорить…

— Да ладно, — утешал он жену. — Дело прошлое… И потом, всё-таки она меня с пяти лет воспитывала…

Вот такой он был: о других в первую очередь, о себе забывал. Парторг цеха — через его руки проходило и распределение квартир, и получение путёвок в санатории, дома отдыха. Но сами Поляковы долго жили в коммуналке: всегда оказывались рабочие, которым, по мнению Николая, эти квартиры были нужнее. И лишь когда обе дочери ходили в школу, семья переехала в изолированную двухкомнатную «хрущёвку». Та же история и с санаториями. Никогда они не ездили отдыхать по путёвкам. Только несколько раз — к Аниной сестре Гале в Геническ, на Азовское море.

Галя, кстати, одно время ездила в Харьков — в конце сороковых, начале пятидесятых годов. Она после войны жила тем, что спекулировала. Сейчас подобное называется «бизнесом» и этим занимается половина бывшей большой страны. Тогда же спекуляция — покупка товара по одной цена и перепродажа по цене большей, — было дело рискованное, подсудное. Но Гале в то трудное время нужно было кормить маленьких сыновей-сирот, да и себя. Из Харькова в Геническ она возила трикотаж: чулки, носки, майки, трусы, там перепродавала. Ане она привозила

очень вкусную рыбку — бычков и камбалу. Сама, на рыбацкой лодке, ловила её в Азовском море, сама коптила… И лишь позже, когда жизнь немного наладилась, Галя пошла работать в парикмахерскую прачкой. Однажды, стирая, вогнала в руку забытую кем-то в халате иглу. Трижды ей делали операцию, пытаясь достать убегающую иголку. Достали, но рука осталась в шрамах, скрюченная… Недаром когда-то отец падал головой на руки и плакал, жалея девочку: «Ох, Галя, Галя!..» В детстве покалечила она ногу, ещё молодой женщиной — руку…

Тогда же купила Галя дом-развалюху — всё-таки лучше, чем землянка, вырытая ещё до войны с мужем. Стала делать ремонт, пристраивать комнату, сарайчик. Написала Ане письмо с просьбой прислать тысячу рублей на ремонт. Она считала, что Аня живёт обеспеченно, что Коля много зарабатывает и сестра ходит в шелках. А Аня в шелках, крепдешине и файдешине ходила только в девичестве, у родителей. Пришлось ей ответить сестре, что таких денег она и в глаза не видывала.

То, что Николай очень начитан, Аня поняла с первых же моментов общения с ним, ещё дружеского. На что уж она любила читать, но до него ей было далеко. В те времена личные домашние библиотеки были редкостью. А вот общественные — очень популярны. У завода ХТЗ имелась прекрасная, с огромным фондом, профсоюзная библиотека. Располагалась она в том самом, знаменитом «Двадцатом» доме. Николай Поляков был одним из лучших постоянных её читателей. Каждую неделю он приносил по стопке книг из библиотеки — себе и Ане. Говорил: «Вот эта книга — о том-то и о том-то, очень интересная. Тебе понравится…» Когда подросли дочери, стал приносить книги и им. Многие знакомые долго потом вспоминали: идёт Поляков по улице, несёт в авоське книги, задумался, никого не видит…

Да, верно: если Николай о чём-то задумывался — никого и ничего вокруг не замечал. Кое-кто даже обижался — мол, не здоровается Поляков: смотрит прямо на человека и проходит мимо. А он просто этого человека не видел. Я и сама помню курьёзный случай. Однажды, классе в восьмом, я удрала с уроков. Шла себе, наслаждаясь весенней погодой, по центральному проспекту района, который называется проспектом Орджоникидзе. А навстречу — отец! Я испугалась: время-то учебное, сейчас увидит, поймёт, что я сачкую… А он прошёл мимо, даже слегка задел меня — я приостановилась, готовясь к встрече и объяснению, — и сказал рассеянно: «Извините…» Не узнал, а, вернее, не увидел.

Читатель, конечно, уже давно понял: Анна Волкова и Николай Поляков — это родители автора. Да, в 1949 году у Ани и

Николая родилась первая дочь — я. Но это, как говорится, уже совсем другая история…

Запомнить на всю жизнь

Лето на «Довгой» улице. Десятилетняя Аня в большом сарае катается на качели — доске и крепких верёвках, привязанных к балке. Дверь сарая распахнута, светит солнце, день жаркий. Далеко в небе что-то громыхает, но она не обращает внимания: сейчас должны прибежать подружки, они будут кататься вместе… И вдруг хлынул ливень! Она подбежала ко входу и застыла. Дождь лил сплошной завесой! Никогда ни до, ни после этого ей не приходилось видеть такого беспросветного потока воды. Она глядела, заворожённая. И подумала, понимая, что видит нечто необычное: «Запомнить это на всю жизнь!»

Именно так, этими словами подумала. Именно эти слова Аня повторяла несколько раз в своей жизни: в самые светлые и счастливые моменты. Потому что память человеческая, хотя и помнит всё, но хочет оставить в себе навсегда только самое лучшее.

Когда брат Денис, окончив военное училище, приехал к родителям в Новохопёрск, Аня училась в техникуме. У Дениса был долгий отпуск перед службой на Дальнем Востоке. В одно воскресное утро Аня ещё отсыпалась, а брат уже встал, умылся и зашёл к ней в комнату.

— Вставай, соня, всё на свете проспишь!

Она открыла глаза: Денис стоит в дверях — в галифе, в майке, с полотенцем через плечо. Высокий, мускулистый, солнце из окна светит прямо на него. И Аня, задерживая в памяти эту картинку, думает: «Запомнить это на всю жизнь!»

Тогда же, когда Волковы жили в Новохопёрске, Аня возвращалась из техникума домой вечером. Остановилась на высоком холме. Тропинка среди зарослей кустарника сбегала вниз, и там, внизу, серебрился под лунным светом плавный изгиб реки. На несколько бесконечных минут девушке показалось, что только она одна в мире видит эту красоту! Что мир замер, как замерла, слилась с ним она сама… Но вот где-то залаяла собака, прошелестел листьями ветер, дрогнула, побежала лунная дорожка по воде… Аня очнулась, посмотрела в ту сторону городка, где стояли домики, светились окна. Она нашла глазами дом, в котором они жили, окна, которые тоже светились. Подумала: «Папа и мама ждут меня, ужин готов… Запомнить это на всю жизнь!»

Зима, начало сорок первого года. Федя приехал из Ленинграда на каникулы — первокурсник института, будущий авиаконструктор. Он привёз тёплый лётный шлем, когда Аня

первый раз надела его, сказал весело:

— Ну ты просто Осипенко, Гризодубова и Раскова вместе взятые! Правда, сестричка, тебе идёт. Дарю!

Однажды вечером, надев этот шлем, Аня вместе с братом вышла во двор. У хозяев, в доме которых они жили здесь, в Лисках, был сарай с плоской крышей, к стене приставлена лестница. Федя кивнул:

— Полезли наверх, я тебе что-то покажу, там виднее.

На небосводе сияли звёзды. Такие крупные и ясные, что, казалось, они звенят в морозном воздухе.

— Правда, здорово? — спросил Федя. — А ты смотри туда, вглубь, долго, не отрываясь.

Аня запрокинула голову и через несколько минут произошло чудо. Она вдруг стала видеть множество мелких звёздочек — просто звёздную пыль, — которых поначалу как будто даже и не было. А ещё через пару минут ей показалось, что она сама растворилась в этом звёздном скоплении, что какие-то вихри и спирали затягивают её глубже, глубже… Голова закружилась, хорошо, что они с Федей сидели на крышке чердачного люка.

Брат стал показывать ей созвездия: Кассиопею, Льва с яркой звездой Регул, Весы… Аня поражалась, как много он знает — сама могла найти только Большую Медведицу. Федя говорил: туда, к далёким планетам, полетят ракеты, которые он будет строить.

— А скоро? — спросила она.

— Скоро! — ответил брат.

От полной луны и белого снега всё вокруг было видно, как днём. Аня видела, как блестели прекрасные глаза брата — так же, как прекрасные звёзды в небе. «Запомнить это на всю жизнь!» — подумала она. И запомнила.

Конец.